

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 3 2023 (МАРТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

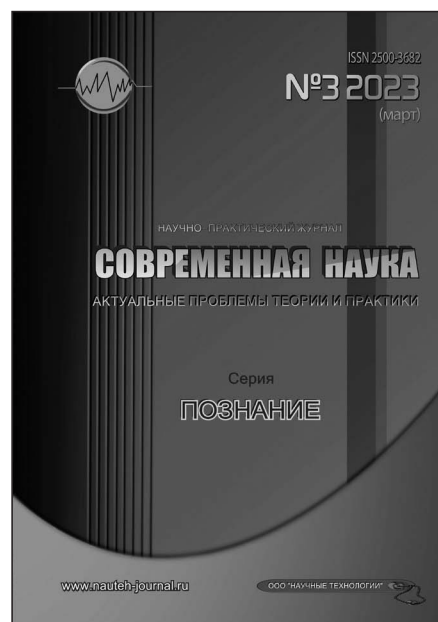
Подписано в печать 10.03.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №3 (март) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Викторова Е.В. – Социокультурные черты импрессионизма
Viktorova E. – Socio-cultural features of impressing 5

Киреев М.Н., Коренева Е.Н., Киреева Н.В. – Из истории культурного влияния иммигрантов в Западной Европе: глобализация и интернационализация культуры
Kireev M., Koreneva E., Kireeva N. – From the history of cultural influence of immigrants in Western Europe: globalization and internationalization of culture ... 10

Комиссаренко С.С. – Культура семейных отношений в контексте социальной конфликтности
Komissarenko S. – The culture of family relationships in the context of social conflict 15

Раитина М.Ю., Покровская Е.М. – Технократический контекст в осмыслении векторов современной социальности
Raitina M., Pokrovskaya E. – Technocratic context in comprehension of the vectors of modern sociality 20

Скопа В.А., Филатов Н.П. – Культурологический анализ причин господства и кризиса высокого классицизма
Skopa V., Filatov N. – Cultural analysis of the reasons for the dominance and crisis of high classicism..... 24

Хвощевская И.В. – Культурная самобытность России и значения исторического факта в ее становлении
Khvoshchevskaya I. – Cultural identity of Russia and the significance of historical fact in its formation 28

Чжэн Сян, Назаров Ю.В. – Влияние цифровых медиатехнологий на характер музейной деятельности
Zheng Xiang, Nazarov Yu. – The influence of digital media technologies on the nature of museum activities..... 32

Шестаков И.А. – Управление развитием культуры на муниципальном уровне: проблемы и решения
Shestakov I. – Cultural development management at the municipal level: challenges and solutions. ... 37

Психология

Бабушкин А.Н. – Дифференциация уровней нетворкинга
Babushkin A. – Differentiation of networking levels 43

Банщикова А.В. – Проявление когнитивного бессознательного при запоминании и узнавании инвертированных слов
Banshchikova A. – Manifestation of cognitive unconsciousness in remembering and recognizing inverted words..... 47

Белинский А.В., Девишвили В.М., Черноризов А.М., Лобин М.А. – Влияние эмоционального напряжения на параметры тремора усилия в процессе «штативного хвата» пера
Belinsky A., Devishvili V., Chernorizov A., Lobin M. – Influence of emotional tension on the parameters of effort tremor during "dynamic tripod grip" of the pen 54

Богущ В.В., Петрова Е.А. – Психологические особенности супружеских конфликтов в бездетных семьях
Bogush V., Petrova E. – Psychological features of marital conflicts in childless families..... 64

Голдобин Е.С. – Философия стоицизма и гештальт-терапия
Goldobin E. – The philosophy of stoicism and gestalt therapy..... 70

Гудименко О.В. – Гендерная идентичность в раннем и позднем юношеском возрасте
Gudimenko O. – Gender identity in early and late adolescence 79

Кадочникова И.В. – Результаты исследования контроля за действием у сотрудников исправительных учреждений
Kadochnikova I. – Results on the control over the actions of employees of correctional institutions 85

Капустина Т.В., Родникова Е.А., Боленкова Е.Ф. – Привязанность как детерминанта комплексного посттравматического стресса (КПТС): теоретические аспекты
Kapustina T., Rodnikova E., Bolenkova E. – Attachment as a determinant of complex posttraumatic stress: theoretical aspects 88

Конаш О.В. – Содержание понятия «профессиональная идентичность», ее компоненты и факторы формирования
Konash O. – The concept maintenance "professional identity", its components and formation factors 93

Макарова М.В. – Тревога и психологические защиты в экзистенциально-гуманистическом направлении
Makarova M. – Anxiety and psychological defences in an existential-humanistic perspective 98

Пикта В.А. – Проблема баланса работы и семьи на этапе средней взрослости у специалистов, задействованных в торговле
Pikta V. – Problems of work-family balance at the stage of middle adulthood of trade employees 106

Савченко С.Н. – Трудности понимания собственных эмоций в экологических ситуациях у молодежи
Savchenko S. – Difficulties of recognizing own emotions in ecological situations among the young population 111

Ядрищенская Т.В. – Полушарно-когнитивные стили и виды мышления в аспекте образовательной деятельности
Yadrischenskaya T. – Hemisphere-cognitive styles and types of thinking in the aspect of educational activity 114

Философия

Большакова А.С. – «Помещение в бездну» как игра репрезентаций: мизанабим в картине Д. Веласкеса «Менины»

Bolshakova A. – "Accommodation in the abyss" as a game of representations: mise en abyme in D. Velasquez's "Las Meninas" 118

Кочарский Л.С., Зимовец Л.Г. – Социально-философский анализ генезиса неоевразийства
Kocharsky L., Zimovets L. – A socio-philosophical analysis of the emergence of neo-eurasianism 122

Малимонов И.В., Синьковская И.Г., Король Л.Г., Рахинский Д.В., Шепелева Ю.С. – Процесс трансформации гендерных отношений в современном обществе
Malimonov I., Sinkovskaya I., Korol L., Rakhinsky D., Shepeleva J. – The process of transformation of gender relations in modern society 127

Информация

Наши авторы. Our Authors 130

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 132

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЧЕРТЫ ИМПРЕССИНГА¹

Викторова Елена Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский
государственный университет
vikele@mail.ruSOCIO-CULTURAL FEATURES
OF IMPRESSING

E. Viktorova

Summary: Using specific examples from the biographies of talented individuals, the specific features of impressing as a biosociocultural phenomenon are described. At the same time, the special significance of considering the sociocultural features of impressing, as well as the sociocultural aspects of the manifestation of its biopsychosocial features, is emphasized. This is due to the understanding of impressing as a phenomenon, the functioning of which is subject to the logic of the development of culture and which reflects the relationship between personality and culture. From a practical point of view, the emphasis on the specifics of impressing is determined by the fact that, due to its identification and study, it is possible to purposefully use the potential of impressing as a mechanism for activating talent.

Keywords: culture, socialization, personality, socio-cultural environment, impressing, impression, talent.

Аннотация: С привлечением конкретных примеров из биографий талантливых личностей описаны специфические черты импрессинга как биосоциокультурного феномена. При этом подчеркнута особая значимость рассмотрения социокультурных черт импрессинга, а также социокультурных аспектов проявления его биопсихосоциальных черт. Это обусловлено пониманием импрессинга как феномена, функционирование которого подчиняется логике развития культуры и в котором отражается взаимосвязь личности и культуры. С практической точки зрения, акцентирование внимания на специфике импрессинга обусловлено тем, что благодаря ее выявлению и изучению возможно целенаправленное использование потенциала импрессинга как механизма активации талантности.

Ключевые слова: культура, социализация, личность, социокультурная среда, импрессинг, впечатление, талант.

Введение

В современном социогуманитарном знании интерес к импрессингу как сложному биосоциокультурному феномену продиктован не только его относительно слабой изученностью, но и высокой практической значимостью: последствия импрессинга имеют как личностное, так и общественное, культурное значение². Однако, и изучение импрессинга, и целенаправленное раскрытие и применение его потенциала не только обусловлено, но – более того – затруднено – специфическими чертами этого непростого феномена.

Специфичность импрессинга, состоящая в разнообразности, индивидуальности, парадоксальности и слабой предсказуемости, отмечена уже в трудах В.П. Эфроимсона – советского ученого, введшего в научный оборот термин «импрессинг». Будучи генетиком и педагогом,

В.П. Эфроимсон отмечал, что разные генотипы определяют различия детей и подростков в чувствительности к воздействиям среды и, соответственно, к импрессингу даже при одинаковых социальных условиях его возникновения. Различаются и последствия импрессинга: могут сформироваться «разные жизненные идеалы, да и устремление к их реализации может принять разный характер и интенсивность» [15, с.9].

При этом В.П. Эфроимсон подчеркивал, что опорой при изучении и применении на практике знаний об импрессинге являются не столько его черты как биологического феномена, сколько его черты как феномена социокультурного. Отсюда наш интерес к раскрытию именно социокультурных черт импрессинга (а также к социокультурным аспектам проявления биопсихосоциальных черт), которым мы посвятим данную статью³.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14014 «Информационное воздействие на личность в условиях цифровизации культуры и образования как импрессинг: риски и потенциал» (The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-14014).

2 Импрессинг представляет собой информационное воздействие социокультурной среды, оказывающее на личность такое впечатление, результатом которого становится ее устойчивое стремление к определенному виду творческой деятельности [2, с 254].

3 Заметим здесь, что все черты импрессинга тесно взаимосвязаны, и это нашло отражение при их описании в тексте статьи.

Результаты исследования

Непредсказуемость возникновения импресси́нга.

Одна из основных черт импресси́нга, выражаясь словами

В.П. Эфроимсона, – слабая предсказуемость. Именно ею прежде всего вызваны затруднения в эмпирическом изучении этого феномена⁴

В возникновении импресси́нга велика роль совпадения наследственной предрасположенности индивида, благоприятствующего периода жизненного времени, ситуации эмоциональной уязвимости, параметров социокультурной среды и содержательной специфики непосредственного воздействия. При этом импресси́нг не находится в прямой зависимости от отдельных факторов, но является результатом стечения нескольких детерминант (природных, социальных, культурных).

Такое стечение, совпадение наводит на мысль о его случайном характере. Культуролог М.Ю. Лотман в контексте своих представлений о взрывах в динамике культурного развития говорил о столкновении «непредсказуемых по своим последствиям» событий, «дающих толчок широкому ряду процессов» [5, с. 58]. К подобным событиям, опираясь на указанные характеристики, на наш взгляд, можно отнести импресси́нг как феномен и индивидуальной жизни, и социокультурной. Рассуждения Ю.М. Лотмана о случайном, взрывном характере значимых событий в культуре и их связи с «отдельными человеческими судьбами» [5, с. 117] позволяют, на наш взгляд, многое объяснить в функционировании импресси́нга как феномена, иллюстрирующего роль личности в культуре. Результат импресси́нга – значимый вклад в культуру – это результат случайностей в жизни отдельно взятой личности. Непроизошедший импресси́нг равен неслучившемуся таланту и его неслучившимся достижениям так же, как «гениальное произведение искусства, сделавшееся поворотным пунктом в культурной истории человечества, не было бы написано и ничем не было бы скомпенсировано, если бы автор его погиб в детстве от случайной катастрофы» [5, с. 58].

В том столкновении/совпадении, которое приводит к импресси́нгу, В.П. Эфроимсон отводил важную роль наследственной предрасположенности индивида (к определенным воздействиям среды, к определенным видам деятельности). Однако идея о предрасположенности предполагает, что последняя проявляется в нормальных

условиях. При этом в отношении человека «нормальные средовые условия» позиционируются как «расплывчатые»: невозможно взять за основу даже средние величины для популяции [8]. Именно поэтому В.П. Эфроимсон указывал на необходимость обратить внимание на надприродные факторы возникновения импресси́нга. Но простых ответов импресси́нг не дает и здесь. В процессе социализации, и прежде всего стихийной, схожие по условиям и содержанию воздействий ситуации как могут стать импресси́нговыми, так могут и не стать таковыми.

Избирательность индивида к воздействиям среды

Определяется непредсказуемость возникновения импресси́нга не только случайностью сочетания различных факторов, но и индивидуальным характером реагирования личности на них (об этом пойдет речь ниже). Избирательность в восприятии внешних воздействий в случае с импресси́нгом настолько высока, что ее первопричиной усматривают заложенную «программу», предопределяющую реакцию индивида на определенные воздействия, а другие составляющие импресси́нга при этом рассматриваются как некие пусковые механизмы уже заданных параметров [15], [9]. При этом роль «других составляющих» подчеркивается тем, что большая часть наследственной программы остается незатронутой, т.к. не вступает в резонанс со средой. На наш взгляд, здесь вполне уместно описание происходящего словами

М.Ю. Лотмана о том, что «реализация одной потенции может быть охарактеризована как нереализация целого набора других» [5, с. 58]. Если в критический, с точки зрения возрастного развития и эмоционального состояния, момент не поступает ключевого стимула, то заложенная программа не запускается или запускается искаженно, не полностью [4]. Однако и здесь можно усмотреть свой смысл: как отмечает В.С. Степин, «за всеми случайностями, которые неизбежно сопровождают изменения культуры, стоят реальные запросы общества, потребности в трансформациях сложившихся стереотипов и способов человеческой деятельности» [12, с. 114]. Подобный ход мыслей приводит к рассмотрению импресси́нга (наряду с социальным и культурным импринтингом) как одного из инструментов культурного программирования.

В каком бы русле ни шла речь о возникновении импресси́нга – как о явлении индивидуальной жизни, или как о биосоциокультурном механизме активации талантности с ее значимыми для культуры последствиями – очевиден тот факт, что импресси́нг относится к

⁴ В случае с импресси́нгом как предметом научного познания особая роль отводится теоретическим и биографическим исследованиям, так как специфические черты импресси́нга затрудняют его эмпирическое изучение. Прежде всего, в данном случае речь идет о непредсказуемости импресси́нга и о том, что для формирования личностно значимого впечатления достаточно однократного воздействия среды. Это затрудняет создание экспериментальных условий для проверки достоверности получаемых эмпирических данных. Однако попытки эмпирического изучения функционирования импресси́нга имеют место. С их результатами можно ознакомиться в других работах автора.

тем феноменам, прогнозирование которых, по словам Ю.М. Лотмана, почти невозможно, «а между тем отрицать реальность и значение их было бы более чем неосторожно» [5, с. 63]. Так, и В.П. Эфроимсон говорил не об абсолютной непредсказуемости импрессиона, а о его слабой предсказуемости и – в силу индивидуальной и социокультурной значимости – о необходимости его изучения.

Парадоксальность реагирования и последствий

Индивидуальный характер реагирования на воздействия среды приводит к тому, что реагирование может показаться парадоксальным. Парадоксальными могут показаться и сами последствия импрессиона. Если, возвращаясь к идее Ю.М. Лотмана, рассматривать стечение/столкновение множества описанных нами выше факторов, приводящих к импрессиону, с позиции взрывов в культуре, то можно говорить о том, что такое стечение/столкновение приводит к «возникновению взрывного пространства», которое представляет собой «пучок непредсказуемых возможностей» [5, с. 118]. Непредсказуемый характер возникновения такого пространства и непредсказуемость выбора одной из возможностей из этого «пучка», как уже известно, носит случайный характер: из «целого набора разноразрядных последствий» импрессиона «суждено реализоваться и стать историческим фактом лишь какому-то одному» [5, с. 58].

Жизненные истории В.И. Баженова, О. де Бальзака, Л. ван Бетховена, Н.С. Гумилёва, М.М. Зощенко, И.А. Крылова, В.В. Маяковского, В.И. Мухиной, И.С. Тургенева, П.И. Чайковского и мн.др. демонстрируют нам парадоксальный характер импрессиона: механизм активации творческих задатков срабатывает даже в том случае, если воздействие среды является по своему содержанию негативным.

Так, талант И.А. Крылова развивался в тягостном для будущего баснописца социальном окружении: бедность вынудила родителей отправить мальчика на проживание в богатый дом семьи Львовых. Здесь двенадцатилетний И.А. Крылов не раз испытывал унижение, когда при гостях его использовали как прислугу, но именно здесь он испытал страсть к чтению сатирических произведений, читая их «с жадностью» и самостоятельно участь по ним жизни [3, с. 51].

Обиды и унижения, причиняемые учителем, пережил в раннем отрочестве О. де Бальзак [13]. И непрерывные наказания, в том числе палкой и розгой, за то, что, по мнению учителя, было ничегонеделанием: «он читает и учится не так, как все, не так, как принято», «то отстаёт, то одним скачком всех обгоняет» [13]. Неоднократные

случаи оскорбления чувств О. де Бальзака все больше утверждали в нем стремление к выражению себя в творчестве, вопреки непониманию и жестокости со стороны ровесников и учителей. Но, каким бы ни было окружение, именно оно стало причастно к импрессиону, сыгравшему значительную роль в становлении Бальзака-писателя⁵.

Так проявляется парадоксальность импрессиона. Приведенные в качестве примера истории свидетельствуют: неблагоприятные факторы, как, например, двусмысленное или откровенно негативное отношение социального окружения, не только не обесценили творческие устремления, но повысили их ценность на долгие годы, на всю жизнь.

При этом не следует считать, что негативные по своему содержанию импрессионы всегда приводят к просоциальной реализации активированных творческих задатков. Парадоксальность, как черта импрессиона, тесно связана с избирательностью отклика личности на воздействия среды. Приведенные нами биографические примеры иллюстрируют положительные, с социальной точки зрения, последствия импрессиона.

Однократность воздействия, его неповторимость

Импрессион представляет собой однократное воздействие среды: возникновение сильного лично значимого впечатления возможно всего лишь при одном воздействии социокультурной среды, произошедшем в критический для личности период жизненного времени и сопровождающемся эмоциональным переживанием. Одного грубого или, наоборот, ласкового слова, сказанного в критический момент, одного мимолетно пойманного взгляда, интонации, случайного наблюдения за бытовым фактом, услышанной мелодии, прочитанной книги и т.д. достаточно для импрессиона, эффект которого устойчив во времени и даже может быть необратим.

Однако В.П. Эфроимсон отмечал существование факторов, усиливающих эффект импрессиона [16]. Одним из таких факторов ученый считал повторение схожего воздействия, хотя и отмечал его второстепенное значение. Можно предположить, что сильное впечатление, влияющее на систему ценностных координат личности, как результат импрессиона может находить подкрепление, а ценности – свое подтверждение, если личность переживает неоднократные схожие по содержанию воздействия среды. Однако, исходя из существующих представлений об импрессионе, повторные воздействия среды не имеют принципиального значения, поскольку не способны превозмочь последствия импрессиона: ценность

⁵ «Трактат о воле» – первый плод творческих усилий Луи Ламбера (литературного персонажа, «второго Я» О. де Бальзака) – был осмеян учителем и ровесниками-мальчишками [13].

деятельности и устремленность к ней уже активированы. Вероятно, повторные воздействия способствуют закреплению этой ценности.

Жизненные истории талантливых личностей позволяют говорить о подобном феномене. Также они позволяют обнаружить в жизни талантов ситуации, предшествующие импрессионной и схожие с ней по направленности, по содержанию, но не становящиеся импрессионной всилу известных факторов (не достигнут критический возраст и/или ситуация недостаточна значима и, следовательно, недостаточно эмоционально напряжена). И на фоне этих ситуаций обычно отчетливо выделяется импрессионг, которому, как правило, и сами лица, пережившие его, уделяют особое внимание в художественных или автобиографических описаниях.

Так, среди детских историй И.С. Тургенева было много впечатляющих и при этом способствующих ярко выраженному влечению к литературному творчеству. В раннем детстве это тайное чтение с одним из дворовых – любителем стихов Серебряковым. Позднее – впечатляющее выступление в Спасском поэта В.А. Жуковского: он сыграл волшебника в домашнем спектакле. А будучи восьмилетним И.С. Тургенев испытал мощный импрессионг – похищение книг из «черных шкафов домашней работы», в которых груды были свалены запыленные старинные книги семейной библиотеки. Этот случай так описан Н.В. Богословским: «Взобравшись на плечи Серебрякову, мальчик с трудом извлек из шкафа две громадные книги. Одну он отдал своему соучастнику, который поспешно унес ее к себе, а другую спрятал под лестницей. Долго не мог уснуть в ту ночь маленький похититель, с нетерпением дожидаясь утра: так хотелось ему узнать, какие диковинные книги извлек он из заветного шкафа» [1, с. 17].

Заметим, что в этом биографическом примере проиллюстрировано также преодоление препятствия, которое усиливает эффект импрессионга.

Усиление эффекта при необходимости преодоления препятствия

Биографии известных личностей свидетельствуют о том, что основным препятствием, которое приходится преодолевать таланту на своем пути, является, как мы уже могли убедиться, отношение лиц ближайшего окружения. Преодолевая его, субъект осознает свои глубинные творческие стремления и отстаивает их. Таким образом, импрессионг причастен не только к активации

талантливости, но и к развитию личностных качеств, необходимых для ее реализации.

Так, Н.А. Некрасов, невзирая на запреты сурового отца, убежал играть с крестьянскими мальчишками. Именно общение с ними и переживания⁶ за их тяжелую долю оставили в сознании будущего поэта неизгладимые впечатления [11].

В.В. Маяковский по собственным воспоминаниям был очень сильно уязвлен тем, что другие гимназисты пишут в нелегальный журнальчик «Порыв», а он нет. Стал, по его меткому выражению, «скрипеть» [7, с. 16]. Сам поэт считал этот опыт неудачным, но уже на его примере (и это замечали близкие) заметны присущие

В.В. Маяковскому с детства такие качества, как настойчивость, решительность, упорство [6].

Проявление воли там, где необходимо преодолевать препятствия, особенно в общении с близким окружением, – это одновременно и характерная черта импрессионга, и один из его важнейших результатов. Так, отец будущего архитектора В.И. Баженова, считая увлечение сына лепкой снежных скульптур «дурью», хотел отправить сына в семинарию [10]. Социокультурные ценности значимого представителя социального окружения личности входят здесь в противоречие с уже сформировавшимися в результате пережитого импрессионга⁷ ценностями – ценностями творчества на конкретном поприще – и маленький

В.И. Баженов ярко демонстрирует этот результат: он отстаивает свои ценности вопреки ценностям отца. Так, благодаря формирующимся/усиливающимся посредством импрессионга личностным качествам проявляет себя непосредственное последствие импрессионга – устойчивая устремленность личности к творчеству.

Заключение

Описанные и раскрытые на конкретных биографических примерах черты импрессионга демонстрируют его специфику как непростого для наблюдения и понимания феномена, функционирование которого обусловлено его сложной биосоциокультурной природой. Особую значимость при этом приобретают социокультурные аспекты раскрытия его сущностных черт: благодаря их изучению возможно целенаправленное использование потенциала импрессионга как механизма активации талантливости.

6 В возрасте четырех лет Н.А. Некрасов испытал импрессионг, связанный с жизнью крестьян: мать, держа его на руках, дала несколько грошей маленькому пастушку. Будущий поэт смутно помнил эту историю и восстанавливал воспоминание о ней с помощью рассказов матери [11].

7 В детстве В.И. Баженову приснился сон, в котором он строил здания невероятной красоты. Сон был настолько впечатляющим, что мальчик проснулся, наспех оделся, выбежал во двор и там до утра лепил из снега башенки, арки, своды, купола [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богословский Н.В. Тургенев. – М.: Молодая гвардия, 1964. – 416 с.
2. Викторова Е.В. Социокультурный подход к анализу природы импрессионизма // Знание. Понимание. Умение: Научный журнал Московского гуманитарного университета. – 2016. – №1. – С. 253-262.
3. Крылов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1982. – 503 с.
4. Лири Т., Стюарт М. Деструктивные психотехники. Технологии изменения сознания в деструктивных культурах. Пер. с англ. – СПб: Экслибрис, 2002. – 224 с.
5. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Семиосфера. – СПб, 2000. – С. 12-149.
6. Маяковская А.А. Детство и юность Владимира Маяковского: Из воспоминаний матери // В. Маяковский в воспоминаниях современников. – М.: Гослитиздат, 1963. – С. 33-67.
7. Маяковский В.В. Я сам // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. 1912–1917. – М.: ГИХЛ, 1955.
8. Минюшев С.И. Социальная антропология. – М.: Академический проект, 2004. – 288 с.
9. Оконская Н.Б. Импринтинг как системный механизм эволюции общества // Философские науки. – 2001. – №1. – С. 114-124.
10. Пигалев В.А. Баженов. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 223 с.
11. Скатов Н.Н. Некрасов. – М.: Молодая гвардия, 1994. – 412 с.
12. Стёпин В.С. История и философия науки. – М.: Академический проект. 2011. – 423 с.
13. Цвейг С. Бальзак [Электронный ресурс]. URL:
14. <https://www.litmir.me/br/?b=5592&p=1> (дата обращения 12.12.2022).
15. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. – М.: Время знаний, 2010. – 375 с.
16. Эфроимсон В.П. Педагогическая генетика // Биология. – 2000. – № 31. С.5-11.
17. Эфроимсон В.П. Предпосылки гениальности. Биосоциальные факторы повышенной умственной активности [Электронный ресурс] // Человек. – 1997. – №№ 2-6; 1998. №1. URL: http://evolbiol.ru/efroimsom_genial.htm (дата обращения 22.12.2022).

© Викторова Елена Викторовна (vikele@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пензенский государственный университет

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ ИММИГРАНТОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

FROM THE HISTORY OF CULTURAL INFLUENCE OF IMMIGRANTS IN WESTERN EUROPE: GLOBALIZATION AND INTERNATIONALIZATION OF CULTURE

*M. Kireev
E. Koreneva
N. Kireeva*

Summary: Despite the expansion and deepening of research in the field of migration conducted in recent years, there is a need for further research at the theoretical and empirical levels, including in the field of culture and civil society. However, as a fundamental problem here, the question arises whether and how to analytically separate the cultural influences of immigration processes in Western Europe from the aspects of globalization and internationalization of culture. The authors reveal the specific features of integration, cultural diversity and competitiveness of immigrants, communication barriers created by different languages and cultures and the dualistic view of immigrants on cultural integration.

Keywords: cultural diversity, migration processes, internationalization of culture, cultural integration, communication barriers, religious and cultural context, associations of immigrants, globalization of culture.

Киреев Михаил Николаевич

*доктор философских наук, Белгородский
государственный институт искусств и культуры,*

Коренева Елена Николаевна

*кандидат педагогических наук, Белгородский
государственный институт искусств и культуры,*

Киреева Нина Васильевна

*кандидат педагогических наук,
Белгородский государственный институт искусств и
культуры,*

Аннотация: Несмотря на расширение и углубление исследований в области миграции, проведенных в последние годы, существует необходимость в дальнейших исследованиях на теоретическом и эмпирическом уровнях, в том числе в области культуры и гражданского общества. Однако в качестве фундаментальной проблемы здесь возникает вопрос о том, можно ли и как аналитически отделить культурные влияния иммиграционных процессов в Западной Европе от аспектов глобализации и интернационализации культуры. Авторы раскрывают специфические особенности интеграции, культурного разнообразия и конкурентоспособности иммигрантов, коммуникационных барьеров, создаваемых разными языками и культурами и дуалистического взгляда иммигрантов на культурную интеграцию.

Ключевые слова: культурное разнообразие, миграционные процессы, интернационализация культуры, культурная интеграция, коммуникационные барьеры, религиозно-культурный контекст, ассоциации иммигрантов, глобализация культуры.

Прежде чем приступить к раскрытию темы статьи, определим понятия «глобализация культуры» и «интернационализация культуры».

Глобализация затрагивает не только политику и экономику. Культура также находится под влиянием этого, что отчетливо проявляется в потребительских товарах, а также в искусстве. В дискуссиях о преимуществах и недостатках усиления экономической взаимосвязанности различных стран культурная глобализация обсуждается редко. Причинами культурной глобализации являются процессы развития в XIX веке и начале XX века? которые привели к появлению мирового искусства, мировой литературы и мировой музыки. Они были предвестниками настоящей культурной глобализации.

В западном мире рассматриваются три концепции культурной глобализации:

- во-первых, произошла адаптация культуры и потребления, практически в любой точке мира одни и те же продукты можно употреблять для развле-

чения и удовольствия;

- во-вторых, товары не попадают в различные культуры без отражения, они адаптированы к региональным особенностям и традициям, чтобы соответствовать местной культуре;

- третья точка зрения касается мультикультурного аспекта.

Таким образом, почти все культуры находятся под влиянием других [6].

Интернационализация культуры – процесс, в ходе которого стираются культурные различия между различными регионами, народами и странами. Культура приобретает общие формы в мировых масштабах. С одной стороны, это облегчает взаимопонимание между людьми разных культур, а с другой - делает жизнь в разных точках планеты более однообразной.

Многие исследователи в области глобализации замечают, что интернационализация культуры способствует

ет мировому разделению культур на все более широкие сегменты. Это влияние приносит лишь человек, так как со временем он развивается, не желает находиться на одной территории и переезжает в другие города или страны, соответственно, интегрирует в них части своей культуры [5]. Развитию этого процесса способствует и иммиграция. Рассмотрим его на примере западно-европейских стран и миграционных процессов.

Начиная с заключительного этапа Второй мировой войны, Западная Европа столкнулась с иммиграцией в результате депортаций и перемещений. Число только гастарбайтеров к 1955 году достигло 14 млн. С момента событий 11 сентября 2001 г. проявляется особый интерес в западных странах к мусульманской жизни, о чем свидетельствует увеличение научных публикации об исламских общинах, зданиях, мечетях или об отношении к ним мусульманских иммигрантов.

В рамках различных аспектов этой предметной области научный доступ к теме религии, как важному аспекту общества и культуры, становится особенно трудным, хотя исследования показывают, что влияние иммиграции из Восточной Европы на еврейские общины также проанализировано. Однако не хватает более широкого рассмотрения влияния религиозных общин, чтобы также можно было сделать заявления об изменениях под влиянием иммигрантов в существующих христианских общинах. До сих пор имеются лишь отдельные исследования влияния иммиграции на культурную жизнь в Германии в области кино, музыки, литературы, искусства и моды.

Остановимся на интеграции, культурном разнообразии и конкурентоспособности. Значительный период исследователи миграционных процессов рассматривали иммигрирующие в Западную Европу народы только с точки зрения экономики и их участия в экономических процессах. Сегодня в большей степени раскрываются их поведенческий и культуросообразный аспект.

Принадлежность к различным культурам больше не рассматривается как основная причина «неудачной интеграции», а скорее как преимущество, способное повысить конкурентоспособность экономики.

Ожидается, что по мере того, как глобальные рынки товаров и факторов продолжают интегрироваться, знание других языков, культур, стран и регионов будет приобретать все большее значение в будущем.

Алезина и Ла Феррара (2003) выделяют три различных способа, которыми разнообразие может повлиять на национальную экономику:

- во-первых, разнообразие может напрямую влиять на индивидуальные предпочтения;

- во-вторых, разнообразие может влиять на экономические результаты через его влияние на стратегии отдельных лиц;

- в-третьих, разнообразие, как фактор, может быть включено в производственную функцию [1].

В целом, экономическая литература согласна в оценке того, что разнообразие может способствовать повышению производительности, инновациям и росту [3].

Однако из-за коммуникационных барьеров, создаваемых разными языками и культурами, разнообразие также влечет за собой определенные издержки. Литература, исследующая важность интеграции иностранных граждан в культурное пространство государств, принявших мигрантов, заостряет внимание на необходимости создания нормативно-правовой основы их жизнедеятельности, включая аспекты культуры.

Исходя из того, что влияние иммиграции в сфере культуры, образования, на рынке труда в основном зависит от эффективности и успеха отдельного иммигранта, в западно-европейской научной литературе до сих пор недостаточно внимания уделялось экономической, культурной и социальной интеграции иммигрантов.

Безусловно, интеграция иммигрантов на рынке труда весьма значима не только для самих иммигрантов, но и для их финансового обеспечения со стороны принявшего их государства. Она является также предпосылкой социальной и культурной интеграции, как для иммигрантов, так и для коренного населения. Чем быстрее иммигранты будут интегрированы в рынок труда, тем меньше будет трений, культурных и социальных разногласий.

Однако имеет место и так называемая «неудачная интеграция», которая зависит еще и от личностных особенностей самих иммигрантов. Это заключается и в их отношении к работе, обучению, гражданским и правовым требованиям принимающей страны. Зачастую это касается иммигрантов во втором и третьем поколениях. Исключением являются Соединенные Штаты Америки, где основной формой организации труда иммигрантов является найм.

Исследователи отмечают их низкий уровень труда, образования, нежелание трудиться и обучаться, интегрироваться в образовательное и культурное пространство страны проживания. И, как результат, - безграмотность, невостребованность в экономической сфере, отторжение существующих требований и законодательных актов, непринятие общегосударственной культуры.

Это послужило основанием для усиления внимания государственных органов власти таким аспектам гражд-

данской жизни иммигрантов, как повышение качества образования, более активные формы вовлечения их в культурно-образовательную деятельность, в изучение языка и культуры страны, которая приняла их.

Рассмотрим такие аспекты, как гражданское общество и культурный контекст. Здесь, в отличие от государственных институтов, под гражданским обществом понимаются те социальные и культурные сети, виды деятельности, учреждения и организации, в которых граждане общества, а следовательно, и иммигранты, выражают свою волю и, таким образом, участвуют в жизни политического сообщества. Таким образом, гражданское общество, следуя концепции Грамши, также включает культурные факторы, с помощью которых осуществляется коллективное влияние, и могут быть достигнуты успехи

Итоги исследования говорят о том, что представители других государств, скорее всего, будут хорошо чувствовать себя представленными самоорганизациями и профсоюзами в их интересах. Однако главный вопрос здесь заключается в следующем: в каких организационных формах мигранты принимают участие в формировании гражданского общества?

На национальном уровне в значительной степени сформировано неуправляемое количество организаций и ассоциаций мигрантов. Существуют религиозные ассоциации, спортивные, социально-культурные, а также многочисленные местные группы, такие как ассоциации родителей, которые служат ограниченными целям, таким как образование и репетиторство, спортивные и культурные фестивали или просто предоставление мест для встреч.

Принимая потребности иммигрантов, объединяя и формулируя их интересы, функция государства также заключается в том, чтобы прививать мигрантам определенное чувство дома, его культурной среды и, следовательно, обеспечивать безопасность.

Можно говорить о большом количестве турецких объединений, исходя из количества турецких иммигрантов на территории Западной Европы, особенно Германии. Среди таких объединений следует отметить религиозные ассоциации, с учетом их финансовой обеспеченности и численности. Особенно многочисленны в принимающих странах мечети мусульманских ассоциаций. Объединяясь в межрегиональные ассоциации по национальному, политическому, культурному и религиозному признаку, они частично воспроизводят религиозные, политические и культурные различия и конфликты.

Страны происхождения иммигрантов очень скоро

обнаружили свою заинтересованность в оказании влияния на ислам в Германии посредством финансовой или кадровой поддержки. Большое количество ассоциаций мигрантов, а также отсутствие представительных контактов затрудняют общение с этой группой. С другой стороны, все больше организаций стремятся освободиться от влияния стран происхождения, чтобы заявить о себе как о немецких мусульманах в немецком обществе.

Первое всестороннее исследование социальных и политических и культурных форм участия иммигрантов, в котором рассматривается вопрос о том, как оценить растущую важность иностранных самоорганизаций, было представлено в 1999 году Дилем и Урбаном. Авторы, среди прочего, приходят к выводу, что ассоциации, ориентированные на прием, привлекательны для тех иммигрантов, которые «в силу своих способностей и характеристик менее склонны к возвращению в этнический анклав».

Но есть и другие группы, которые тоже играют важную роль. Их члены, как правило, в определенной степени недовольны своим положением и ориентированы на свою страну, из которой они прибыли. Это не всегда значит, что они планируют вернуться, скорее, они не принимают культуру страны, принявшую их.

Независимо от того, способствуют ли самоорганизации культурной интеграции или препятствуют ей, в научных кругах нет единого мнения по этому поводу, тем более что это зависит от множества факторов, таких как: социальное положение и пол мигрантов, структура и функции ассоциаций и т.д.

Многие аналитические данные в западно-европейских источниках свидетельствуют о том, что дуалистической подход в настоящее время теряет свои позиции, хотя и имеет место быть, а принцип самоорганизации все более укрепляется, что имеет большое значение для укрепления гражданского общества.

Многие иностранные граждане сегодня имеют гражданство страны фактического проживания, Имея гражданство, иммигранты обладают гражданскими правами.

Вместе с тем, отсутствие политических прав, что выражается в увеличении числа самоорганизаций, в объединениях в руководящие органы, а также в расширении использования функций формирования и формулирования политической воли. Хотя эти усилия получают все большее признание со стороны политиков, в целом, самоорганизация мигрантов, как политический фактор в структуре немецкого общества, все еще можно охарактеризовать как слабые.

Иммигранты в культурном контексте: религия, спорт,

еда, средства массовой информации, музыка, язык, литература, кино, мода и изобразительное искусство. Представление влияния иммиграции в культурном контексте относится к двум аспектам:

- как «культурный ландшафт» претерпел структурные изменения?
- какое влияние иммиграция оказывает на культурный образ жизни людей, принадлежащих к обществу большинства?

Следует отметить, что при описании и оценке этих влияний существует принципиальная трудность разграничения их с явлениями глобализации. И еще не менее важное: миграция сама по себе является аспектом глобализация.

Прибывшие из многих стран мира в Западную Европу, безусловно, являются глубоко верующими людьми, приверженцами своей религии, которая не может не влиять на коренное население. Принимающая сторона, чаще всего, понимает ситуацию и готова к расширению спектра религиозных общин, религиозных зданий и т.д. Безусловно, это не может не отражаться на религиозно-культурной обстановке в целом.

Христиане-иммигранты самых разных вероисповеданий частично образуют новые общины. Так, количество и численность еврейских общин резко возросли в результате иммиграции лиц еврейской веры из бывшего Советского Союза. Восточные религии также становятся все более распространенными в Германии. Но в центре политических и научных дискуссий, связанных с культурой, в настоящее время находятся мусульмане, проживающие в Германии.

Поскольку большая часть мусульманских мигрантов постоянно проживает в Германии, они стремятся закрепить свои собственные религиозные институты и обряды в стране проживания. К ним относятся строительство новых престижных мечетей и мусульманских кладбищ, соблюдение мусульманских похоронных ритуалов, дресс-код и ритуальные забои, а также введение преподавания ислама в государственных школах. Мечети и кладбища, в частности, вызывают заметные изменения в городском пейзаже Германии:

К многочисленным невзрачным «мечетям на заднем дворе» теперь добавляются представительные здания мечетей. Из-за их архитектуры и размеров, а также из-за их символической силы, вокруг мечетей почти всегда возникают споры на муниципальном уровне.

По данным конференции немецких епископов, в 2003 году примерно на 75 кладбищах в Германии были созданы исламские могильники, поскольку число мусульман, желающих быть похороненными в Германии, увеличива-

ется (Конференция немецких епископов, 2003).

В интеграции иммигрантов спорту приписывают важную функцию. В частности, в футболе большая часть контактов происходит между немцами и иммигрантами. Таким образом, тема спорта находит относительно широкое научное освещение, как в социологической, так и в социально-педагогической области, особенно с учетом того, что этнические столкновения постоянно попадают в заголовки негативных новостей во время футбольных матчей.

Таким образом, принципиальная «общественно ожидаемая интегративная и регулирующая конфликты социальная функция спорта и его организаций» не подтверждается научными анализами, по крайней мере, для футбольного спорта. Разрешение конфликтов отмечается, например, в участии молодых мигрантов в ассоциациях большинства.

Это показывает, что спортивные сооружения в крупных городах теперь часто можно поддерживать даже за средства средств молодых иммигрантов, проявляющих большой интерес к спорту. Объединяющая функция спорта заключается и в участии родителей, дети которых занимаются спортом.

Наряду с вышеизложенным, следует отметить некоторые перемены в западно-европейском обществе, начиная с девятнадцатого века. Одной из причин таких перемен стали опасения консерваторов на фоне миграционных и глобализационных процессов. Ими поднимается вопрос о сохранении национальных ценностей, традиций и идентичности, выдвигаются лозунги об их сохранении и развитии.

Кроме этого, появляется целый ряд различных организаций, целью которых является сохранение традиционной культуры и спасение ее от внешнего и сложившегося внутреннего влияния. К ним присоединяются не только носители этого направления из «старой гвардии», но и молодые люди их числа городского населения. Такое движение характерно для начала XX века.

В этот период появляются многие печатные работы, культурные фонды, народно-культурной направленности. К ним можно отнести Швейцарский культурный фонд Pro Helvetia, которому принадлежит программа «Этно-народная культура на завтра». Швейцарская комиссия ЮНЕСКО по нематериальному культурному наследию рассматривает вопрос «Какое будущее ждет народную культуру в Швейцарии завтра?».

Актуализируется вопрос о человеческой памяти, где культурные традиции стоят на первом месте. В различных областях знаний в последние десятилетия стал во-

прос о памяти и воспоминаниях, которые, безусловно, влияют на сохранение типичной для населения культуры, основных ценностных установок, которые являются фундаментом мировоззренческих позиций народа.

Появляются работы и устные высказывания о возможных угрозах потерять свою культурную идентичность, национальную государственную память. Все это объясняется изменениями в структуре западного общества, активной иммиграцией, появлением иных национальных групп и, одновременно с этим, заботой об объектах культурного наследия народа.

Культурное многообразие понимается как сосуществование таких групп. Мультикультуралистские подходы не отрицают право представителей других народов и народностей, прибывших в страну, на культурное самоопределение, но вместе с тем являются проблемным реакционным движением, которое переворачивает односторонность подхода, которому противостоят, а именно культурной ассимиляции.

Эта односторонность проявляется в фиксации культурной идентичности на культуре происхождения, которая часто понимается статично и определяется исключительно этнически, что исключает, например, аспекты социального расслоения, экономического положения или пола.

Если мультикультуралисты выдвигают теорию отказа коренного населения от своей ведущей роли в культуре (и не только), а отдельные иммигранты, наоборот, долж-

ны сохранить их, впитать в себя и принять их, то такое понимание вызывает, с одной стороны, противоречия, а с другой, неясность путей разрешения этого конфликта.

Следует отметить, что разработанное американскими культурными антропологами в культурно-релятивистском стиле, новое поле деятельности создается по заказу глобальных предприятий, которые стремятся надлежащим образом общаться как со своими клиентами, так и со своими сотрудниками.

Учебные курсы разрабатываются, как правило, на основе набора некоторых ценностей, которые считаются фундаментальными (ориентация во времени, пространственное поведение, дистанция власти, избегание неопределенности и т.д.), и оценивают каждую культуру, как правило, упрощенно приравнивая ее к соответствующему государству, по соответствующим шкалам.

Многие западно-европейские ученые-исследователи феномена культуры рассматривают национальные культуры с точки системного подхода и полностью разграничивают национальные культуры с уникальными специфическими особенностями.

Герт Хофстеде, например, определяет культуру как «коллективное программирование разума, которое отличает одну группу или категорию людей от другой».

Это приводит к абсолютизации противоположностей и к обобщающим взглядам, которые едва ли соответствуют динамике и разнообразию культурного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехина и Ла Феррапа <http://mitpress.mit.edu/catalog/item/default.asp?ttype=2&tid=10534>. Дата обращения 20.11.2022 г.
2. Auswirkungen der Einwanderung in Deutschland vs. USA prezi.com/prezi.com/...auswirkungen...einwanderung...deutschland Дата обращения 22.11.2022 г.
3. Jacobs J. The Economy of Cities. – New York: Random House, 1969. – 268 p.
4. https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/EN/Publikationen/Forschungsberichte/fb01-einfluss-zuwanderung.pdf?__blob=publicationFile. Дата обращения 22.11.2022 г.
5. Интернационализация культуры: понятие, с чем связана <https://fb.ru/article/458527/internatsionalizatsiya-kulturyi-ponyatie-s-chem-svyazana> <https://fb.ru/article/458527/internatsionalizatsiya-kulturyi-ponyatie-s-chem-svyazana> Дата просмотра 28.12.2022 г.
6. Kulturelle Globalisierung <https://www.redner-globalisierung.de/globalisierung-kultur.php> Дата просмотра 28.12.2022 г.

© Киреев Михаил Николаевич (kireymn@mail.ru), Коренева Елена Николаевна (korenevaen@yandex.ru),
Киреева Нина Васильевна (korenevaen@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

Комиссаренко Светлана Сергеевна

доктор культурологии, профессор, Санкт-Петербургский
Гуманитарный университет профсоюзов, почетный
работник высшего образования России.
komissarenko07@mail.ru

THE CULTURE OF FAMILY RELATIONSHIPS IN THE CONTEXT OF SOCIAL CONFLICT

S. Komissarenko

Summary: The culture of family relations is considered in the focus of modern problems, saturated with various kinds of crises and conflicts. The family is presented as the most reliable and stable socio-cultural institution in a historical retrospective, capable of developing protective mechanisms for family members in difficult times. The culture of family relations has the potential not only to prevent family conflicts, but also to act as a support and guarantor of security for them. Considering the culture of family relations as a multidimensional phenomenon, the author of the article focuses on basic cultural categories, namely: values, norms, communication, interpersonal relations and behavioral patterns. Based on these categories, levels of family relation culture are developed: high, medium and low. The author of the article shows that different levels of culture indicate different degrees of conflict.

Keywords: culture, family, family relation, crisis, conflicts, norms, values, communication, interpersonal relationships, behavior.

Аннотация: Культура семейных отношений рассматривается в фокусе современных проблем, насыщенных различного рода кризисами и конфликтами. Семья представляется как самый надежный и устойчивый в исторической ретроспективе социально-культурный институт, способный вырабатывать защитные механизмы для членов семьи в трудные времена. Культура семейных отношений обладает потенциалом не только предупреждать семейные конфликты, но и выступать опорой и гарантом безопасности для них. Рассматривая культуру семейных отношений как многоаспектное явление, автор статьи сосредотачивается на базовых культурологических категориях, а именно: ценностях, нормах, коммуникации, межличностных отношениях и поведенческих моделях. На основании данных категорий разрабатываются уровни культуры семейных отношений: высокий, средний и низкий. Автор статьи показывает, что различные уровни культуры свидетельствуют о разной степени конфликтности.

Ключевые слова: культура, семья, семейные отношения, кризис, конфликты, нормы, ценности, коммуникация, межличностные отношения, поведение.

Современный мир погруженный в конфликтные взаимодействия создает социальные ситуации неуверенности в завтрашнем дне и высокую степень напряженности в настоящем. Это прямо или косвенно влияет на психологическое состояние людей. Неизбежность политических, экономических, социальных, национальных и иных кризисов приводит к повышенной тревожности и фрустрации. Поэтому любая социальная подсистема вырабатывает механизмы, способные выполнять защитные функции по отношению к обществу и его членам конкретно. Такой подсистемой выступает один из самых устойчивых и востребованных институтов человеческого общежития как семья. Именно она, исторически сложилась как защитный механизм для людей, спасающих их от разрушительных внешних детерминант и окружающей враждебности, которая становится нормой во взаимоотношения вокруг них.

Находясь в эпицентре кризисных процессов, семья подвержена социальной конфликтности, которая определяется основоположником конфликтно-динамического подхода к становлению и развитию общества Р. Дарендорфом «как неизбежность, всеохватывающее явление, которое способствует развитию самого общества» [1, с. 357]. Конфликтно-динамический подход стал темой исследования для зарубежных социологов Г. Зим-

меля, Л. Козера, Р. Мердока и др. Также многие отечественные ученые внесли заметный вклад в разработку этого подхода: А.В. Дмитриев, С.В. Соколов, А.Г. Здравомыслов, А.Я. Анцупов, С.В. Баклановский, А.И. Шипилов, Н.И. Леонов и др. Утверждая концепцию социальной конфликтности, Р. Дарендорф аргументирует ее следующим образом: «пусть мысль о том, что конфликты есть везде, где мы имеем дело с социальной жизнью, неприятна и тревожна; тем не менее она необходима для нашего понимания социальных проблем.<...> Поразительно и ненормально не наличие, а отсутствие конфликта; и у нас есть все основания проникнуться подозрением к тому обществу где, по всей видимости, конфликтов нет» [там же, с. 356].

В противовес данной концепции существует структурно-функциональное направление в конфликтологии, основу которой составляют взгляды на социальную конфликтность как явление «из ряда вон выходящее». Это направление возникло под влиянием идей Э. Дюркгейма. С точки зрения социолога, конфликт не носит всепроникающего характера, но там, где он возникает, он должен быть урегулирован путем позитивных методов, где солидарность выступает доминирующим из них. По мнению ученого, люди объединяются во имя солидарности, потому что «когда индивиды, обнаруживающие

общие интересы, объединяются, то они это делают не только для защиты своих интересов, но для того, чтобы объединиться, чтобы не чувствовать себя затерянными среди противника, чтобы получать удовольствие от общения, составлять одно целое с другими, т.е. в конечном счете чтобы вместе жить единой нравственной жизнью» [2, с. 21]. Данный подход также разрабатывался последователями Э. Дюркгейма, П.А. Сорокиным, Р. Рэдклифф-Брауном, Б. Малиновским, Т. Парсонсом и др.

Структурно-функциональная модель развития общества связана прежде всего со стабильно работающими элементами социальной структуры, где функции обеспечивают взаимодействие частей как целостной системы. При таком подходе конфликты рассматриваются как события случайные. Структурный функционализм не связан с динамикой и изменениями социальной системы. Именно на это направлена критика Р. Дарендорфа, аргументация которого сводится к следующему: «статические предрассудки» исключают динамические изменения, без которых общество существовать не может» [3, с. 324].

В противоречивых и взаимоисключающих друг друга концепциях видится уже конфликт на уровне теоретико-методологических установок. Однако, заметим, что оказавшись на перепутье всевозможных катаклизмов, семья сегодня подвергается различным отрицательным воздействиям и ее хрупкое существование зависит не только от разрушительных кризисных тенденций, но и от действий членов семейного сообщества, которые могут иметь ориентации на конфликтные взаимодействия. Согласно мнению представителей конфликтно-динамического подхода к развитию общества, семейные конфликты неизбежны. Принимая во внимание данное положение, подчеркнем, что семьи, в которых отсутствуют конфликты, представляют собой сообщества равнодушных к друг другу людей. Безусловно, что мы говорим о разных видах конфликтах в разных семьях. Никто не будет спорить о том, что девиантная семья предопределена для возникновения в ней различных конфликтов с разными субъектами семейной жизни. Тогда как семья патриархальная или авторитарная, менее всего подвержена конфликтам, ибо власть ее главы перекрывает все возможности для проявления недовольства как у ее членов. Тем не менее, какой бы тип семьи мы не рассматривали, в семейной жизни всегда присутствуют различные противоречия, которые требуют разрешения активными, наступательными или оборонительными конфликтными действиями. Если опираться на структурный функционализм, то можно увидеть, что они не отрицают конфликты в социальном пространстве как таковые. Единственное, на что был сделан упор в их теориях, так это на не постоянный, не систематический характер проявления конфликтного противостояния в семье.

Семья порождает конфликты, которые носят социально-ориентированный характер и наделяются с этой точки зрения общественной релевантностью не только в жизни отдельной семьи, но и общества в целом. В конечном счете, семья фокусирует различные аспекты социальной конфликтности, дополняя их специфическими проблемами внутрисемейной жизни, где конфликт становится ядром отношений между ее членами. Сегодня семью сотрясают внутренние противоречия, что приводит к потере авторитета семьи, ее смыслообразующего начала в жизни человека и понижению статусной роли в обществе. Э. Тоффлер по этому поводу писал, что «некогда семья считалась "могучим средством от ударов общества"; после сражений с большим миром человек возвращался в семью избитым, в синяках и обретал здесь единственно устойчивое место среди все более изменчивого окружения. Но по мере развития сверхиндустриальной революции это "противошоковое средство" само становится источником шоков» [4, с. 262].

Тем не менее, во все времена семья выступала в первую очередь как защитница и опора своим членам. В. Т. Лисовский отмечал, что семья играла роль «скорлупы, защищавшей ее членов от жизненных невзгод и помогавшей выжить в трудной и сложное время» [5, с. 443]. Особенно это коррелируется с днем сегодняшним, когда семья остается одним из немногих психологических оазисов для человека, где он находит не только защиту от окружающего его мира, но и понимание, доброту и заботу, что само по себе определяется как восполнение дефицита нравственных констант.

Устойчивость и прочность семьи во многом обусловлены состоянием ее культуры. Культура прочный фундамент, скрепляющий ее в единое и целостное семейно-брачное сообщество близких и родных людей. Определяя значимость культуры в различных сообществах, К. Клакхон писал, что «люди приобретают культуру благодаря принадлежности к определенной группе; и культура составляет ту часть благоприобретенного поведения, которую человек разделяет с другими. Это наше социальное наследие, противоположное органической наследственности. Это один из существенных факторов, который позволяет нам жить в рамках организованного общества, предоставляющего нам готовые решения наших проблем, помогающего нам предсказать поведение других и позволяющего другим знать, чего можно ожидать от нас» [6, с. 47].

Культура семейных отношений затрагивает многие аспекты ее функционирования, главным и основным из которых является культура межличностных отношений между супругами, родителями и детьми, родственниками, близким социальным окружением и т.д. Культура отношений формируется на основе признания всеми ее членами нормативно-ценностных ориентаций и разде-

ляемых правил семейного общежития. Кроме того, она включает коммуникативную составляющую, а также паттерны поведения, которые отвечают ожиданиям близких людей.

Безусловно, что культура семейных отношений представляется явлением не только многоаспектным, но и наиболее сложным в процессе реализации. Ибо ее основополагающие положения закладываются в первые годы супружества и укрепляются на протяжении всей жизни семьи. Однако, мало провозгласить те или иные семейные установления и нормативные предписания. Их надо подкреплять каждодневной практикой, поддерживать, опираясь на устойчивую мотивацию членов, а также обеспечивать сохранность достигнутого. Только при таких условиях первичный каркас культуры семейных отношений, включающий нормы, ценности, коммуникацию, межличностные отношения и поведение, постоянно будет осваиваться членами семьи как на уровне когнитивном, эмоциональном, так и поведенческом. Культура должна стать не просто неотъемлемым атрибутом семейных взаимоотношений, но ресурсом их жизнеспособности. Она должна составлять семейный «капитал», быть достоянием, которое должно передаваться от поколения к поколению. Традиция, как инструмент передачи освоенных компонентов культуры отдельной семьей, создает межпоколенное наследие, обеспечивая непрерывность культурного процесса.

Таким образом, культура семейных отношений представляет собой созданные семьей ценностно-нормативные ориентиры межличностных отношений, коммуникативные правила общения, находящиеся в основе поведенческих моделей, которые в своей совокупности осваиваются, закрепляются и передаются от одного поколения семьи к другому.

Вектор направленности, обозначенных культурологических категорий (ценностей, норм, коммуникации, межличностных отношений и моделей поведения), разносторонний. Их универсальность позволяет, с одной стороны, выступать критериями, определяющими конфликтность семьи и анализировать семейный конфликт с использованием структурно-динамического подхода. Т. е. обеспечивать анализ структурного наполнения данного конфликта с позиции определения его вида, предмета, целеполагания и обозначать позиции конфликтующих сторон по отношению к данным категориям. Но основное их предназначение заключается в обозначении объекта конфликтного противостояния. Их смысловые интерпретации составляют сущность противоречий. Одновременно с этим, они позволяют осуществлять динамический анализ семейного конфликта, включающего предконфликтный, непосредственно конфликтный и постконфликтный этап.

С другой стороны, данные культурологические ка-

тегории способны выступать специфическими маркерами культуры семейных отношений, ядро которых составляют взаимодействия между членами семьи. По наличию или отсутствию данных категорий в семейном взаимодействии можно говорить о том или ином уровне культуры семьи в целом. Оптимальным обозначением состояния уровней культуры семейных отношений может являться общепринятая схема: высокий, средний и низкий.

Высокий уровень культуры семейных отношений

свидетельствует о ценности семьи и брака для каждого члена семьи, особенно главных акторов семейного взаимодействия — супругов. Данный уровень показывает насколько они дорожат своим браком и семьей как индивидуально-личностной ценностью. Убежденность в том, что семья — это главная ценность в жизни человека инициирует готовность бороться за ее сохранение любыми средствами при наличии различного рода противоречий.

Нормативность отношений базируется на совместно выработанных и постоянно поддерживаемых правилах жизнедеятельности всеми членами сообщества. Так же для этого уровня характерна значимость межличностных отношений для каждого члена семьи в отдельности. Высокий уровень определяет насколько они ценят свои отношения и обеспокоены их утратой. Межличностные отношения дороги каждому и эмпатия, пронизывающая их, не теряет своей актуальности за годы семейной жизни. Межличностные отношения для супругов сохраняют свою притягательность, эротичность и интерес, а для детей являются условием их здоровой психологической жизни.

Важность общения в процессе взаимодействия по преодолению возникающих трудностей и проблем детерминирует их приоритетность в отношениях. Готовность купировать конфликтные ситуации вербальными средствами и признание общения основным инструментом в решении проблем говорит о том, что члены семьи способны разговаривать и вести прямой, откровенный диалог по их преодолению.

Кроме того, они готовы к отказу от своих поведенческих моделей, в случае, если они приводят к конфликтам в семейной жизни и оказывают негативное воздействие не только на внутрисемейную жизнь, но и на окружающую социальную среду. Признание и осознание своего поведения несоответствующим для семейных отношений формируют мотивы к его изменению.

В результате, все это доказывает, что члены семьи имеют достаточно высокий уровень культуры семейных отношений и их готовность к изменениям является условием снижения конфликтности.

Средний уровень культуры семейных отношений

показывает, что ценность семья начала терять значимость и постепенно разрушается как важная составляющая в жизни человека. Семья утратила свой приоритет в иерархии жизненных ценностей и вызывает пренебрежительное отношение к ней.

Нормы семейных отношений не являются признаваемыми правилами в межличностных отношениях, которые, в свою очередь, потеряли всякий смысл в семье. Они пронизаны антипатией, безразличием и даже враждебностью. У членов семьи создается только видимость «отношений» во имя детей или сохранения иллюзорного статуса семьи.

Коммуникация нарушена между всеми членами семьи, что выражается в нежелании слушать и слышать других. Члены семьи уклоняются от разговоров и демонстративно отказываются от ведения всякого диалога. Они предпочитают решать проблемы только монологическими средствами или объявляют коммуникативный бойкот в виде молчания.

Отсутствие мотивации к изменению своего поведения подкрепляется нежеланием признавать свое поведение угрожающим для существования семейного общества.

Средний уровень свидетельствует о разногласованности отношений в семейной жизни. Нарушение баланса рано или поздно может привести к возникновению семейного конфликта, который будет разрешен жесткими, деструктивными технологиями в виде соперничества, принуждения или устранения. Так же средний уровень может создавать условия для его разрешения конформистскими технологиями, а именно с помощью компромисса или приспособления.

Низкий уровень культуры семейных отношений свидетельствует о том, что семья является для некоторых ее членов только результатом заданности жизненных обстоятельств, а не индивидуальным выбором жизненной ценности. Т.е. ее возникновение связано с необходимостью, поэтому она имеет относительную ценность в жизни человека.

Нормы взаимоотношений игнорируются и постоянно нарушаются проявлением, в лучшем случае, равнодушия, а в худшем — ненависти. Каждый член семьи сознательно отстраняется от решения семейных проблем и проявляет попустительское отношение к ее существованию и благополучию.

Межличностные отношения в семье продолжают существовать в силу инерции и привычки. Они окрашены апатией и безразличием, которое даже не скрывается, а становится актами каждодневной их демонстрации.

Семейное общение носит ритуально-неизбежный характер и осуществляется согласно принятым речевым формам по необходимости. Оно ложно, неискренне и не мотивированно. Часто в коммуникации проявляется речевая агрессия, связанная с использованием различных инвективов и абсценной лексики.

Поведение принимается как должное и не соотносится с требованиями членов семьи. Часто оно бывает агрессивным и находит формы выражения в физическом, психологическом, экономическом и сексуальном насилии.

При низком уровне культуры семейных отношений конфликты неизбежны. Их интенсивность и насильственность predeterminedены утратой ценностно-нормативных ориентиров. Разрешение конфликтов носит агрессивно-принудительный характер и часто развод в таких семьях рассматривается как благо.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, во-первых, семья, являясь подсистемой общества, аккумулирует негативные тенденции окружающего ее мира. Она концентрирует в себе как процесс, так и результат последствий кризисов современного общества. Любые кризисы содержат противоречия, из которых возникают проблемы, требующие разрешения. Поэтому конфликты predeterminedены в социальной действительности как «всеохватывающие» и «неизбежные» явления.

Во-вторых, семья не только отражает и преломляет «всеобщность» различных конфликтов, но и имеет тенденцию к созданию конфликтов внутри себя. Как сложный конструкт человеческих взаимоотношений, семья порождает специфические проблемы семейного противостояния. Семейные конфликты разнообразны по предметам разногласий и объектам противоречий. Они охватывают все жизненные циклы и вовлекают всех членов семьи в конфликтные противодействия. К семейным конфликтам относятся супружеские, детско-родительские и конфликты, основанные на кровном родстве. Кроме того, их субъектами могут быть представители как ближнего, так и дальнего социального окружения.

В-третьих, противостоять данным тенденциям может культура семейных отношений, содержащая в структуре универсальные константы: нормы, ценности, коммуникацию, межличностные отношения и поведенческими модели. От того насколько семья обладает способностью и желанием их формировать зависит степень ее конфликтности.

Поэтому, благополучие или его отсутствие во многом зависит от каждого ее члена, ибо семья — это не только радость и благоденствие, сколько тяжелый труд выстраивания гармоничных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дарендорф Р. Тропы из утопии / Пер. с нем. Б.М. Скуратова» В.Л. Близнекова. — М.: Праксис, 2002. — 536 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. — М.: Канон, 1996. — 432 с.
3. Дарендорф Р. Тропы из утопии / Пер. с нем. Б. М. Скуратова» В.Л. Близнекова. — М.: Праксис, 2002. — 536 с.
4. Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. — М.: Изд-во АСТ, 2002. - 557 с.
5. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учеб. пособие – СПб.: СПбГУП, 2000. – 519 с.
6. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию / Пер. с англ. А.А. Панченко. - СПб.: Евразия, 1998. - 352 с.

© Комиссаренко Светлана Сергеевна (komissarenko07@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ В ОСМЫСЛЕНИИ ВЕКТОРОВ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

TECHNOCRATIC CONTEXT IN COMPREHENSION OF THE VECTORS OF MODERN SOCIALITY

**M. Raitina
E. Pokrovskaya**

Summary: The article considers topical issues of the development of modern civilization from the point of view of the technocratic vector. The subject of the study is the technocratic tendencies of society in the view of various scientific perspectives. The outline the main problems associated with the understanding of social risks that set the uncertainty of future development scenario plans. As a result, a number of trends in the modern understanding of the development of science, technology and society have been identified and the need for an integrated functioning of the institutional system of interaction between the state and government - science and technology – education and upbringing has been identified. It is concluded that consideration of the technocratic imperative is impossible without an axiological component and social expertise.

Keywords: science, technology, responsibility, technogenic society, risk, humanitarian expertise, person.

Раитина Маргарита Юрьевна

доктор философских наук, Томский университет систем
управления и радиоэлектроники
raitina@mail.ru

Покровская Елена Михайловна

кандидат философских наук, доцент, Томский
университет систем управления и радиоэлектроники
petod@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены актуальные вопросы развития современной цивилизации с точки зрения технократического вектора. Предметом исследования выступают технократические тенденции социума в оптике различных научных ракурсов. Обозначены основные проблемы, связанные с пониманием социальных рисков, задающих неопределенность будущих сценарных планов развития. В результате выявлен ряд тенденций современного понимания развития науки, техники и общества и обозначена необходимость комплексного функционирования институциональной системы взаимодействия государство и власть – наука и технологии – образование и воспитание. Сделан вывод, что рассмотрение технократического императива невозможно без аксиологической составляющей и социальной экспертизы.

Ключевые слова: наука, техника, ответственность, техногенное общество, риск, гуманитарная экспертиза, человек.

Современная цивилизация развивается в технократическом направлении, тенденциями которого является развитие сетевых технологий, цифровизация, киборгизация, интернет вещей и т.д. Дискуссии по вопросам развития цифрового общества ставят ключевую проблему изменения образа человеческого мышления, форм бытия человека, проблему трансформации общества, что выступает междисциплинарной проблемой, а ее постановка и рассмотрение предполагает использование теоретико-методологических ресурсов социально-гуманитарного культурфилософского знания.

М.Х. Фарукшин в работе «Технократия: надежды и риски» обращает внимание на доминирующую роль технократов в стратегическом планировании, что, с одной стороны, способно вывести страну на передовые позиции в мире, а, с другой, может создавать определенные риски для общества [1]. Как отмечает М. Букки, существует прямая корреляция между уровнем развития науки и интенсивностью сопротивления общества научно-техническим новациям [2]. Согласимся, что прогресс на-

уки и техники не является нейтральной территорией и выступает платформой для дискурса по формированию видения будущего цивилизации.

Соотношение новых технологий и фундаментальных человеческих ценностей, а также осознание степени персональной ответственности ученых, проблем неоднозначной оценки достижений науки и техники [3, 4], противоречий развития постглобальной цивилизации повышают риски социальной защищенности, дестабилизации общества, что обуславливает актуальность принятого исследования [5-7].

В работах таких авторов, как А. Коста Пинто, Р. Патнам, П. Райан, М. Эрик Уильямс сделан акцент на исследование технократизма в геополитическом контексте [8-11].

В отечественной научной мысли накоплен многообразный опыт осмысления различных технических концепций, передовых технологий, новых научных достижений, оказывающих влияние на человека, созда-

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2023-0013.

ющих рискогенные факторы различной природы. Так, в работах Б.Г. Юдина, А.П. Огурцова, И.Т. Фролова, В.Г. Борзенкова, А.П. Желобова, Н.В. Федоренко, А.В. Сулова, Д.О. Стрельникова, В.М. Розина, В.И. Медведева, В.А. Кушелева рассматриваются этические аспекты науки и важность их включения в научный контекст [12-16]. Так, парадигмы техницизма в цивилизационном процессе исследовались Л.В. Сурковой, рассматривавшей техницизм как способ мышления и парадигму сознания [17]. Роль идей технократизма в духовном производстве, вопросы социального прогнозирования и этических последствий стали объектом научного интереса В.А. Шурова, С.В. Макеева [18, 19].

Целью работы выступает осмысление основных вопросов развития современной культуры с точки зрения технократического вектора.

Методологической базой выступили принципы системного анализа, а также компаративистского и социокультурного подходов.

Обеспечение социальной стабильности и преодоление незащищенности в условиях быстро меняющегося мира человека, науки и технологий требуют осмысления различных сценариев развития будущего цивилизации. Негативные сценарные паттерны дают основания обращения к современным трактовкам понятия «риск», предполагающее использование схожих формулировок: риск, как опасность; риск, как кризис; риск, как угроза; а также риск, как возможность. Посредством данных понятий могут быть сконструированы различные интерпретации. Так, дуальная природа риска предусматривает возможности прогноза их опасности и определения потенциальных сценариев развития.

Таким образом, конструкт «риск» сложен для однозначной концептуализации, и на взгляд авторов, при работе с ним важно учитывать сложноорганизованность бытия (мир искусственного и естественного), формируемого в контексте неопределенности и мировоззренческой многогранности как характеристик современного мира.

Говоря о минимизации рисков, угрожающих социальной стабильности, мы рассматриваем их как сложный концепт, имеющий многоаспектность осмысления в той или иной конкретной научной области.

В современном обществе технократического типа поднимается тема практического воплощения научных открытий и исследований, что содержит в себе проблему риска как для общества, так и непосредственно для самого ученого, поскольку выступает одной из форм проявления ответственности. Как следствие, сегодня проблема нравственной и правовой ответственности ученых перед будущим человечества получила особо

острое звучание. Например, биотехнологическая революция, успехи в области генной инженерии, развитие информационных технологий, обуславливают необходимость в разработке нормативно-регулятивной базы и проведении гуманитарно-нравственной экспертизы. Данная проблематика лежит в поле междисциплинарной конвергенции этических, философских и правовых вопросов [20].

Техногенное общество предоставляет человеку обширный спектр возможностей, заданный развитием новых технологий, предназначенных как для «улучшения» самого человека, так и его качества жизни, что, в свою очередь, заставляет осмыслить степень ответственности и будущее новых перспектив человечества.

Безусловно, проблема моральной ответственности и честности в проведении научных исследований на фоне прорывных достижений XXI века определили трансформацию дискурса нравственной оценки подобных свершений. Новая метапарадигма видения мира предполагает коммуникативное сближение рациональной сферы со сферами чувств и нравственности, формируя «открытое мышление», готовое к принятию изменчивости и неустойчивости быстроменяющейся действительности.

Отметим, что в отличие от традиционной концепции морали, в рамках новой теории моральной ответственности (П. Стросон) фокус возложения ответственности сдвинут на реципиента действия, а не на непосредственно агента деятельности (ученого) [21]. Таким образом, с точки зрения данной позиции научно-практические результаты ученого, не предполагают возложения ответственности на него, что отлично классического подхода [22].

Неоднозначная оценка указанных выше тенденций порождает противоречие, связанное с осмыслением технократического императива – его принятие, либо отрицание.

В связи с вышесказанным отметим, что социально-экономические трансформации и, как следствие, кризисные явления в технократическом обществе порождают дефицит доверия, что выступает угрозой безопасности личности. В целом ключевое содержание вопроса обеспечения социальной защищенности заключается в том, чтобы неизбежное противодействие устойчивости и социальных изменений не переходило острую грань дестабилизации. Это особенно актуально сегодня, поскольку современный мир находится в перманентном переходе, моделируя себя одновременно и как VUCA-мир, отличающийся неустойчивостью, сингулярностью и противоречивостью, и как BANI-мир, характеризующийся хрупкостью, тревожностью, нелинейностью, и в целом, непостижимостью.

По существу, сегодня требуется осмысление роли и места социальной защищенности личности в техногенном обществе. Именно научные исследования призваны обозначить основные аспекты для рассмотрения в ближайшие несколько лет и задать своего рода концептуальную планку как индикатор достижимости качества жизни, понятия, неразрывно связанного с вопросами социальной.

Мы живем в непростую эпоху, когда активно обсуждается вопрос о технологиях искусственного интеллекта и социально-экономическом феномене Big Data, который носит междисциплинарный характер. И здесь нельзя не отметить: машина не может творить, создавать выходящее за пределы, это присуще только человеку. Человек тоже трансформирует свою сущность, предполагающую инструментализацию мышления, технологизацию мыслительной деятельности, что, в свою очередь, расширяет поле методологических исследований в философии науки в рамках междисциплинарной интеграции понимания человека, природы, общества. Несомненно, человек задает векторы развития общества, определяя методологическое основание его доминирующего положения в природе, в том числе, и посредством самоосуществления человека в культуре в процессе творческой самоактуализации, что формирует экзистенциал человечности. Подчеркнем, что именно гуманитарная нравственная экспертиза (когда исследуемый феномен оценивается с позиции человека, а не со стороны объекта экспертизы) должна фиксировать распад человеческого, что не должно оставаться за пределами рефлексии.

Научный обзор по тематике работы выявил ряд тенденций современного понимания развития науки, техники и общества:

1. интегральное взаимодействие, предполагающее не только вертикальное влияние в научном мире, например, социальный заказ, внешнее управление научным сообществом, но и функционирование горизонтальных связей (научное сообщество, «невидимый» колледж, научные школы);
2. рациональная адаптация, включающая дуплексную связь приспособления «человек-среда»;
3. амбивалентность технических инноваций, с точки зрения прагматики и социальных последствий;
4. непредсказуемость широкого внедрения техники, обуславливающее «расчеловечивание» человека.

Прогноз социального образа будущих перспектив развития общества предполагает глубокий системный

и организационный подход в части фундаментальных и прикладных исследований, комплексное функционирование институциональной системы взаимодействия государство и власть – наука и технологии – образование и воспитание. Отметим важность образовательной и воспитательной составляющих, именно они, на наш взгляд, выступают всеобщей формой заботы о будущем человечества.

Решение проблемы авторы видят в междисциплинарном синтезе (философия, социология, педагогика, психология, теория управления, автоматизированные системы управления) и межинституциональном взаимодействии (вуз-общество-государство), что носит комплексный характер и позволяет получить определенные социальные эффекты, а именно снизить риски социальной напряженности, в том числе, технофобии, ксенофобии, повысить уровень безопасности личности и ее самоактуализации.

В заключение:

1. Предполагаем наличие ограничений научно-технического прогресса, не позволяющих утрачивать гуманистические ценности и нивелировать границы допустимого в рамках сохранения человеческого вида.
2. Определяем основу социальной защищенности через разнообразие форматов интерналистских и экстерналистских взаимодействий.
3. Отмечаем, что рассмотрение технократического императива невозможно без аксиологической составляющей и социально-гуманитарной экспертизы.
4. Предусматриваем комплексное осмысление разновекторных процессов техногенного общества.
5. Предполагаем, что понятие социального портрета будущего с учетом детерминации технократического императива подразумевает выход за пределы любых уже ранее сложившихся конструктов моделирования социальной действительности.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что данное исследование стало попыткой осмысления основных вопросов развития современной культуры с точки зрения технократического вектора. Нам представляется, что решение указанных задач позволит создать фундаментальную основу комплексного функционирования институциональной системы взаимодействия государство и власть – наука и технологии – образование и воспитание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фарукшин М.Х. Технократия: надежды и риски // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 76-86. DOI 10.31857/S013216250004959-7
2. Bucchi M. Beyond technocracy: Science, politics and citizens. Beyond Technocracy: Science, Politics and Citizens. New York: Springer. 2009. P. 1-106.

- DOI: 10.1007/978-0-387-89522-2
3. Aijazi O. Why technocratic understandings of humanitarian accountability undermine local communities // *Development in Practice*. 2022. No. 32(2). Pp. 175-187. DOI:10.1080/09614524.2021.1911939
 4. Sætra H.S. A shallow defence of a technocracy of artificial intelligence: Examining the political harms of algorithmic governance in the domain of government // *Technology in Society*. 2020. No. 62. DOI:10.1016/j.techsoc.2020.101283
 5. Piñeros J.D.O. Technocracy, disaster risk reduction and development: A critique of the sendai framework 2015–2030 // *Revista Derecho Del Estado*. 2020. No. 47. Pp. 319-342. DOI:10.18601/01229893.n47.10
 6. Bertou E., Pastorella G. Technocratic attitudes: a citizens' perspective of expert decision-making // *West European Politics*. 2017. No. 40 (2). Pp. 430-458. DOI: 10.1080/01402382.2016.1242046
 7. Corrias L. The empty place of European power: Contested democracy and the technocratic threat // *European Law Journal*. 2017. No. 23 (6). Pp. 482-494. DOI: 10.1111/eulj.12271
 8. Costa Pinto A. Beyond party government? Technocratic trends in society and in the executive. *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. Cham: Springer Nature. 2017. DOI:10.1007/978-3-319-62313-9_1
 9. Putnam R.D. Elite transformation in advanced industrial societies: An empirical assessment of the theory of technocracy // *Comparative Political Studies*. 1977. No. 10 (3). Pp. 383-412. DOI: 10.1177/001041407701000305;
 10. Ryan P. "Technocracy," democracy . . . and corruption and trust // *Policy Sciences*. 2018. No. 51 (1). Pp. 131-139. DOI: 10.1007/s11077-017-9305-1
 11. Eric Williams M. Market reforms, technocrats, and institutional innovation // *World Development*. 2002. No. 30 (3). Pp. 395-412. DOI: 10.1016/S0305-750X(01)00116-4
 12. Юдин Б. Человек в технонаучных проектах // *Наука и инновации*. 2018. № 4 (183). С. 11–14.
 13. Огурцов А.П. Системный анализ науки: идеи эквивалентности и человекообразности // *Эпистемология и философия науки*. 2013. Т. 37. № 3. С. 190-204.
 14. Фролов И.Т. Особенности научно-технической революции в "век биологии" и проблема человека // *Человек*. 2014. № 4. С. 37–42.
 15. Борзенков В.Г. Теория эволюции: на пути к новому синтезу // *Высшее образование в России*. 2009. № 7. С. 130-138.
 16. Желобов А.П., Федоренко Н.В. В поисках «Человеческого»: гуманизм и антропоцентризм // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2017. № 1. С. 246-256.
 17. Суркова Л.В. Технократизм социокультурный феномен. М.: МГУ, 1992. С. 30-64.
 18. Шуров В.А. Новый технократизм феномен техники в контексте духовного производства. Нижний Новгород: НГТУ, 1995. С. 76-83.
 19. Макеев С.В. Методологические аспекты историко-философского исследования концепций технократизма. М.: МГОУ, 2008. 270 с.
 20. Crowe N. The Historiography of Bio-technology. In: Dietrich, M.R., Borrello, M.E., Harman O. *Handbook of the Historiography of Biology. Historiographies of Science*. Springer, Cham. 2021. DOI: 10.1007/978-3-319-90119-0_13
 21. Апресян Р.Г. О дивергенции понятий «мораль» и «нравственность» // *Этическая мысль*. 2021. Т. 21. № 1. С. 5-23.
 22. Логинов Е.В. «Свобода и обида» сэра Питера Стросона // *Финиковый компот*. №15. 2020. С. 199–203.

© Раитина Маргарита Юрьевна (raitina@mail.ru), Покровская Елена Михайловна (remod@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН ГОСПОДСТВА И КРИЗИСА ВЫСОКОГО КЛАССИЦИЗМА

CULTURAL ANALYSIS OF THE REASONS FOR THE DOMINANCE AND CRISIS OF HIGH CLASSICISM

V. Skopa

Summary: The evolution of style in architecture is predetermined by changes in the nature of the social, ideological and functional requirements imposed on it and by those new opportunities that open up in the process of developing the social structure of society, its economy, its culture, as a result of scientific and technological progress. At the beginning of the 19th century, the cultural life of Russian society was largely determined by educational philosophy, the dominant idea of which was knowledge and reason. One of the main reasons for the reassessment of classicism was the "spirit of practicality" characteristic of the 19th century, expressed in relation to architecture in the whole complex of new functional tasks assigned to it as a result of the social and cultural development of society. These new tasks began to conflict with the system of architectural and artistic techniques that was developed by classicism.

Keywords: cultural studies, art, classicism, Empire, Russian Empire, architecture.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Филатов Николай Павлович

Магистрант, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: Эволюция стиля в архитектуре предопределяется изменениями в характере предъявляемых к ней социальных, идеологических и функциональных требований и теми новыми возможностями, которые открываются в процессе развития социальной структуры общества, его экономики, его культуры, в результате научного и технического прогресса. В начале XIX столетия культурная жизнь российского общества во многом определялась просветительской философией, главенствующей идеей которой были знания и разум. Одной из главных причин переоценки классицизма явился свойственный XIX веку «дух практицизма», выразившийся применительно к архитектуре в целом комплексе новых функциональных задач, поставленных перед ней в результате социального и культурного развития общества. Эти новые задачи стали вступать в конфликт с той системой архитектурно-художественных приемов, которая была выработана классицизмом.

Ключевые слова: культурология, искусство, классицизм, ампи́р, Российская империя, архитектура.

В начале XIX столетия культурная жизнь российского общества во многом определялась просветительской философией, главенствующей идеей которой были знания и разум. На этом основании А.Н. Жури́н пришёл к выводу, что господствующие в русской культуре того времени философские представления оказали непосредственное влияние на организацию архитектурного облика столицы. Архитектура высокого классицизма создавалась с ориентацией на идеал прошедших эпох, но в то же время являлась материальным и визуальным отражением новых мировоззренческих идей [4, с. 14]. Теория монизма, отображённая в «философии тождества» Ф. Шеллинга, по мнению Жури́на «корреспондировалась в тот период с моностилистикой классицистического идеала» [4, с. 15]. Выразился этот идеал в рационалистических принципах, проявившихся при организации городского пространства в единых стилистических приёмах, связанных с формированием городской среды. Таким образом, архитектурная городская среда, организованная в соответствии с рациональными классицистическими принципами, способствовала формированию у горожан представления о преобладании рационального мышления над иррациональным [3].

Мысль о связи рационалистического начала с идейно-эстетическими воззрениями эпохи позднего классицизма, встречается у историка архитектуры А.Л. Пунина, известного своими исследовательскими трудами в области отечественного зодчества XIX столетия. В архитектурных формах классицизма России «...нашла отражение система идейно-эстетических воззрений эпохи: провозглашённый рационалистической философией Просвещения культ разума, призывы к «мудрой простоте» и «естественности», – писал Андрей Львович [15, с. 10]. Именно поэтому, по его мнению «...постройки классицизма отличаются ясностью, уравновешенностью, чётким и спокойным ритмом, выверенностью пропорций» [15, с. 14]. В целом рациональное начало, заложенное в архитектуре классицизма, соответствовало идейно-эстетическим воззрениям просвещённого общества Российской империи начала XIX века, благодаря чему классицизм удерживал свои лидирующие позиции в архитектуре столичных городов всю первую четверть столетия.

Архитектурное академическое образование было неразрывно связано с выработкой принципов классицизма [6]. Совершенствование академической системы

обучения, проведённое президентом академии художеств А.Н. Олениным в 1820–1830-х годах, было нацелено на дальнейшее развитие её классицистических принципов [5]. В результате чего в стенах академии постепенно накапливались, совершенствовались и активно внедрялись в архитектурную практику методические и историко-архитектурные знания, связанные с классицизмом. Этот фактор свидетельствует о продолжающемся активном процессе вхождения русского искусства в общеевропейскую культурную традицию. В то же время, параллельно с античными ориентациями, в этот период происходил процесс когда «...русская художественная практика объединялась с теоретическими воззрениями в вопросе своего национального своеобразия» [8]. Это обстоятельство способствовало повышению интереса архитекторов к самобытной архитектурной среде и свидетельствовало о новых тенденциях в культурной жизни России.

Значительная заслуга в распространении и поддержании интереса к идеалам античного искусства принадлежала также и итальянской академии, которая в этот период продолжала оставаться всеевропейским художественным центром [14]. «Италия живёт воспоминаниями древности и искусством. Через неё получили мы древний мир: она и теперь верна своему делу», – утверждал известный учёный XIX столетия С.П. Шевырев [1]. Архитектор В. Стасов также говорил о значительной роли этой страны в деле распространения классицистических идеалов. «По тогдашним понятиям «реставрация» чего-нибудь античного, каких-нибудь древних римских развалин, была главной целью всех устремлений пенсионера-архитектора» [17]. Причину такой популярности Стасов видел в археологических открытиях, которые позволяли вводить в общекультурный оборот новые пласты античного наследия [2]. Полученные во время исследований методические и историко-архитектурные знания не просто пополняли теоретический учебный материал академий, а активно использовались зодчими на практике [11].

Таким образом, русские архитекторы, побывавшие в Италии, находились под впечатлением от живого соприкосновения с архитектурным наследием античного классицизма. Воплощая на родине усвоенные идеалы, они не просто слепо копировали древние памятники, а стремились придать зодчеству национальный пафос. Росси К.И. относительно этого считал, что русские зодчие восприняли «систему древних», чтобы превзойти величием новые, возводимые в Петербурге архитектурные сооружения» [18, с. 110]. Итак, влияние рационалистической философии на формирование идейно-эстетических воззрений первой четверти XIX столетия, явилось существенным фактором для господства архитектуры высокого классицизма в России. Отрешение от утилитарности и возвышение гражданского долга, выражаемые

эстетикой классицизма как нельзя лучше соответствовали просветительским воззрениям правящей элиты того времени.

Восторженное отношение высшего общества к искусству и архитектуре античной эпохи, воспринимаемой им в качестве высшего идеала, также играло не последнюю роль для определения классицизма в качестве главенствующего стиля Российской империи. Мнение о том, что классицизм является последней величиной, до которой способно взойти искусство, оставалось непреложным фактором, определяющим образовательный процесс в академии художеств, благодаря чему вопрос значимости классицизма для русского зодчества не подлежал сомнению [16].

Выявленные факторы позволяют утверждать, что культурные идеалы просвещённого русского общества первой четверти XIX века соответствовали общеевропейскому развитию. Эпоха ампира стала для государства временем безраздельного стиливого господства. Соотношение стиля с идейно образными представлениями, утверждающими рационалистические принципы страны-победительницы, нашло непоколебимый отклик в умах русской аристократии, что отчётливо продемонстрировало зависимость стиля от социокультурного процесса.

Несмотря на столь высокую популярность классицизма в первой четверти XIX века, 30-40 годы отмечены в России кризисом связанной с ним идеологии. «Его художественные идеалы, казавшиеся ещё недавно незыблемыми, подвергаются сомнению, а затем начинают вызывать всё более скептическое отношение» [15, с. 28]. Характерно, что Россия в этом плане была не единственной страной – процесс носил общеевропейский характер. Известно, что эволюция стиля не происходит спонтанно, она есть результат изменений, вызванных функциональными, идеологическими и социальными потребностями общества [7]. Архитектура в определённом стиле отражает конкретную идеологию, связанную с ценностными установками общества – обращение к другому стилю имеет непосредственную связь с зарождением новой идеологической концепции [10, 11]. Существенным фактором, влияющим на смену стиля, является также научно-технический прогресс, требующий внедрения достижений научной мысли в повседневный быт человека. Таким образом, причины кризиса классицистического мировоззрения следует искать, в виду трансформации представленных факторов.

Одной из основных причин отхода от архитектуры классицизма стал «дух практицизма», обусловленный социальным и культурным развитием общества [11]. В результате этого развития архитектура должна была решать новые задачи: необходимо было, чтобы здания от-

вечали требованиям своего предназначения – функциональная сторона начинала преобладать над идейным содержанием. Новые задачи, связанные с повышенным комфортом сооружений, уже не могли быть удовлетворены художественными приёмами классицизма, поэтому возник неразрешимый конфликт между старыми и новыми требованиями. «Мастер эпохи классицизма конца XVIII – начала XIX века мог позволить себе не считаться с усложняющимися многочисленными функциональными требованиями, однако уже в дальнейшем игнорировать эти факторы становилось всё более проблематично. Собственно, в этом и состояло одно из противоречий эпохи перехода от монотипности классицизма к полистилистике архитектуры историзма и эклектики» [2].

Желая преодолеть назревшие противоречия и разрешить конфликт между высоким и функциональным предназначением сооружений, фасады зданий позднего классицизма начали превращать в декорацию, скрывающую за собой внутренние постройки, которые никак не были связаны с лицевой композицией сооружения [15]. Такой подход был совершенно чужд канонам классицизма, так как убранство внутреннего двора, по его уставу, всегда было следствием внешней выразительности фасада. «...Идее гармоничности фасада были подчинены разбивка сетки оконных проёмов, их размеры и пропорции, архитектурные акценты пластики стены основаны на ордерных формах» [19, с. 75]. В этом иерархическом нарушении прослеживалось усилившаяся тенденция к ослаблению идеологии классицизма.

Несмотря на потерю связи фасада с внутренним строением, некоторое время всё же удавалось разрешать возникающие противоречия между идейной и утилитарной стороной в архитектуре позднего классицизма, но уже в 30-х годах XIX столетия произошёл перелом в сторону комфортабельности сооружений, что неминуемо повлекло за собой отказ от канонов классицизма в пользу удовлетворения функциональности здания. Утрата ампиром твёрдых позиций в архитектуре отобразилась, например, в уничтожении лепных фризов на стенах Адмиралтейства, построенного по проекту архитектора А.Д. Захарова в начале века. На месте фризов с изображениями знаков воинской славы в 30-х годах XIX в. прорезали окна, попирая таким образом, общепринятые стилевые догматы [13]. Далее из уст архитекторов нового поколения открыто зазвучали призывы к подчинению формы сооружения требованиям времени и места. Так, архитектор М. Лопыревский, произнося в 1834 году речь о достоинстве зданий, высказал мысль, что архитектурные формы фасада должны строго выражать предназначение сооружения. Критике с его стороны подвергалось также использование колонн без необходимости [12].

Причиной, способствующей отходу от классицизма, явилась также тенденция на «...выхолащивание глубо-

кого и значительного в прошлом образного содержания произведений зодчества, что наглядно выразилось в чрезмерном упрощении и схематизации архитектурных форм, преобладании монотонных однообразных ритмов, отказе от использования приёмов синтеза искусства» [10]. Казарменное строительство, развернувшееся в Петербурге при Николае I, в полной мере обладало перечисленными чертами. Оно отчётливо отражало курс, взятый государством, на «экономичный» вариант стиля, сооружения которого были полностью лишены ордерных элементов [16]. Характерно, что использовался этот вариант при строительстве казарм, учебных и медицинских учреждений, в зданиях же правительственного уровня стиль продолжал присутствовать в полном объёме. Так, построенное К. Росси в 1834 году, здание Сената и Синода имело богато декорированные фасады, обильно украшенные скульптурой, отсутствующей в постройках с использованием усечённой стилистики.

По воспоминаниям О.А. Пржецлавского, изданным в 1874 году в «Русской старине», вырисовывается архитектурный облик Петербурга в период начавшегося кризиса классицизма. «Наружность улиц и площадей утомляла однообразием, очень немного было планов и фасадов, по которым позволялось возводить новые постройки, те же ограничения существовали и для их окраски, почти исключительно принят был бледно-жёлтый цвет для самих корпусов, с белым для фронтонов, колонн, пилястров и фрез. Поэтому целые, даже главные улицы имели какой-то казарменный вид», – писал Пржецлавский о 20-х годах XIX века [16].

Ещё одним шагом к ослаблению классицизма стало введение императором Николаем I жёсткой цензуры, последовавшей после восстания декабристов. Эта мера вызвала противодействие со стороны общества ко всему, что олицетворяло в его глазах установившийся в стране военно-полицейский режим. Под категорию, связанную с новым диктаторским строем неизбежно попала и архитектура классицизма. В результате возвышенные патриотические идеи, успешно проповедуемые в прежнее время при помощи сооружений ампира, отошли на второй план, а их место заняла идеология сохранения самодержавно-крепостнического строя. Архитектурные формы классицизма стали в это время ассоциироваться «...не с расцветом государственной и военной мощи России, а с полосатой полицейской будкой и аракеевским шпицрутенами» [9, 16].

К выше перечисленным причинам относится и набравший к 30-м годам XIX века популярность романтизм. Именно он способствовал ослаблению влияния рационалистической философии на формирование идейно-эстетических воззрений, поддерживающих устойчивое положение классицизма в первой четверти XIX столетия. Это молодое направление, ориентирующее своих при-

верженцев на главенство чувственного мирозерцания, представляло собой мощное идейно-художественное течение, охватившее все стороны духовной жизни просвещённого европейского общества второй четверти XIX столетия [16].

Итак, экономическое и социально-культурное развитие общества, определившее путь к практицизму, выразилось в главенстве функциональной стороны сооружений над их идейным содержанием, что существенно повлияло на потерю классицизмом господствующего положения. Отдача приоритета функциональной стороне сооружений повлекла за собой упрощение и схематизацию архитектурных форм, что привело к выхолащиванию образного смысла в постройках классицизма и засвидетельствовало потерю значимости архитектуры этого направления в деле поддержания высоких гражданственных идей. Строгая цензура, установившаяся в стране вследствие увлечения высшего сословия революционными идеями, вызвала недоверие к власти и ещё

более способствовала ослаблению влияния идеологии классицизма на социум, так как этот стиль в умах современников всегда ассоциировался с самодержавием.

Не смотря на значимость представленных положений, особенно существенным фактором, повлиявшим на кризис классицизма, следует признать распространение романтизма. Это новое культурное течение коренным образом отрицало рационалистический подход в градостроении, свойственный архитектуре классицизма, чем основательно подрывало старые архитектурные устои.

Выявленные факторы указывают на наступление нового этапа в культурном развитии страны, связанного с приходом других мировоззренческих идей, выражение которых было невозможно осуществить при помощи приёмов классицизма. Таким образом, крах классицистической идеологии, вызванный вышеперечисленными факторами, требовал от архитекторов поиска новых стиливых решений, соответствующих изменившимся представлениям социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленчук Л.Н. Взгляд русского на образование Европы. Шевырёв С.П. // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология 2007. Вып. 3. – С. 147-167.
2. Журин А.Н. Новые тенденции в освоении классицистических приёмов отечественной архитектуры первой трети XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017, № 12 (86), Ч 5. – С. 84.
3. Журин А.Н. Классицистический рационализм как творческий метод в русском градостроительстве первой половины XIX века. Творчество и современность, 2017. № 3 (2). – С. 57-60.
4. Журин А.Н. Архитектура России первой половины XIX века в контексте философско-эстетических воззрений Ф. Шеллинга и его последователей в России: монография. Новосибирск, 2015. – 184 с.
5. Иконников Л.В. Художественный язык архитектуры. М., 1985. – 175 с.
6. Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века. М. 1986. – 344 с.
7. Кириченко Е.И. Взаимосвязи России и Запада в архитектуре Нового времени. Вопросы искусствознания, 1993. № 2-3. – С. 12-24.
8. Кириченко Е.И. Романтизм и историзм в русской архитектуре XIX века (К вопросу о двух фазах развития эклектики) // Архитектурное наследие. Выпуск 36. М.: Стройиздат, 1988. – С. 130-143.
9. Корнилова А. В. Истоки русско-византийского стиля: теоретический аспект // Труды Санкт-Петербургского гос. универ. культуры и искусств. Том 186. СПб., 2009. – С. 126-130.
10. Лисовский В.Г. Иван Фомин метаморфозы русской неоклассики // Издательский дом «Коло» СПб., 2008. – С. 63-66.
11. Назарова М.П. Социокультурные смыслы архитектурных объектов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Волгоград, 2012. № 1 (16) – С. 111-114.
12. Никифорова Л.В. Дворец в истории русской культуры. СПб., 2006. – 630 с.
13. Петров П.Н. Сборник материалов по истории императорской Академии художеств за сто лет её существования. СПб., 1864. Т. 1.
14. Пунин А.Л. Архитектура Петербурга середины и второй половины XIX Века. Том 2. Петербург 1860-1890-х гг. М., 2014. – 600 с.
15. Пунин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990. – 315 с.
16. Русанов Г.П. Структура архитектурных ансамблей в исторически сложившемся городе (На примере Санкт-Петербурга): Дис. ... д-ра архитектуры. СПб., 2002 – 495 с.
17. Стасов В.В., Горностаев А.М // Вестник изящных искусств. 1888. Т. 6.
18. Тарановская М.З. Карл Росси: Архитектор. Градостроитель. Художник, Л., 1980. – 224 с.
19. Телепоровский В.Н. Кваренги. Материалы к изучению творчества, Л., 1954. – 114 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Филатов Николай Павлович.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРНАЯ САМОБЫТНОСТЬ РОССИИ И ЗНАЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА В ЕЕ СТАНОВЛЕНИИ

Хвощевская Ирина Валерьевна

кандидат фармацевтических наук, заместитель
директора «Центра дополнительного образования
и развития карьеры» НовГУ имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
rosfarm@yandex.ru

CULTURAL IDENTITY OF RUSSIA AND THE SIGNIFICANCE OF HISTORICAL FACT IN ITS FORMATION

I. Khvoshchevskaia

Summary: In this article, the author considers and presents in the form of an analytical review, the significance of the essence of a historical fact in assessing the cultural identity and identity of countries. The results of the analysis of the significance of the events that took place, acting as historical facts, on the formation and development of the cultural identity of Russia are given. A clear correlation is shown between historical events taking place in the past and present, influencing the cultural structure of society, the features of the cultural identity of peoples by evolution, and the transformation of the identity and identity of the state. During a theoretical study, the author makes a number of conclusions that are significant for the interpretation of the results and that can affect the interpretation of events that occur in the present. One of the most important and significant allows us to say that often a historical fact can influence future events, setting the trajectory of the cultural development of a society. It is important for us, as part of society, to study the chronological sequence of events, to trace the course of the country's development, including its culturological formation, the influence of the past on the identity of the future. Knowledge of the past by the population will allow determining the course of future events and will also make it possible to avoid large-scale negative political and economic events. All this will help preserve the integrity and cultural identity of Russia.

Keywords: fact, identity, identity, historical cross-section, cultural aspect, society.

Аннотация: В данной статье автором рассмотрено и представлено в виде аналитического обзора, значение сущности исторического факта при оценки культурной идентичности и самобытности стран. Приведены результаты анализа значения произошедших событий, выступающих в роли исторических фактов, на становление и развитие культурной самобытности России. Показана четкая корреляция между историческими событиями, оказывающими влияние на культурологический, устроив общества, особенности культурной самобытности народностей эволюцией, и преобразованием идентичности и самобытности государства. В ходе теоретического исследования автор делает ряд значимых заключений, способных повлиять на интерпретацию событий настоящего. Одно из наиболее важных, позволяет нам говорить о том, что зачастую исторический факт может оказывать влияние на будущие события, задавая траекторию культурного развития общества. Немаловажно изучать хронологическую последовательность событий, прослеживать ход развития страны, в том числе и ее культурологическое становление, влияние прошлого на самобытность будущего. Знание своего прошлого населением, позволит определить ход событий будущего, а также даст возможность избежать масштабных негативных политических и экономических событий. Все это позволит сохранить целостность и культурную идентичность России.

Ключевые слова: факт, идентичность, самобытность, исторический срез, культурологический аспект, общество.

Введение

В настоящее время, в связи со сложившейся острой политической ситуацией в нашей стране, как никогда актуально стоит проблема усиления эффективности выработки национальных стратегий в области формирования гражданского общества, которое будет основано на целостном понимании основных конструктивных ценностей, и то же время будет приближено к личному мировоззрению каждого гражданина. И с этой позиции проблема определения и значения исторического факта, оказывающего прямое влияние на становление культурной идеологии в современном мире становится все более актуальной. Исторический факт можно определить, как факт о прошлом, отвечающий на вопрос что было. Однако, помимо простого перечисления событий в хронологическом порядке, знание исто-

рических фактов позволяет нам выяснить, почему события произошли, какие обстоятельства способствовали их возникновению, какие последующие последствия они имели и как их интерпретировали современники тех событий, а также их влияние на становление самобытности и идентичности народностей.

Мы видим, что исторические факты, касающиеся любой сферы нашей жизни и в том числе культуры, доходят до нас из самых разных источников, имея общие элементы, подтверждающие правдоподобную версию. Рассказы сравниваются с археологическими находками, однако ни история, ни археология не являются точными науками, но совершенствование техники и технологий за эти годы позволило им обеим все более и более убедительно обосновывать свои отчеты о прошлом.

Многие исторические отчеты часто вызывают разногласия, связанные с тем, что по разным причинам трудно получить точный исторический факт. Большая часть информации о прошлом была утеряна. Так Кром, отмечает, что многие культуры имеют богатую устную историю, но не имеют письменных документов. Устные рассказы, или «исторические рассказы», страдают от естественной потери информации. Каждый человек в цепочке будет склонен «интерпретировать» историю, предоставляя возможность случайно изменить ее или, что еще хуже, приспособить историю к своим собственным вкусам, прежде чем передать ее дальше [1].

Письменная история до эпохи копировальных аппаратов и компьютеров приходилось копировать вручную, что также давало возможность для ошибок или преувеличений. Некоторые материалы являются просто пропагандой, преднамеренно содержащей мало правды или совсем не содержащей ее. Даже если документы подлинны, значение документов, касающихся прошлого, может быть весьма непонятны любому современному исследователю или могут противоречить другим источникам. Эти и другие факторы приводят к значительной неопределенности в отношении исторических отчетов. Это оставляет сторонам возможность интерпретировать историю в свою пользу, что приводит к сильному сопротивлению со стороны тех, кто высказывает противоположную точку зрения.

Как мы видим, для того чтобы понять как тот или иной исторический факт мог повлиять на становление культурной самобытности в нашей стране, необходимо сперва понять значение «исторического факта», как общенаучного термина. Само понятие «факт» может иметь двоякое значение. Так под фактами понимается то, что может произойти случайно, и то, что может иметь эмпирическое или апостериорное знание. Так, например, Д. Юм пишет в начале раздела IV «Исследования о человеческом познании» о том, что «объекты человеческого разума или исследования могут быть естественным образом разделены на два вида, а именно отношения идей и фактов» [5, С. 143].

Если конкретные события, процессы и состояния тождественны фактам или могут быть построены из фактов, то разумно думать, что причинность есть отношение между фактами. Если они не тождественны фактам и не могут быть построены из фактов, то правдоподобно думать, что причинность есть отношение между событиями и состояниями и что причинность не следует отождествлять с причинными объяснениями. И в данном случае, предположение, что факты содержат объекты, свойства и отношения как собственные части могут подвергаться критике. Например, Х. Уайт, указывает на то, что один естественный мерологический принцип состоит в том, что собственные части самых основных видов целого

принадлежат к той же общей онтологической категории, к которой принадлежат их целые. Таким образом, части вещей или веществ суть вещи или вещества, а части процессов суть процессы [8, С. 102].

Даже если факты или положения дел не содержат таких объектов, как вещества или события, некоторые из них все же могут быть о таких объектах или касаться их. На это понятие события в последнее время возложены тяжелые метафизические обязанности. Так, К. Бекер определяет качественные факты как факты, которые не относятся к каким-либо конкретным людям, и утверждает, что все основные факты, составляющие вселенную, являются качественными, а индивидуалистические (т. е. некачественные) факты основаны на том, что качественная основа (см. ниже об обосновании как об отношении фактов) [10, С. 88].

А. Брендек использует понятие фактической близости для теоретических рассуждений о внутренне присущей природе. В своей работе он утверждает, что ряд различных понятий внутренне присущности можно проанализировать с точки зрения представления о том, что положение вещей по существу связано с чем-то [11].

Одна онтологическая роль положений дел и фактов состоит в том, чтобы быть первичными носителями модальности. Предположим, что факты получают положение дел [2, 3].

Таким образом, проведя анализ самого понятийного термина «исторический факт», мы можем говорить об объективности прошлого, а именно о том, что события или обстоятельства в прошлом имеют объективные, фиксированные характеристики, не зависящие от нашего представления об этих событиях, а также существует независимая от репрезентации реальность, лежащая в основе крупных исторических структур.

В ходе исследования, мы проработали данный вопрос, и можем признать наличие между объективностью прошлых событий, действий и обстоятельств, объективностью современных фактов, возникших в результате этих прошлых событий, и объективностью, и неизменностью определенной корреляции.

Прошлое происходило именно так, как оно происходило, например, случались засухи, армии терпели поражение, были изобретены новые технологии и многие другие события, которые оставили свои следы разной степени информативности, которые дают нам рациональную основу для убеждений о событиях прошлого. В связи с чем, мы можем предложить непротиворечивую интерпретацию объективности прошлого [7, С. 114].

В то же время эта объективность событий и проис-

шествий не простирается далеко вверх, если мы рассматриваем более абстрактные исторические события. Основные факты поведения, а также их исторические следы остаются, однако соединение этих фактов в большое историческое событие не составляет объективной исторической общности.

Мы можем с уверенностью говорить, что понимание исторических фактов, дает нам возможность понимать происходящие события, и чем больше проводится анализ и сопоставление прошлых и настоящих событий, тем больше вероятность построить более рациональное в потреблении общество. Причем не всегда при более глубоком изучении исторические события соответствуют своим терминам [11, С. 119], [7].

В данном случае мы можем говорить и о том, что любой конфликт, который продолжается в течение длительного времени, как это бывает с неразрешимыми конфликтами, включает исторические факты. И это важно в настоящее время, так как сегодня стоит актуальный вопрос построения нового современного общества, основанного на культурно-нравственных ценностях, а именно становлении непрерывной связи между понятиями семья и государство.

Мы четко видим, что исторические факты действительно играют центральную роль во всех жизненных сферах, в том числе влияют на ход затяжных международных конфликтов, выводя государство на новые этапы своего развития.

Можно говорить о том, что историческая риторика становится частью становления культурной самобытности и идентичности страны, задавая темп и направление ее развития, исторические факты значительно усиливают становление социума [4].

Зачастую интерпретация исторического факта различна, что приводит к конфликтам, включающим дебаты по поводу исторического факта, будь то дебаты по поводу реального события или интерпретации события, может быть важно решить, разрешим ли спор и улучшит ли его разрешение ситуацию. Поиск фактов действительно может выявить важную историческую информацию, и эта информация может сыграть роль в достижении консенсуса. С другой стороны, информация может не иметь никакого реального эффекта либо потому, что эти факты

отвергаются, либо потому, что кто-то меняет тактику, чтобы избежать использования этих фактов, иногда новая информация может еще больше разжечь конфликт [5]. И здесь нужно выделить такой момент, что поскольку историческое исследование не является точной наукой, поиск исторических фактов страдает от проблемы неопределенности информации. И зачастую, раскрыть то, что произошло на самом деле, может оказаться невозможным. При этом каждый конфликт имеет свою цену, зачастую сопровождающейся потерей человеческих жизней [9]. И здесь важно отметить, что для избегания повторения прошлых конфликтов, необходим их тщательный анализ, возможно через трибуналы по военным преступлениям (которые преследуют военных преступников), либо через комиссии по установлению истины, которые пытаются задокументировать то, что произошло, предоставляя амнистию, не преследуя виновных [6].

Зачастую, преступления, совершенные в прошлом, оказывают влияние на будущий ход истории страны, во всех ее аспектах, в том числе, культуре, религии, искусстве. И очень важно тщательно изучить исторические факты, для разработки объективной стратегии развития государства.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования, мы видим, что будущее глубоко условно, а прошлое фиксировано и неизменно. Тем самым мы можем говорить о том, что на становление культурной идентичности и самобытности страны, исторические факты оказали непосредственное влияние, и тот путь, который выберет наша страна для дальнейшего развития, непосредственно окажет на все будущие поколения. Мы можем так же с уверенностью сказать, что знание исторической самобытности и культурных особенностей, может помочь нам стать более чуткими, более справедливыми и более дальновидными в наших отношениях друг с другом в великих делах, составляющих будущую историю.

Возможно, факты подходят для того, чтобы играть роль того, что делает суждения правильными, а предположения истинными, и исторический факт, всегда, в той или иной степени, оказывает влияние на становление культурной самобытности и идентичности общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кром М.М. Что такое исторический факт? Эволюция представлений об основной категории исторического познания [Электронный ресурс] // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. - 2018. - №4 (43). - С. 5-14. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-istoricheskiy-fakt-evolyutsiya-predstavleniy-ob-osnovnoy-kategorii-istoricheskogo-poznaniya> (дата обращения: 19.02.2022).
2. Кроче Б. Теория и история историографии / пер. с итал. А. М. Заславской. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.

3. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. - 2-е изд. - М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. - 305 с.
4. Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования // Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки. - М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2003. - С. 142-200.
5. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. - М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
6. Покровский М.Н. Избранные произведения: в 4 кн. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. - М.: Мысль, 1967. - 671 с.
7. Ракилов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. - М.: Политиздат, 1982. - 303 с.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. - СПб.: Наука, 2003. - 632 с.
9. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. - 528 с.
10. Яковлев Н.А. Историографические проблемы периода двоевластия в Великой российской революции [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. - 2019. - №1. - С. 14-23. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriograficheskie-problemy-perioda-dvoevlastiya-v-velikoy-rossiyskoy-revoljutsii> (дата обращения: 19.02.2022).
11. Becker C. What are Historical Facts // The Western Political Quarterly. - Vol. 8, No. 3 (September 1955). - PP. 327-340.
12. Carr E.H. What is History? - New York: Vintage Books, 1961. - 209 p.

© Хвощевская Ирина Валерьевна (rosfarm@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ НА ХАРАКТЕР МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Чжэн Сян

*Аспирант, Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина, Москва,
zhengxiangabb@gmail.com*

Назаров Юрий Владимирович

*Доктор искусствоведения, профессор, Российский
государственный университет имени А.Н. Косыгина
nazaret48@yandex.ru*

THE INFLUENCE OF DIGITAL MEDIA TECHNOLOGIES ON THE NATURE OF MUSEUM ACTIVITIES

**Zheng Xiang
Yu. Nazarov**

Summary: With the continuous development of technology, the information concept is also constantly updated, "human-centered, with a focus on humanized design, with a focus on visitor experience." Information has become the focus of display activities, people are trying to satisfy the demand for information through various broadcast channels containing dynamic images and having a variety of sensual content that is absent in traditional museum activities. The era of digital media technologies has reshaped the media themselves and created a unique kind of information distribution, and the activity of displaying content has also undergone significant changes.

Keywords: digital media technologies, museum, digital exhibit, viewer perception, viewer experience.

Аннотация: С непрерывным развитием технологий информационная концепция также постоянно обновляется, «ориентированная на человека, с упором на гуманизированный дизайн, с акцентом на опыт посетителя». Информация стала центром демонстрационной деятельности, люди стараются удовлетворить спрос на получение информации с помощью различных трансляционных каналов, содержащих динамические изображения и обладающих разнообразным чувственным контентом, отсутствующим в традиционной музейной деятельности. Эпоха цифровых медиатехнологий изменила форму самих медиа и сформировала уникальный вид распространения информации, а сама деятельность по отображению контента также претерпела значительные изменения.

Ключевые слова: цифровые медиатехнологии, музей, цифровой экспонат, зрительское восприятие, зрительский опыт.

Как эффективное и быстрое средство информационных технологий цифровое мультимедиа может передать тематический контент полнее и быстрее на интуитивном уровне, при этом посетители получают новый опыт обучения и знакомства с экспонатами. Это особенно важно для молодежи, поскольку сегодня основной способ получения знаний лежит в зоне электронных, сетевых и других цифровых форм СМИ [1]. Использование мультимедиа в музейном выставочном дизайне широко используется на практике, что принесло значительные результаты. Как компонент музейной выставочной системы мультимедиа имеет свои особенности и в то же время возможности данной технологии постоянно расширяются, интегрируясь в структуру экспозиции.

1. Анализ цифровой аналоговой формы экспонатов

В прошлом экспонаты, представленные на выставке, в основном имели форму реальных объектов. Их ценность и соображения сохранности не предусматривали физический контакт публики с данными предметами: их обзор предусматривал определенную дистанцию, а также некоторые ограничения по времени и месту демонстрации. При посещении музея публика часто сталкивается с пробелами в экспозиционном ряду, связанными с

состоянием и реставрацией экспонатов, а также их демонстрацией в других музеях, что существенно влияет на интерес зрителей и снижает мотивацию дальнейшего знакомства с экспозицией. С появлением цифровых медиатехнологий экспонаты трансформируются от материального состояния до дематериализации и предстают перед посетителями в виртуальной форме. Цифровые экспонаты нельзя повредить, они не ограничивают демонстрационное пространство, и зрители могут взаимодействовать с ними на минимальном расстоянии. Кроме того, один и тот же контент может демонстрироваться в нескольких местах одновременно, обеспечивая параллельное использование экспозиционных ресурсов. Кроме того, форма цифровых экспонатов является динамической интерпретацией статичных аналоговых экспонатов, что делает их содержание ярким и всеобъемлющим, стимулируя интерес аудитории и тем самым повышая эффективность распространения музейного контента. [2]

В цифровой анимационной версии картины «По реке в День поминовения усопших», представленной в павильоне КНР на Всемирной выставке (Шанхай, 2010 г.), успешно использовалась технология динамического видео. 12 проекторов высокого разрешения проецировали динамическую цифровую версию картины на гигантский изогнутый экран общей протяженностью 128,0

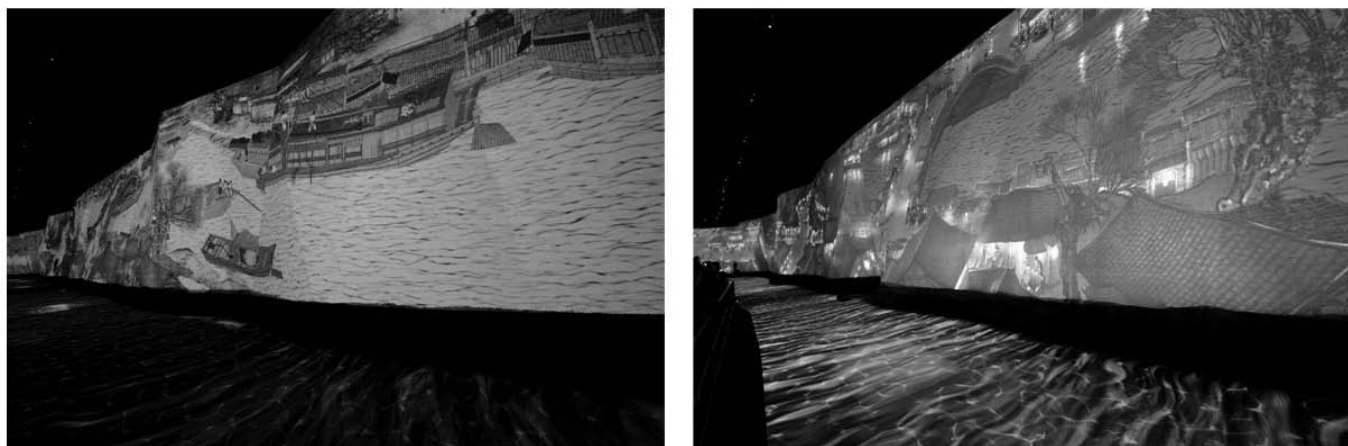

Рис. 1. Цифровая экспозиция картины «По реке в День поминовения усопших» [3]

Рис. 2. EPIC The Irish Emigration Museum [5]

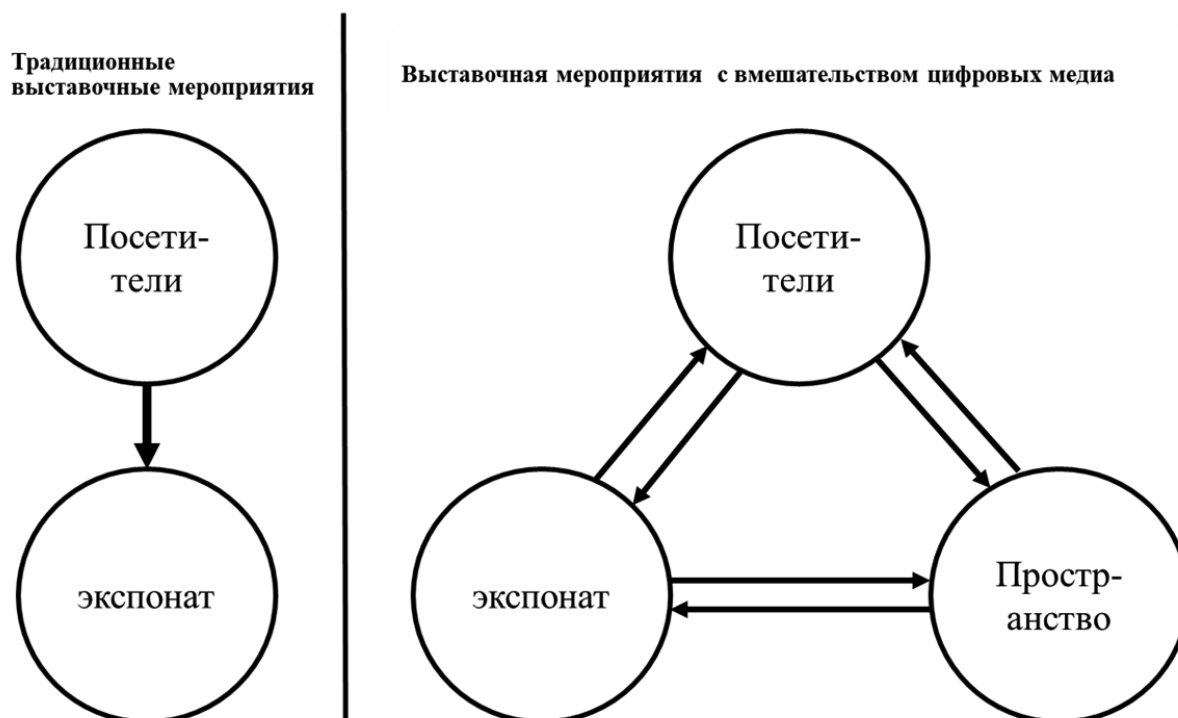

Рис. 3. Трансформация выставочной интерактивности

метров и высотой 6,5 метров, увеличивая реальные габариты картины «Речной берег у Цинмина» почти в 100 раз. В демонстрации изображения было предусмотрено два сценария: дневной и ночной, трансляция осуществлялась в четырехминутном цикле с динамичным двухфазовым показом городских пейзажей Бяньцзина. Активное поведение горожан на изображении, а также реалистичные звуковые эффекты позволяли посетителям почувствовать себя внутри городской жизни Бяньцзина (рис. 1). Цифровая экспозиция «По реке в День поминовения усопших» не только компенсировала отсутствие оригинала картины, но и повышала удовольствие от просмотра благодаря форме динамической экспозиции, облегчая зрителям восприятие контента, заложенного автором в картине.

2. Особенности экспонирования музейного контента

Цифровые медиатехнологии привели не только к изменению формы экспонатов, но и создали разнообразные методы экспонирования. Традиционная музейная экспозиционная деятельность была ограничена представленным контентом, поэтому большинство статических методов экспонирования основано на сочетании физических и графических объектов. Единство средств демонстрации экспонатов предопределяет единственный способ получения информации посетителями, в результате чего снижается интерес зрителей к традиционной выставочной деятельности, а сама экспозиция не способна в достаточной мере сформировать у потребителей необходимый чувственный опыт. С внедрением различных цифровых медиатехнологий, с появлением разнообразных технических средств и расширением сферы их применения отображение информационного контента значительно обогащается, в экспозиции появляются симуляция вождения, интерактивная проекция, фантомная визуализация, иммерсивные изображения, виртуальная реальность и другие приёмы [4]. Диверсифицированные средства отображения контента сделали доступными различные формы опыта, с помощью которых посетительская аудитория может участвовать в экспозиционной деятельности в форме различных поведенческих действий, что делает экспозиционную жизнь музеев интересной и привлекательной.

Например, экспозиции Музея ирландской эмиграции (EPIC) (Ирландия, Дублин, создана в мае 2016 года) – это не просто традиционные статические дисплеи, а интерактивные проекции, интерактивные перекидные книги и интерактивные сенсорные экраны (Рис. 2). Использование разнообразных цифровых дисплеев позволяет посетителям легко понять историю и культуру ирландской иммиграции, расшифровывать сложные артефакты или текстовые описания благодаря разнообразным виртуальным приёмам.

3. Особенности зрительского восприятия контента

Канадский учёный – Маршалл Маклюэн в своей книге «понимание медиа: внешние расширения человека» высказал идею о том, что экстенция человека – это одно из средств информации, а само средство информации является сообщением. [6] Средства информации меняют отношение человека к своему окружению, преобразуют его образ жизни и перестраивают все когнитивные пути. Прогресс средств массовой информации отразился на экспозиционной деятельности и повлиял на доступность информации. В традиционных музейных экспозициях распространители и получатели информации были четко определены, при этом экспонаты и посетители представляют собой две независимые системы, неспособные общаться друг с другом. В эпоху цифровых медиатехнологий людям необходимо удовлетворять свои потребности посредством интерактивного опыта, приобретаемого благодаря осмотру музейных экспозиций (рис. 3). Интерактивная природа цифровых медиатехнологий произвела революцию в построении музейной экспозиции, разрушив барьеры между общением и восприятием, сделав зрителя неотъемлемой частью процесса созерцания выставочного контента. При знакомстве с экспозицией посетители больше не пассивно воспринимают выставочный контент, а активно участвуют в его изучении, общаясь с отображаемой информацией, испытывая резонирующие чувства, т.е. приобретают «интерактивный опыт».

В Национальной галерее Сингапура проходила Первая детская биеннале (2017 г.), где можно было изменить цвет декоративных сфер, слегка прикоснувшись к ним (рис. 4). Сферы связаны между собой через беспроводное соединение, они передавали друг другу сенсорную информацию, распространяя данные по всем элементам, благодаря чему объекты становились однородными по цвету.

Кроме того, интерактивная трансформация цифровых медиа, используемых в выставочной деятельности, также проявляется в увеличении внимания к взаимодействию между посетителями. С одной стороны, по сравнению с традиционной выставочной деятельностью общественный атрибут музейных цифровых медиа значительно возрос. Медиатехнологии как бы приглашают зрителей к совместному участию в одном и том же выставочном опыте. Даже если это индивидуальный опыт цифровой выставочной деятельности, появляется возможность привлечь к нему большее число зрителей с тем, чтобы вначале объединиться, а затем остаться и обсудить, при этом посетители получали возможность генерировать различные формы интерактивного общения в процессе общего знакомства с экспозицией. С другой стороны, медиатехнологии могут установить связь меж-

Рис. 4. Национальная галерея Сингапура. Первая детская биеннале [7]

Рис. 5. Balancity - German Pavilion at Expo 2010 in Shanghai. [9]

ду посетителями с помощью технических средств для передачи цифровой информации в визуальной форме, косвенно помогая людям общаться друг с другом. 4. Сенсорный, визуальный и ассоциативный зрительский опыт

Поскольку традиционная выставочная деятельность основана на статичной экспозиции как основной форме показа, визуальный осмотр стендов и экспонатов является основным способом знакомства аудитории с контентом.

Но не только визуальные впечатления формируют ощущения людей от посещения и влияют на степень запоминания информации. Именно с помощью всех органов чувств человек воспринимает окружающий мир. Это

также означает, что чем больше восприятий задействовано в получении информации, тем прочнее память о контенте [8].

Сведения, которые передают зрителям выставочные экспонаты, состоят не только из визуальной информации, один лишь сенсорный опыт не может полностью обеспечить всестороннюю и полную информацию о выставке. С приходом цифровых медиатехнологий современная выставочная деятельность стремится задействовать все органы чувств зрительской аудитории и подключить их к участию в когнитивном процессе восприятия информации. С этой целью используются цифровые медиатехнологии путем интеграции различных информационных элементов и создания мультимедийной среды для под-

ключения полного спектра чувственного опыта посетителей. Таким образом, аудитория погружается в выставочный контент, отображение информации становится трехмерным, одновременно этот приём содействует запоминанию и отображению информации, повышает эффективность восприятия контента.

В проекте «Powerhouse Hall» Немецкого павильона на Всемирной выставке в Шанхае в 2010 году в центре

экспозиционного пространства была подвешена сферическая интерактивная инсталляция диаметром 3,0 м, а в ее центре сформирован многоуровневый коридор, чтобы посетители могли остановиться и осмотреть экспонат (рис. 5). Металлический шар раскачивался от колебания голосов посетителей, конструкция регулировала свою амплитуду и скорость в зависимости от силы звука и создавала на своей поверхности различные световые изображения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здасюк Н.М. Опыт применения цифровых технологий в музеях Беларуси. // Минск: БДУ, 2021. С. 273-278 (<https://elib.bsu.by/handle/123456789/277086>).
2. Гайворонская С.А., Чунослова Л.А. Повышение эффективности выставочной деятельности с применением современных технологий // European Research: сборник статей XXI Международной научно-практической конференции, Пенза, 2019. № 2. С. 44-47.
3. <https://www.flickr.com/photos/13523064@N03/4545432184/in/photostream/> (дата обращения: 13.01.2023).
4. Панкина, М.В. П116 Интерьер и человек: модели взаимодействия: учебное пособие // М.В. Панкина. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. 135 с.
5. <https://www.activeme.ie/business-directory/epic-the-irish-emigration-museum-chq-dublin-ireland/> (дата обращения: 15.01.2023)
6. Г.М. Маклюэн. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. — Перевод с английского: В.Г. Николаев. — М., 2003.
7. <https://www.designboom.com/art/teamlab-national-gallery-singapore-homogenizing-transforming-world-06-01-2017/> (дата обращения: 16.01.2023).
8. Шевченко Виктория Эдуардовна. Эффективность восприятия медиаинформации: визуализация контента / Информационная безопасность регионов, no. 2 (13), 2013, pp. 45-52.
9. <https://www.milla.de/en/cases/german-pavilion-expo-shanghai-2010> (дата обращения: 16.01.2023).

© Чжэн Сян (zhengxiangabb@gmail.com), Назаров Юрий Владимирович (nazaret48@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ КУЛЬТУРЫ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Шестаков Игорь Алексеевич

Магистрант, Сибирский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
dering1984@mail.ru

CULTURAL DEVELOPMENT MANAGEMENT AT THE MUNICIPAL LEVEL: CHALLENGES AND SOLUTIONS

I. Shestakov

Summary: The article presents an analysis of the management body of the municipality of the Berezovsky district of the Krasnoyarsk Territory of activities for the development of the cultural sector for 2017–2021. As part of the study, the content and results of the activities of municipal cultural institutions are studied, organizational and personnel problems are identified, and ways to solve them are outlined.

Keywords: management of the sphere of culture in the municipality, personnel and staffing of cultural institutions, personnel policy in the field of culture.

Аннотация: В статье представлен анализ органа управления муниципального образования Березовского района Красноярского края деятельности по развитию сферы культуры за 2017–2021 годы. В рамках исследования изучаются содержание и результаты деятельности муниципальных учреждений культуры, выявляются организационные и кадровые проблемы, намечаются пути их решения.

Ключевые слова: управление сферой культуры в муниципальном образовании, кадры и кадровое обеспечение учреждений культуры, кадровая политика в сфере культуры.

Развитие муниципального образования неразрывно связано формированием культурного пространства. На заседании Совета по культуре и искусству 15 декабря 2018 года Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «национальная программа в сфере культуры должна получить сильное региональное измерение, стимулировать повышение качества и разнообразия культурной жизни в малых городах и поселках страны» [12]. Таким образом, на уровне государства приоритет отдается развитию культуры на местном уровне. Это отражается в нормативно-правовом обеспечении деятельности в сфере управления культурой.

Вместе с тем, для прогнозирования процессов в культурной среде и управления на этой основе ее развитием необходимо изучение современного состояния учреждений культуры на местном уровне, поскольку в силу географических, экономических и производственных факторов условия их деятельности в различных регионах и на уровне муниципальных образований могут значительно отличаться, что должно быть учтено в управлении.

Нами предпринято изучение деятельности по управлению развитием культуры в муниципальном образовании Березовский район, являющимся наиболее приближенным к региональной столице Красноярского края – городу Красноярску, что обуславливает специфические условия функционирования учреждений культуры.

Березовский район является одним из самых густонаселенных компактных районов края, расположен в центральной части Красноярского края, фактически является районом пригородного типа [1]. По состоянию на 01.01.2022, численность населения составила 43,6 тыс. чел. [3]. Наблюдается незначительный прирост населения: за период с 2016 года увеличение составило 9,5%. Значительная часть жителей муниципального образования работает в городе Красноярске. Близость регионального центра, с одной стороны, дает возможность реализации трудового потенциала населения, с другой стороны, создает предпосылки для нивелирования творческих культурных процессов и достижений за счет предложения более качественного культурного продукта центром.

В сфере культуры Березовского района реализуются следующие направления деятельности:

- культурно-досуговая (МБУК «Централизованная клубная система Березовского района», в состав которой входят 14 подразделений);
- библиотечная (МБУК «Межпоселенческая библиотека», в состав которой входят 13 подразделений);
- музейная (МБУК «Березовский районный музей»);
- дополнительное образование в области культуры (МБУК Березовская детская школа искусств с сельскими подразделениями);
- молодежная политика (МБУ «Молодежный центр «Созвездие»).

По данным Министерства культуры Красноярского

края за период 2017-2022 гг. учреждения культуры обладают необходимыми ресурсами и показывают относительно устойчивые результаты деятельности. Имеет место повышение финансового обеспечения на уровне местного бюджета. Так, в 2017 году финансирование сферы культуры составило 96,41 млн. руб., в то время как в 2019 и в 2020 – 81,43 млн. руб. и 93,29 млн. руб. соответственно [5-8]. Финансирование на 2020 год увеличилось на 7,32% по сравнению с 2017 годом и составило 103,46 млн. рублей [12]. Прежде всего, это увеличение нашло отражение в росте заработной платы работников учреждений культуры. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, средняя заработная плата работников муниципальных учреждений культуры Красноярского края в 2021 году составила 40 906 рублей, что на 12,32% выше по сравнению с 2019 годом (36 420 рублей) [13, 14]. Однако это не повлияло на улучшение показателей кадрового состава сферы культуры района (табл.1).

Так, укомплектованность штата специалистами за 2017-2021 годы составляет в среднем составляет 81,33%. Количество специалистов с профильным образованием составляет в среднем за 2017-2021 годы 66,63% от общего числа (табл.2).

При этом доля специалистов в возрасте до 30 лет за 5 лет сократилась на 9,75%, в возрасте 30-49 лет сократилась на 19,32%, в то время как доля специалистов в возрасте свыше 50 лет выросла на 5,17%.

Динамика изменений в возрастном составе специалистов учреждений культуры Березовского района отражает снижение доли специалистов до 30 лет, что свидетельствует об отсутствии притока молодых специалистов, а также о происходящем оттоке в другие сферы деятельности (табл. 3).

Таким образом, ситуацию с кадровым обеспечением учреждений культуры муниципального образования нельзя признать благоприятной. При сложившихся тенденциях возможен регресс в развитии культурно-досуговой деятельности в районе. Муниципальным органам местного самоуправления необходимо принимать действенные меры к улучшению кадрового обеспечения. В противном случае показатели деятельности муниципальных учреждений культуры – библиотек и культурно-досуговых учреждений (КДУ) не будут достигать плановых значений, предусмотренных Национальным проектом «Культура», например, по числу посещений организаций культуры предусмотрено увеличение на 15% по сравнению с показателями 2018 г. [10].

Так, данные за 2017-2021 гг. показывают, что количество мероприятий, проводимых культурно-досуговыми учреждениями, постепенно уменьшается: если в 2017 году количество проведенных мероприятий было 1840,

то в 2021 году меньше на 9,3% [5-8]. Уменьшилось и количество посещений мероприятий: в 2018 г. оно составило 126,5 тыс. чел., в 2021 году в половину меньше – 63,9 тыс. чел. Количество клубных формирований остается примерно на одном уровне, количество участников в среднем за 5 лет составило немногим больше 1800 чел. (табл. 4).

Показатели деятельности библиотек района отражают недостаточную эффективность подключения библиотек к сети интернет: за период с 2017 составило всего 2 библиотеки. Объем электронного каталога за 5 лет увеличился всего на 9,95 тысяч записей и составил 51,13 тыс. записей. При этом динамика внесения записей в электронный каталог показывает тенденцию к снижению: если в 2017 году в год было обработано 2,72 тысячи записей, то в 2021 году – 2,41, то есть на 11,3% меньше. Изменение фактического книжного фонда также показывает негативную тенденцию: фонд сократился на 9,51 тыс. экземпляров и составил по итогам 2021 года 155,62 тыс. экземпляров.

По количеству фондовых поступлений за 2021 год на 1000 жителей библиотека Березовского района находится на 51 месте среди библиотек края. При этом количество зарегистрированных пользователей в 2020 году по сравнению с 2017 годом уменьшилось более чем на 3,0 тыс. чел. и составило 9,4 тыс. чел., а количество посещений снизилось до 57,5 тыс. чел. Соответственно охват населения Березовского района библиотечным обслуживанием снизился до 21,8%. В 2021 году наблюдается увеличение числа пользователей до 12,7 тыс. чел., охват населения – до 29,1%. (табл. 5).

Изменение данных показателей связано с ограничениями в период эпидемии COVID-19 и их отменой.

Изучение показателя книгообеспеченности в расчете на 1 жителя, выявило крайне негативную тенденцию: с 2017 г. значение показателя снизилось с 3,96 до 3,56 экземпляров на одного жителя. При этом, согласно нормативам, показатель должен быть в диапазоне 7-10 экземпляров на одного жителя [9].

Рассматривая показатели деятельности учреждений культуры, необходимо отметить, что утвержденных нормативов в части посещений мероприятий или их количества в настоящее время не существует. Данные показатели отражаются в муниципальных заданиях, которые утверждаются администрацией муниципального образования согласно Бюджетному кодексу Российской Федерации [2]. Подготовкой муниципального задания занимается отдел культуры совместно с руководителем муниципальных учреждений культуры. Примером может служить муниципальное задание Централизованной клубной системы Березовского района, размещенное на официальном сайте учреждения за 2022 год и

Таблица 1.

Динамика показателей кадрового состава учреждений культуры Березовского района по уровню образования за 2017-2021 годы (в чел.)

Годы	Штатная численность		Фактическая численность					
	Всего	Специалисты	Всего	Специалисты				
				Высшее образование		Среднее профессиональное образование		Среднее общее образование
				Всего	Профильное	Всего	Профильное	
2017	268	232	223	187				
			116	73	56	41	15	
2018	252	225	215	185				
			117	73	55	41	13	
2019	253	224	216	187				
			110	78	66	52	11	
2020	253	224	212	183				
			108	76	66	52	9	
2021	250,25	226,25	191	178				
			110	82	58	45	10	

Таблица 2.

Динамика укомплектованности учреждений культуры специалистами, в том числе с профильным образованием за 2017-2021 годы

Годы	Доля категории специалистов от штатной численности (в %)	Доля специалистов с профильным образованием от фактического числа специалистов (в %)
2017	80,6	61
2018	82,2	61,6
2019	83,5	69,5
2020	81,7	70
2021	78,67	71,35

Таблица 3.

Динамика возрастного состава специалистов учреждений сферы культуры за 2017-2021 годы (в чел./ % от общей численности).

Годы	Всего	Возраст специалистов		
		18-30 лет	30-49 лет	свыше 50 лет
2017	187	41/21,9	88/47,1	58/31
2018	185	35/18,9	90/48,7	60/32,4
2019	187	33/17,7	95/50,8	59/31,6
2020	183	32/17,5	95/51,9	56/30,6
2021	169	37/21,9	71/42	61/36,1

2023, показатели в котором изменяются незначительно, как правило, не более чем на одну расчетную единицу по определенным видам деятельности [4].

Таким образом, в деятельности учреждений, являющихся основными для сферы культуры муниципального

образования, имеют место негативные тенденции. Это связано с проблемами в кадровом обеспечении, но не менее важное значение имеет качество управления данной сферой.

Управление процессами в сфере культуры осущест-

Таблица 4.

Динамика показателей деятельности культурно-досуговых учреждений Березовского района за 2017-2021 гг.

Годы	КДУ					
	Клубные формирования		Кол-во мероприятий		Кол-во посещ. (чел.)	
	Кол-во	Кол-во участников (чел.)	Всего	Платных	Всего	Платных
2017	156	1801	1840	403	нет данных	19 058
2018	154	1818	1815	376	126 576	18 319
2019	159	1904	1870	408	130918	22 423
2020	160	1921	1776	200	125865	8 047
2021	159	1871	1718	239	63 986	10 648

Таблица 5.

Динамика показателей деятельности библиотечных учреждений Березовского района за 2017-2021 годы.

	Кол-во пользы (тыс.чел.)	Кол-во посещен (тыс.)	Охват населения библиотечными услугами, %	Объем эл. каталога (тыс. записей)	Фонд (тыс.экз)	Поступило экз. (тыс.)	
						Кол-во поступлений (тыс.)	Место среди библиотек края по поступлению на 1000 жителей
2017	12,7	98,9	30,4	41,18	165,13	8,07	47
2018	12,7	99	30,2	43,9	163,56	4,42	55
2019	12,7	101	29,7	45,75	149,64	4,53	55
2020	9,4	57,5	21,8	48,72	153,65	6,92	46
2021	12,7	103,4	29,1	51,13	155,62	6,68	51

влетает отдел культуры администрации Березовского района. Отделом разработан Паспорт отрасли «Культура» Березовского района, в котором в качестве приоритетных выделены следующие направления:

- патриотическая воспитательная деятельность, связанная с празднованием годовщины Победы в Великой Отечественной войне;
- поддержка лучших работников и лучших учреждений культуры Березовского района;
- независимая оценка качества предоставления услуг культурно-досуговыми учреждениями Березовского района, входящих в состав МБУК «ЦКС Березовского района»;
- увеличение контингента обучающихся и качество подготовки выпускников детских школ искусств;
- совершенствование материально-технической базы учреждений культуры и образования в области культуры;
- работа с населением с ограниченными возможностями здоровья [11].

Данные направления отчасти согласуются с целями и задачами реализации Национального проекта «Культура»: развитие волонтерского движения и воспитание патриотизма, создание системы непрерывного художественного образования.

На 2020-2021 гг. отделом культуры администрации Березовского района ставились следующие задачи:

- увеличение контингента обучающихся МБУДО Березовская ДШИ;
- создание сообщества «Волонтеры культуры» на базе РДК «Юбилейный» МБУК «ЦКС Березовского района»;
- повышение квалификации работников МБУК «ЦКС Березовского района» и МБУК «Межпоселенческая библиотека» Березовского района.

Однако плановые показатели решения задач в Паспорте отрасли «Культура» Березовского района отсутствуют, что не позволяет оценить результативность деятельности. На наш взгляд, данный подход к планированию деятельности со стороны муниципального органа управления культурой не позволяет осуществлять целенаправленный контроль эффективности работы и является одним из факторов, не способствующих улучшению деятельности учреждений культуры.

Кроме того, имеют место существенные недостатки в информационном обеспечении деятельности учреждений культуры как на уровне муниципалитета, так и на региональном уровне. Это проявляется, в том числе, в многочисленных расхождениях в статистических дан-

ных, несоответствии данных регионального министерства культуры и муниципального образования, использовании устаревших данных и отсутствие обновления публичной информации и т.д.

Выводы

Таким образом, изучение деятельности муниципальных учреждений культуры позволяет сделать вывод, что уровень развития культуры муниципального образования, в первую очередь, зависит от качества управления отраслью. Формальный подход к планированию деятельности, отсутствие целенаправленного контроля, неполноценность информационного обеспечения управления, а также проблемы в кадровом обеспечении учреждений приводят к негативным тенденциям в развитии культуры на муниципальном уровне.

На наш взгляд, основными направлениями совершенствования деятельности по развитию сферы культуры на муниципальном уровне и способами решения выявленных проблем должны стать разработка муниципальной программы развития кадрового потенциала учреждений культуры района как части кадровой политики Красноярского края в сфере культуры, включающей мониторинг соответствия профессионального уровня работников учреждений культуры, организацию обучения и повышения квалификации специалистов с учетом актуального состояния.

Необходима инвентаризация и актуализация локальных нормативно-правовых актов, положений, программ в соответствии с современными требованиями, разра-

ботка документов, регламентирующих процессы формирования и оценки количественных и качественных показателей деятельности по типам учреждений культуры муниципального образования.

Организационные преобразования процессов управления отраслью на муниципальном уровне должны включать введение в практику системы среднесрочного и долгосрочного планирования с привлечением ведущих специалистов и руководителей учреждений культуры, обеспечение соответствия планов национальным программам и проектам на федеральном, и региональном уровнях, исключение однообразия, формализма.

Необходимо обеспечить централизацию и контроль за предоставлением, сбором, обработкой информации о деятельности муниципальных учреждений культуры, ведение единой базы данных о кадровом потенциале учреждений культуры с использованием современных информационных технологий.

Повышению результативности деятельности будет способствовать разработка системы стимулирования и поощрения учреждений культуры и их работников за достижение и превышение плановых показателей.

В целом учет особенностей региона и факторов, влияющих на развитие сферы культуры муниципального образования, является необходимым условием повышения эффективности управления развитием отрасли на муниципальном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березовский район Красноярского края // Официальный сайт. – URL: <http://www.berezovsky.krskstate.ru/> (дата обращения 12.10.2022)
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. - 03.08.1998. - № 31. - Ст. 3823.
3. Демография // офиц. сайт Федеральной службы государственной статистики. – 1999. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 12.10.2022).
4. Документы: Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная клубная система Березовского района» // официальный сайт. – URL: <https://cks-berezovka.ru/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/> (дата обращения 12.01.2023)
5. Культура Красноярского края в цифрах за 2017–2018 годы: статистический справочник / министерство культуры Красноярского края. – Красноярск, 2019. – 139 с.
6. Культура Красноярского края в цифрах за 2018–2019 годы: статистический справочник / министерство культуры Красноярского края. – Красноярск: КНУЦ, 2020. – 141 с.
7. Культура Красноярского края в цифрах за 2019–2020 годы: статистический справочник. – Красноярск: Красноярский краевой научно-учебный центр кадров культуры, 2021. – 133 с.
8. Культура Красноярского края в цифрах за 2020–2021 годы: статистический справочник. – Красноярск: Красноярский краевой научно-учебный центр кадров культуры, 2022. – 134 с.
9. Об утверждении нормативов минимального ресурсного обеспечения услуг сельских учреждений культуры (общедоступных библиотек и культурно-досуговых учреждений) : приказ министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 20 февраля 2008 года №32 : [Электронный ресурс] : URL: <https://docs.cntd.ru/document/902113553?marker=6580IP> (дата обращения 12.10.2022)
10. Паспорт национального проекта «Культура» : Протокол заседания президиума совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. №16 : [Электронный ресурс] : URL: <http://government.ru/info/35562/> (Дата обращения 01.08.2022)

11. Паспорт отрасли «Культура» Березовского района 2020 год : Отдел культуры Березовского района, 2020. – 23 с.
12. Российская Федерация. Президент Российской Федерации (2018. – В.В. Путин). Заседание Совета по культуре и искусству, 15 декабря 2018 года, 16:40 // Президент России, офиц. сайт.
13. Рынок труда, занятость и заработная плата // офиц. сайт Федеральной службы государственной статистики. – 1999. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor05-19.htm> (дата обращения 12.10.2022)
14. Рынок труда, занятость и заработная плата // офиц. сайт Федеральной службы государственной статистики. – 1999. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor04-21.htm> (дата обращения 12.10.2022)

© Шестаков Игорь Алексеевич (dering1984@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЕЙ НЕТВОРКИНГА

Бабушкин Алексей Николаевич

Московский инновационный университет
al_bb@mail.ru

DIFFERENTIATION OF NETWORKING LEVELS

A. Babushkin

Summary: The article discusses the problems of networking in the context of its formation, development and manifestation. The structure of networking as a process was investigated and the features inherent in an individual at various stages of participation in this type of communication activity were analysed. The author considers the existing system of classification of networking by types and types and proposes an original classification of networking by levels of development. The study examines three levels of networking: the level of efficiency (establishing and expanding a network of connections without a strict system, improving communication skills), the level of strategy (purposeful and conscious formation of a network of contacts in accordance with the goals) and the level of philosophy (considering networking as a way of life, deep awareness of the value of human communication, systematic improvement of one's environment and sustainable strengthening of internal and external relations). When differentiating networking on three levels, the characteristic features for each level are defined, describing the behaviour, mental orientation and value orientations of the subject of networking, the features of his interaction with other participants in the communication process. The classification presented in the study expands the system of knowledge about networking, gives a deeper understanding of this concept as a process of human communication activity.

Keywords: networking, business communication, establishing business relations, social capital, networking levels, useful contacts, communication skills, interpersonal relationships.

Аннотация: В статье рассматривается проблематика нетворкинга в контексте его формирования, развития и проявления. Была исследована структура нетворкинга как процесса и проанализированы особенности, присущие индивидууму на различных этапах участия в данном виде коммуникационной деятельности. Автором рассмотрена существующая система классификации нетворкинга по типам и видам и предложена оригинальная классификация нетворкинга по уровням развития. В исследовании разобраны три уровня нетворкинга: уровень эффективности (установления и расширение сети связей без строгой системы, совершенствование коммуникативных навыков), уровень стратегии (целенаправленное и осознанное формирование сети контактов в соответствии с поставленными целями) и уровень философии (рассмотрение нетворкинга как образа жизни, глубокое осознание ценности человеческого общения, планомерное совершенствование своего окружения и устойчивое укрепление внутренних и внешних связей). При дифференциации нетворкинга по трем уровням определены характерные черты для каждого уровня, описывающие поведение, ментальную направленность и ценностные ориентировки субъекта нетворкинга, особенности его взаимодействия с другими участниками процесса коммуникации. Представленная в исследовании классификация расширяет систему знаний о нетворкинге, дает более глубокое понимание данного понятия как процесса коммуникационной деятельности человека.

Ключевые слова: нетворкинг, деловая коммуникация, налаживание деловых отношений, социальный капитал, уровни нетворкинга, полезные связи, навыки общения, межличностные отношения.

Актуальность всестороннего рассмотрения нетворкинга связана с его постоянно растущей популярностью в современном мире. При этом требуется не только изучение практических приемов и методов, присущих данному виду деятельности, но и системный подход при исследовании нетворкинга как коммуникативного процесса для анализа, понимания, объяснения и прогнозирования поведения участвующих в нем субъектов.

Футуролог Джон Нейсбит рассматривает нетворкинг как процесс создания сети людей на основе связи между ними, общающихся друг с другом для обмена информацией, идеями и ресурсами [5]. Отдельными авторами делались попытки классифицировать нетворкинг на типы и виды: позитивный и негативный [6]; практический (Utilitarian), эмоциональный (Emotional) и добродетельный (Virtuous) [12]; профессиональный и бизнес-нетворкинг [11]; личный и оперативный [10]; офлайн и онлайн

[13] и другие. На наш взгляд данная система не является полной и исчерпывающей для данного вида коммуникативной деятельности.

Цель исследования: выявить особенности поведенческих и ценностных характеристик субъекта нетворкинга и дифференцировать процесс нетворкинга по уровням.

В соответствии с тематикой исследования определены объект и предмет исследования. Объектом выступил нетворкинг, как целенаправленный вид коммуникативной деятельности. Предметом — психологические особенности индивидуумов в зависимости от характера их участия в нетворкинге.

Для достижения цели в ходе исследования решен ряд задач:

1. Выявлены особенности поведения индивидуумов в различных условиях нетворкинга и описаны их психологические характеристики для объединения по общим признакам.
2. Дифференцирован нетворкинг на различные уровни в зависимости от поведения субъектов данного вида деятельности.

В качестве методов исследования использовались методы контент-анализа, опроса, фокус-групп, включенного наблюдения при проведении тренингов по нетворкингу, мастер-майнд сессий, нетворкинг-активностей на бизнес-форумах и конференциях. Исследование осуществлялось с 2016 по 2020 год по стратифицированной выборке среди жителей Москвы и Московской области, являющимися лицами, планирующими открыть собственный бизнес и начинающими предпринимателями (со стажем деятельности до 1 года), действующими предпринимателями категории малого и среднего бизнеса. В составе выборки определены: 1 страта - Москва, 2 страта – жители Московской области. Общий объем выборки был поровну разделен между выбранными стратами. Выборку составили 2000 человек в возрасте от 20 до 45 лет в соотношении мужчины 40%, женщины 60%. Анализ результатов показал отсутствие существенного влияния пола, возраста и места жительства на ответы и поведение респондентов.

По результатам исследования нами была предложена новая классификация и выделены три уровня нетворкинга: уровень эффективности, уровень стратегии и уровень философии [1][2]. Каждому уровню соответствует свой набор из ценностной ориентации личности, особенностей взаимодействия с социумом, характера этих отношений и результаты, ожидаемые и получаемые субъектом коммуникативной деятельности.

1. Уровень эффективности

На данной стадии человек накапливает базу контактов, стремится к максимальному расширению круга знакомств. Каждый контакт рассматривается как потенциальная полезная возможность на перспективу. Как правило, это поверхностные контакты, с которыми не складываются близкие и глубокие доверительные отношения. В основном это контакты первого уровня (когда субъекты отношений знают лично один другого), установленные спонтанно или на интуитивной основе. Обычно такие отношения носят поверхностный и непродолжительный характер.

Нетворкингу на этом уровне присуща бессистемность. Индивидуумом накапливается багаж связей, обладающих имплицитной ценностью, возможности которых ему могут когда-нибудь пригодиться. В этот период человек посещает большое число разнообразных мест для

нетворкинга, стремясь соприкоснуться с максимальным числом других людей, оттачивая навык установления знакомств и поддержания общения.

Несмотря на относительную бессистемность процесса, человек на данном этапе нередко достигает успеха в нетворкинге, благодаря «силе слабых связей».

Концепцию «силы слабых связей» отразил в своей статье американский социолог Марк Граннореттер. Согласно его мнению, наиболее полезными и выгодными в межличностном общении являются «слабые связи» (контакт людей, не имеющих глубокой привязанности, близких родственных отношений или устойчивых дружеских отношений) [9].

Результат, получаемый субъектом нетворкинга на уровне эффективности: развитие навыков общения, приобретение уверенности, нивелирование страха вступления в контакт, большой кластер новых поверхностных знакомств, успешное решение частных задач, понимание силы и важности нетворкинга для улучшения жизни.

2. Уровень стратегии

Для этой ступени характерно четкое понимание целей установления знакомства. Субъект нетворкинга четко понимает какие задачи ему необходимо решить и каких возможностей для их реализации ему не достает. Контакт, инициирующий взаимодействие, преследует конкретную цель получения выгоды (например, продвижение по службе) [7]. Поэтому индивид стремится к поиску и установлению связей, коррелирующих с его текущими целями и задачами.

Согласно теории британского антрополога и эволюционного психолога Робина Данбара, существует ограничение количества постоянных социальных связей, которые человек способен поддерживать в текущий момент времени. Данное количество, по разным оценкам колеблется от 100 до 230 человек [8]. За среднее значение принято 150 связей, получившее название «Число Данбара» [3][8].

Исходя из понимания ограничений на установление и поддержание бесконечного числа связей, индивид стремится к осознанной фильтрации имеющихся и новых контактов. Каждую ранее установленную либо новую социальную связь человек начинает рассматривать, исходя из своих целей и с позиции пользы для их достижения.

Данному этапу характерно прогнозирование своего будущего окружения, дальнейшего укрепления и развития отношений с выбранными контактами.

Результат, получаемый субъектом нетворкинга на

уровне стратегии: формулирование целей и понимание путей их достижения, определение людей, необходимых для реализации задуманного. Осваивается набор приемов коммуникации. Формируется разборчивость в связях, происходит сегментирование сети контактов, акцентирование усилий на наращивание тех отношений, которые необходимы для реализации целей. Человек рассматривает нетворкинг как один из эффективных инструментов достижения целей.

3. Уровень философии

Уровень философии характеризуется глубоким осознанием ценности человеческого общения и рассмотрение нетворкинга не только как эффективного способа достижения целей, но и как образа жизни. Индивидуум вырабатывает собственную методологию установления, поддержания, развития, укрепления и систематизации контактов. Он начинает относиться к нетворкингу, как одной из естественных и неотъемлемых сторон своей жизни, как к ценностной категории бытия.

На данном этапе продолжается планомерное укрепление и расширение сети, построенной на взаимопонимании и взаимопомощи. Формируется четкое представление о законах, принципах и механизмах социального взаимодействия с другими людьми. Укрепляется потребность и заинтересованность в достижении целей каждым участником сети. Создаются условия для создания синергетического общества, в котором все индивиды могут достичь высокого уровня развития [4].

Также данному уровню свойственна потребность, желание и готовность в распространении и популяризации идей нетворкинга.

Результат, получаемый субъектом нетворкинга на уровне философии: стабильная «работающая» нетворкинг-сеть, выстроенная система и методология установления, развития и систематизации контактов, достаточно легкий поиск нужного контакта для достижения целей как своих, так и своего окружения, высокий уровень взаим-

ной рекомендательности, помощи и поддержки, получение удовольствия от общения и процесса нетворкинга в целом.

Как показывают наши наблюдения, переход субъекта между уровнями не имеет четко определенного временного или качественного интервала и зависит от личностного осознания индивида, его ощущений и предпринимаемых действий. Вместе с тем, нами замечено, что, как правило, человек проходит последовательно от одного уровня к другому (от первого к третьему). При этом, допустимо, что человек, опираясь на индивидуальную начальную базу теоретических знаний о нетворкинге, личные психологические особенности и уровень развития, может миновать уровень эффективности, совершая развитие от уровня стратегии к уровню философии.

Фактов перехода от более высокого уровня нетворкинга к более низкому не выявлено. Вместе с тем, нами гипотетически допускается переход субъекта нетворкинга с уровня философии на уровень стратегии. Такой переход может произойти, например, при смене сферы деятельности, миграции, либо при возникновении разочарований, связанных с нетворкингом, изменений в системе ценностей индивидуума.

Вывод

Систематизация и структурирование научного знания о нетворкинге находятся на этапе становления. В представленном исследовании мы предложили дифференцировать процесс нетворкинга по уровням его проявления и развития. Привели характерные черты для каждого уровня, затрагивающие поведение, ментальную направленность и ценностные ориентировки индивида, субъекта нетворкинга. Представленная классификация позволяет структурировать нетворкинг как процесс, дает возможность расширить понятийный аппарат и систему знаний о нетворкинге, служит основой для продолжения теоретических разработок в сфере изучения нетворкинга, дальнейшего исследования поведения субъектов нетворкинга на различных этапах процесса межличностных коммуникаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин, А. Эффективный нетворкинг / Алексей Бабушкин. Эффективный нетворкинг. – Издательские решения, 2016. – 160 с.
2. Бабушкин, А. Три уровня нетворкинга // Нетворкинг по-русски. – № 3(6), 2018. – URL: <https://runetworking.ru/archive/6/tri-urovnya-netvorkinga/> (дата обращения 07.01.2023).
3. Данбар, Р. Лабиринт случайных связей / Robin Dunbar. How Many Friends Does One Person Need? Dunbar's number and other evolutionary quirks / Пер. Д. Могилевцев. – ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2012. – С. 28
4. Маслоу, А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2009. – 352 с.
5. Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит; Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – С. 276.
6. Резак, Д. Связи решают все: Бизнес-сказка о Царевне-лягушке / Дарси Резак при участии Джуди Томсон и Гейл Холгрэн-Резак; пер. с англ. А.В. Камеко. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. – С. 36.
7. Casciaro, Tiziana, et al. «The Contaminating Effects of Building Instrumental Ties: How Networking Can Make Us Feel Dirty». *Administrative Science Quarterly*, vol.

- 59, no. 4, 2014, p. 706. JSTOR. – URL: <http://www.jstor.org/stable/43186081> (дата обращения 06.01.2023).
8. Dunbar, R. Neocortex size as a constraint on group size in primates / *Journal of Human Evolution*, Volume 22, Issue 6, 1992, pp. 469–493, ISSN 0047-2484, – URL: [https://doi.org/10.1016/0047-2484\(92\)90081-J](https://doi.org/10.1016/0047-2484(92)90081-J) (дата обращения 07.01.2023).
 9. Granovetter, Mark S. «The Strength of Weak Ties». *American Journal of Sociology*, vol. 78, no. 6, 1973, pp. 1360–80. JSTOR. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2776392> (дата обращения 07.01.2023).
 10. Herminia Ibarra, Mark Lee Hunter / *How Leaders Create and Use Networks* / *Harvard business review*, January 2007
 11. Indeed Editorial Team. What Is Professional Networking? 30 November 2021. – URL: <https://uk.indeed.com/career-advice/career-development/professional-networking> (дата обращения 06.01.2023).
 12. Mele, Domenec «The Practice of Networking: An Ethical Approach». / *Journal of Business Ethics*, vol. 90, 2009, pp. 487–503. JSTOR. – URL: <http://www.jstor.org/stable/40863683> (дата обращения 06.01.2023).
 13. Misner, I. Which Is Better – Online Networking or In-Person Networking? / Dr. Ivan Misner. – URL: <https://ivanmisner.com/which-is-better-online-networking-or-in-person-networking/> (дата обращения 07.01.2023).

© Бабушкин Алексей Николаевич (al_bb@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский инновационный университет

ПРОЯВЛЕНИЕ КОГНИТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ПРИ ЗАПОМИНАНИИ И УЗНАВАНИИ ИНВЕРТИРОВАННЫХ СЛОВ

Банщиков Александр Витальевич

Ассистент, Санкт-Петербургский Государственный
Институт психологии и социальной работы, РФ,
г. Санкт-Петербург
alex.bansh00@gmail.com

MANIFESTATION OF COGNITIVE UNCONSCIOUSNESS IN REMEMBERING AND RECOGNIZING INVERTED WORDS

A. Banshchikov

Summary: This paper touches on a wide range of topics from cognitive psychology: the priming effect, anagram solving, implicit learning, and many others, but it all comes together under the overarching scientific category of the «cognitive unconscious. Since the nineteenth century, with enviable regularity, more and more new facts of the existence of the unconscious mind have been discovered. The scientific description of unconscious processes significantly distinguishes cognitive psychology from the mythological constructs of psychoanalysis. The present paper analyzes research into the logic of how the cognitive unconscious works and, on the basis of the theoretical positions formed, hypothesizes that our psyche is capable of solving simple anagrams-inversions. Thus, an attempt is made to record a new psychological phenomenon. It is assumed that the cognitive unconscious will meaningfully distinguish inverted words from a meaningless set of letters, which, nevertheless, are formed according to similar formal rules as inversions. Subjects (N=60) are sequentially presented with a series of stimuli consisting of 9 inverted words and 9 pseudo-words at high speed. Subjects are then asked to recognize previously demonstrated (relevant) stimuli, to which 18 distractor stimuli are added during the demonstration. The distractors are also pseudo-words, but were not previously presented. We expected that respondents would recognize inverted words more frequently and more quickly than other types of stimuli. The findings were statistically processed using the Friedman criterion and the T-Wilcoxon test. The final result was subjected to a Bonferroni correction to exclude the possibility of chance results (artifacts) due to multiple comparisons. It turned out that respondents were very successful in identifying relevant words, and, as we expected, inversions were recognized more frequently, albeit statistically insignificantly. However, a significant result was obtained when comparing the average recognition rate: inverted words were recognized significantly faster than pseudo-words. According to the Bonferroni correction, this result is not only statistically significant, but also reliable. Thus, it is concluded that the cognitive unconscious is probably, for reasons not yet clear, able to perceive words written in reverse order.

Keywords: cognitive psychology, psychology of consciousness, cognitive unconscious, consciousness, unconscious, experimental psychology.

Аннотация: Настоящая работа затрагивает широкий спектр тем из когнитивной психологии: прайминг-эффект, решение анаграмм, имплицитное научение и мн. др., но все это объединяется под обобщающей научной категорией «когнитивного бессознательного». С девятнадцатого столетия с завидной регулярностью обнаруживаются все новые и новые факты существования бессознательного ума. Научное описание бессознательных процессов значительно отличает когнитивную психологию от мифологической конструкции психоанализа. В настоящей работе анализируются исследования логики работы когнитивного бессознательного и на основе сформированных теоретических положений выдвигается гипотеза, что наша психика способна решать простые анаграммы-инверсии. Таким образом, предпринимается попытка зафиксировать новый психологический феномен. Предполагается, что когнитивное бессознательное будет значимо различать инвертированные слова от бессмысленного набора букв, которые, тем не менее, сформированы по аналогичным формальным правилам, что и инверсии. Испытуемым (N=60) на высокой скорости последовательно предъявляется ряд стимулов, состоящий из 9 инвертированных слов и 9 псевдо-слов. Затем испытуемым предлагается узнать ранее продемонстрированные (релевантные) стимулы, к которым во время демонстрации прибавляется 18 стимулов-дистракторов. Дистракторы также являются псевдо-словами, но ранее не предъявлялись. Мы ожидали, что респонденты будут узнавать инвертированные слова чаще и быстрее, нежели другие виды стимулов. Полученные данные были статистически обработаны при помощи критерия Фридмана и критерия Т-Уилкоксона. Конечный результат, ввиду проведенных множественных сравнений, был подвержен поправке Бонферрони, дабы исключить вероятность получения случайных результатов (артефактов). Выяснилось, что респонденты весьма успешно опознавали релевантные слова и, как мы и ожидали, слова-инверсии узнавались чаще, пускай статистически незначимо. Однако значимый результат был получен при сравнении средней скорости узнавания: инвертированные слова узнавали значимо быстрее, нежели псевдо-слова. Согласно поправке Бонферрони данный результат является не только статистически значимым, но и достоверным. Тем самым, делается вывод, что, вероятно, когнитивное бессознательное, по пока не ясным причинам, способно воспринимать слова, написанные в обратном порядке.

Ключевые слова: когнитивная психология, психология сознания, когнитивное бессознательное, сознание, бессознательное, экспериментальная психология.

Введение

Многие когнитивные процессы осваиваются человеком, вопреки позиции нативизма, прижизненно и значительную роль в формировании

правил, по которым будет работать когнитивная система, определяются воспитывающей нас культурой [11, 14, 19]. Как правило, в западноевропейской культуре принято читать слева направо. Понятно, что сознательно представители западноевропейской культуры читают

сообразно. Более того, процесс чтения настолько автоматизирован, что обработка написанного текста происходит даже тогда, когда предъявляют его подпорогово [17, 18]. Однако будет ли обрабатываться семантическая информация, написанная атипичным для западноевропейской культуры способом, а именно – справа налево?

Проверку на бессознательное чтение справа налево провел В.М. Аллахвердов совместно с Л.Е. Осиповым [2]. Испытуемые «как можно скорее» зачитывают список слов, которые при обратном прочтении образуют другое осмысленное слово (топор-ропот, ворон-норов, скелет-телекс, оселок-колесо). Данный тип стимула можно назвать многозначным, и экспериментальная задача состоит в том, чтобы узнать, считывается ли бессознательным оба значения, или только одно – написанное типичным для нашей культуры образом.

Стимулы зачитывались 25 раз в произвольном порядке. Каждый испытуемый выполнял контрольную пробу – аналогичное задание, но со словами, которые в обратном прочтении ничего осмысленного не дают. В результате каждый из контрольных списков читался значимо быстрее, чем экспериментальный. Значит сознание считывает второе значение стимула, но приняв решение его не осознавать, в последующем тормозит его сознательное прочтение. Обнаруженное торможение связывают с эффектом последствия негативного выбора – то, что единожды было неосознанно, имеет тенденцию неосознаваться в дальнейшем.

Приведем несколько примеров эффекта последствия негативного выбора, когда сознание сталкивается с многозначным стимулом: Н.В. Морошкина и Е.И. Павлючик обнаружили, что при решении шестибуквенных круговых анаграмм, где была пропущена одна буква, если демонстрируемые буквы легко образуют слово, то это тормозит решение основной задачи [10]. Тормозящее влияние семантической составляющей также обнаружил Д. Козлов: для решения пятибуквенных анаграмм, внутри которых были «спрятаны» слова (последовательность из трех букв внутри анаграммы образовывала осмысленное слово), требовалось значимо больше времени [16]. Получается, что ранее обнаруженная семантическая составляющая препятствует осознанию прочих вариантов. А.П. Крюкова с коллегами утверждают, что «при восприятии семантически неопределенного стимула актуализируются сразу все значения, но в разной степени, что отражается на дальнейшей когнитивной активности» [7, с. 160]. Иными словами, бессознательное считывается сразу все возможные значения, но единовременно осознается только одно.

Получается, что когнитивный механизм специально тормозит или игнорирует конкурирующие между собой интерпретации, дабы сформировать устойчивое воспри-

ятие. Нечто аналогичное мы находим у В. Рамачандрана, относительно предметных действий: «Ваша левая нижняя теменная доля постоянно вызывает яркие образы бесчисленных возможных действий, которые доступны в каком-либо контексте, а ваша лобная кора подавляет их все, кроме одного» [12, с. 148]. Возникает вопрос: как лобная кора понимает, какие из множества импульсов нижней теменной доли стоит подавлять, а какие стоит реализовывать? Переводя на язык психологии этот же вопрос будет звучать так: на основании чего делается изначальный выбор, какую часть реальности осознавать, а какую игнорировать? Очевидно, в силу вступают еще неизвестные нам законы сознания.

То, что бессознательное все-таки читает справа налево, интуитивно догадывались деятели культуры. Ведь неслучайно поэты пишут стихи-перевертыши (палиндромы). Фетовское «А роза упала на лапу Азора» является, пожалуй, самым известным примером. Поэт В. Хлебников первый, кто палиндромом написал целую поэму – «Разин» (1920). Действительно: если палиндромы никто не читает, то зачем их писать? Значит мастера слова не сомневались в столь удивительной способности нашего бессознательного. Примечательно, что деятели искусства не редко интуитивно понимают еще неизвестные науки принципы. Известно, что активность зрительного восприятия раньше прочих поняли люди, наиболее часто и тонко своим восприятием пользующиеся – художники (П. Гоген, В. Ван Гог и др.) [6].

Палиндром представляет собой своеобразную игру, загадку, решая которую бессознательное вознаграждает читателя эмоциональным всплеском. По крайней мере, так психологика объявляет тайну эмоционального воздействия художественных произведений [3].

Методы

Цель: экспериментальное подтверждение возможности бессознательного чтения инвертированных слов.

Объект: частота и время узнавания инвертированных слов.

Предмет: проявление когнитивного бессознательного запоминания и узнавания инвертированных слов.

Гипотеза: когнитивное бессознательное значимо различает инвертированные слова от бессмысленного набора букв, а именно:

- а) инвертированные слова будут чаще узнаваться, по сравнению с бессмысленными наборами букв;
- б) инвертированные слова будут быстрее узнаваться, по сравнению с бессмысленными наборами букв.

В соответствии с обозначенными гипотезами были

выбраны зависимые переменные: а) частота узнаваний семантически нагруженных стимулов (инвертированных слов); б) скорость реакции (принятия решения) на узнавание инвертированных слов. Независимыми переменными являются типы стимулов: бессмысленные наборы букв и инвертированные слова.

Стимульный материал

В качестве стимульного материала были выбраны инвертированные слова, т.е. слова, написанные в обратном порядке (привет – тевирт).

Стимульный материал строился на основе частотных слов русского языка [9]. Автором была проведена независимая проверка и отсеивание тех стимулов, которые в своем инвертированном виде напоминали существующие слова. Например, инверсия слова «закон» - ноказ, напоминает существующее слово «наказ», инверсия слова «номер» - ремон, напоминает существующее слово «ремонт». Известно, что слова с отсутствующей буквой или с одной лишней, с высокой долей вероятности будут считываться как нормальное слово [13]. Были отсеяны стимулы, которые в инвертированном виде образуют нетипичные для русского языка фонемы, как например, слово «музей» в инвертированном виде образует нечитабельное «йезум». В итоге, в качестве целевых стимулов, подвергшиеся инверсии было выбрано 9 существительных.

18 стимулов-дистракторов как и бессмысленные сочетания букв, коих 9, создавались на основе отобранных ранее частотных слов в соответствии со следующими правилами: 5 букв, 2 слога, согласная всегда заглавная, буквы в слове не повторяются.

Экспериментальная процедура

Эксперимент был разработан на платформе React-JavaScript. Веб-приложение с экспериментом находится в общем доступе в сети Интернет.

Эксперимент состоит из двух этапов:

1. Задание на узнавание;
2. Проверка на осознанность стимулов.

Задание на узнавание

Испытуемым предлагается запомнить предъявленные буквенные ряды. Стимульный материал демонстрируется один раз, друг за другом, в критическом временном диапазоне (180-450 мс.). Время предъявления каждого отдельного стимула – 380 мс. Между стимулами на 16 мс. предъявляется маска (серый квадрат) и на 16 мс. пустой экран, дабы стимулы не накладывались друг на друга.

Затем испытуемым последовательно демонстрируются 36 одиночных стимулов, среди которых есть как

релевантные стимулы, так и дистракторы. Дистракторами являлись бессмысленные сочетания букв, которые не были ранее предъявлены испытуемым.

Испытуемым предлагается выбрать, видели ли они ранее предъявленный стимул. Ответу «видел ранее» соответствует левая стрелка клавиатуры; ответу «не видел ранее» соответствует правая стрелка клавиатуры.

Время принятия решения не ограничено, однако в инструкции указывается, что выполнять задание нужно «как можно скорее».

На данном этапе мы разделили выборку на три группы, различающиеся порядком предъявления стимульного материала, относительно которого необходимо будет принять решение о том, был ли демонстрируемый стимул предъявлен ранее. Были сформированы 3 квазирандомных последовательности стимульного материала. Тем самым мы нивелируем фактор случайности и контролируем влияние порядка предъявления стимулов (контрбалансировка).

Проверка на осознанность стимулов

После прохождения экспериментального задания испытуемым сообщается что среди демонстрируемых стимулов были зашифрованы слова и спрашивается, заметили ли они это. Если испытуемый отвечает «нет», то эксперимент заканчивается. Если испытуемый отвечает «да», то его просят ввести те слова, что были зашифрованы.

Выборка

В исследовании приняло участие 60 человек в возрастном диапазоне от 18 до 46 лет (средний возраст 28,5). Из них 22 мужчины, 35 женщин и 3 не указали свой пол. Все участники имели нормальное или скорректированное до нормального зрение и являлись носителями русского языка.

Каждый испытуемый был ознакомлен с информированным согласием и дал свое добровольное согласие на участие в исследовании с последующей обработкой данных.

Результаты

Как показало использование критерия Колмогорова-Смирнова на данных по всем этапам, распределение результатов получились ненормальное ($p < 0,05$).

Результаты задания на узнавание

На данном этапе оценивалась не только частота опознания инвертированных слов, но и время принятия решения об узнавании. Также на данном этапе экспери-

мента использовалась стимулы-дистракторы, ответы по которым тоже фиксировались.

Результаты по критерию Фридмана дают нам основания при дальнейшем анализе данных использовать критерий Т-Уилкоксона, подходящий для анализа связанных выборок.

Критерий Т-Уилкоксона не обнаружил значимых различий в частоте узнавания инвертированных слов и бессмысленных наборов букв ($p=0,527$). Зато дистракторы «узнавали» (т.е. совершали ошибку) значительно меньше ($p=0,000$).

Обе группы стимулов опознавались с достаточно высокой долей успешности: инвертированные слова успешно узнавались в 85% случаев, а бессмысленные буквенные ряды в 81,7% случаев (см. Рис 1). Несмотря на то, что инвертированные слова опознавались несколько чаще, получившиеся различия оказались статистически

незначимы. Дистракторы ошибочно опознавались всего лишь в 8,4% случаев. Как видно из Рисунка 1, испытуемые не узнали примерно 20% релевантных стимулов, однако приведенная диаграмма отлично демонстрирует пренебрежение нашими испытуемыми стимулов-дистракторов.

Дабы не вводить читателя в заблуждение кажущейся значимой разницей в 3,3% между инверсиями и бессмысленными рядами букв, на Рисунке 2 мы взяли за 100% «общее количество узнаваний», дабы лучше соотнести данные друг с другом (см. Рис. 2). Таким образом, разница в узнавании двух типов стимулов всего в 1%.

Анализ результатов времени узнавания целевого стимула дали значимый результат. Согласно критерию Т-Уилкоксона наблюдаются значимые различия по времени узнавания среди инвертированных слов и бессмысленных буквенных рядов: $p=0,012$. Различия между скоростью опознания инвертированных слов и дистрак-

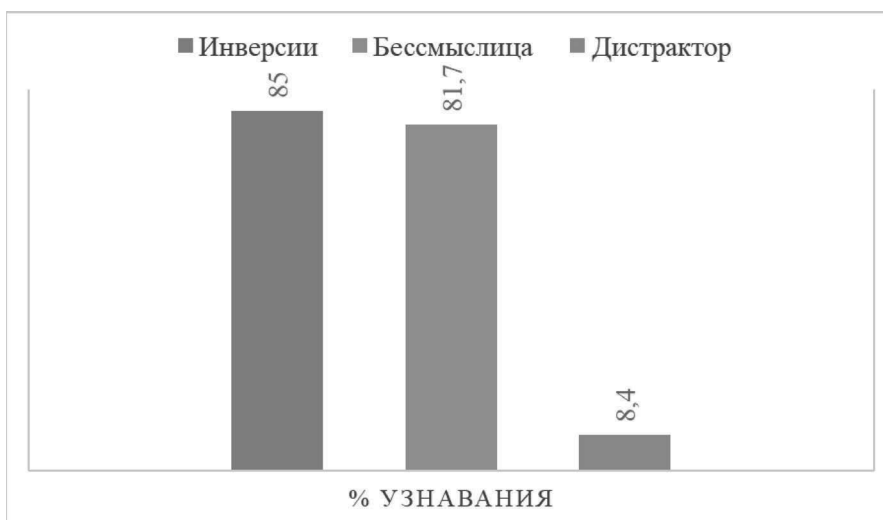

Рис. 1. Процент узнавания стимульного материала

Рис. 2. Процент узнавания стимульного материала (всего)

торов и того больше: по критерию Т-Уилкоксона $p=0,000$.

Мы полагаем, что такая разница обусловлена не только типом стимула, но и валидностью ответа, ведь опознание дистрактора является ошибкой. В среднем, у испытуемых уходило на узнавание инвертированного слова 1,18 с, в то время как на опознание бессмысленных буквенных рядов нужно было около 1,27 с (см. Табл. 1). Согласно математическому анализу, эта разница в 110 мс является значимой. Тем самым наша вторая гипотеза подтвердилась.

Таблица 1.

Средняя скорость принятия решения об опознании стимула.

Переменная	Среднее значение (с)
Время принятия решения о том, что инвертированное слово было ранее предъявлено (верно)	1,18
Время принятия решения о том, что инвертированное слово НЕ было ранее предъявлено (ошибка)	1,35
Время принятия решения о том, что бессмысленный набор букв был ранее предъявлен (верно)	1,27
Время принятия решения о том, что бессмысленный набор букв НЕ был ранее предъявлен (ошибка)	1,24
Время принятия решения о том, что стимул-дистрактор был ранее предъявлен (ошибка)	1,60
Время принятия решения о том, что стимул-дистрактор НЕ был ранее предъявлен (верно)	1,34

По приведенным выше таблицам видно, что психика (когнитивное бессознательное) значимо различает не только тип ответа, но и его валидность. Это видно по средней скорости принятия решений, приведенных в Таблице 1 – ошибки совершаются медленнее. Это справедливо для инвертированных слов и дистракторов, а единственным исключением является релевантные бессмысленные наборы букв. Проведенный анализ по критерию Т-Уилкоксона показал, что обнаруженное различие у инвертированных слов и дистракторов является значимым.

Однако ситуация преобразуется, если проанализировать полученные данные несколько глубже. Получившиеся в данные были подвергнуты множественным попарным сравнениям, что повышает вероятность допущения ошибки первого рода – принятия ошибочной гипотезы при анализе данных, «ложная тревога». Данный эффект называется эффектом множественных сравнений (англ. multiple comparisons). Дабы избавиться от случайных результатов получившийся результат был подвергнут поправке Бонферрони. Выяснилось, что обнаруженная реакция на валидность ответа является артефактом, т.е. более высокая средняя скорость принятия

верных ответов, судя по всему, является случайным результатом. Зато когнитивное бессознательное, согласно проведенной поправке, достоверно различает инвертированные слова и бессмысленные наборы букв, что согласуется с нашей гипотезой.

Тем не менее мы полагаем, что на получившиеся результаты, а именно на их артефактность, существенно повлиял как дизайн исследования, так и применяемый математический аппарат. Мы постараемся учесть и исправить это в будущих работах.

Результаты проверки осознанность стимулов

На данном этапе исследования испытуемым сообщалось, что среди предъявленных стимулов были инвертированные слова, и спрашивалось, заметили ли они это. Не более 4% испытуемых ответили, что заметили среди стимулов зашифрованные слова, но только половина из них смогла правильно воспроизвести целевое слово, т.е. обратно инвертированное слово.

Таким образом получается, что для 98% испытуемых узнавание инвертированных слов было обусловлено бессознательными процессами.

Обсуждение результатов

В заглавии нашего исследования использовано понятие «запоминание», что отсылает к области психологии памяти. В то время как некоторые психологи утверждают, что объемы человеческой памяти ограничены (например, «магическое» число Миллера), другие уверяют, что человек помнит всю поступающую к нему информацию, включая время ее поступления. У. Уикелгрин, полагая неправомерным деление памяти на «кратковременную» и «долговременную» формулирует теорию «единого следа», согласно которой «в памяти существует единственный след, прочность которого меняется под влиянием интерференции со стороны вновь приобретаемого материала и фактора времени» [цит. по 5, с. 106]. А.Н. Леонтьев пишет: «А бывает ли исчезновение хранимых следов? <...> А может быть, никогда не бывает? ...дело в том, что меняется возможность воспроизведения, а след существует независимо. Раз он обрвался, то он существует. Это необратимый процесс – следообразование. Припоминание – вот где проблема стоит» [8, с. 277]. То, что мнемический след объективно существует, а нарушается лишь доступ к этой информации давно и хорошо известно из неврологии: «...бесспорно установлено, что пациенты с амнезией могут демонстрировать сохранную имплицитную память о предъявленной ранее информации» [15, с. 148].

Иначе к делу подходит психологика, переводя мнемические процессы на логику работы сознания. В дан-

ном подходе речь будет идти не о «припоминании», а об «осознавании», заранее предполагая, что вся поступившая ранее информация в сознании (или в мозге?) хранится в полном объеме. Бессмысленно ставить вопрос, запомнили наши испытуемые продемонстрированные стимулы, ведь «создание “следов памяти” — полностью автоматический физико-химический процесс. Человек не может сознательно управлять процессом запечатления, поэтому он и запечатлевает всё подряд» [4, с. 380]. Последующее воспроизведение зависит от того, как работало и работало ли вообще сознание с полученной информацией.

Применительно к нашему эксперименту это выглядит следующим образом: если когнитивное бессознательное не отличает инвертированные слова от бессмысленного набора букв – то значимых различий в воспроизведении двух типов стимулов не будет. Если же с инвертированным словом была произведена бессознательная работа по дешифровке и последующее считывание смысла, то они воспроизводиться должны с большей частотой и/или скоростью. Во-первых, из-за того, что для актуализации в сознании объекта, необходимо производить с ним работу (неизменная информация из сознания исчезает). Во-вторых, потому что запомнить и воспроизвести ряд осмысленных слов существенно легче, чем бессмысленную «абракадабру».

И действительно, инвертированные слова узнаются значимо быстрее, несмотря на то, что все стимулы были сформулированы по одним правилам и предъявлялись на одинаковое время. Значит, обнаруженная разница должна объясняться разницей между стимулами – имплицитной семантической составляющей. А значит, инвертированное слово таки было дешифровано, пусть и бессознательно, иначе откуда этой «семантической составляющей» взяться? Как метко заметил А.Ю. Агафонов: «...эффективность запоминания – глубина того смыслообразования, которое формируется в ходе запоминания» [1, с. 91].

Инвертированные слова для своего запоминания (осмысления) требуют помимо их непосредственного восприятия, осознания семантического (пусть и скрытого) содержания, выбора способа дешифровки и применения этого способа. В то время как для запоминания бессмысленного набора букв требуются более сложные

операции: непосредственно восприятие, осознания стимула как бессмысленного, придумать к этому стимулу ассоциацию, изменить стимул так, чтобы он этой ассоциации соответствовал, затем, при узнавании, сперва вспомнить ассоциацию и из нее воссоздать изначальный стимул. Вероятно, этим и обусловлена обнаруженная временная разница между узнаванием этих типов стимулов. Однако возникает весьма закономерный вопрос: как бессознательное узнает, что в данном случае необходимо именно обратное прочтение слова? Выглядит так, словно все необходимые когнитивные механизмы заданы наперед и не требуют времени для отбора. Таким образом формируется еще одна проблема: как бессознательное выбирает способы работы с информацией?

Выводы

Мы предположили, что в задании на узнавание инвертированные слова будут значимо чаще узнаваться, нежели бессмысленные наборы. К нашему удивлению, несмотря на то, что инверсии узнаются несколько чаще, обнаруженное различие является статистически незначимым – оба типа стимула узнаются практически одинаково успешно.

Подтвердилась гипотеза о наличии значимых различий в скорости узнавания инвертированных слов. В данном случае, использовался базовый и наиболее простой способ зашумления целевого слова-стимула – обратное написание (инвертирование). Согласно результатам исследования, испытуемые бессознательно считывали целевое слово, что сказывалось на скорости узнавания стимула на втором этапе эксперимента – инвертированное слово узнается значимо быстрее, в сравнение с другими типами стимулов.

Дизайн проведенного исследования позволяет сделать вывод о том, что когнитивное бессознательное читает слова атипичным для нашей культуры способом – справа налево. Возникает вопрос относительно когнитивных механизмов, обеспечивающих процесс чтения, ставит межкультурную и межэтническую проблематику. Если расширить вопрос – то речь может идти о семантических порогах восприятия или о семантической группировке поступающей информации. Данное направление исследования кажется нам многообещающим и перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А.Ю., Волчек Е.Е. Психология мнемических явлений: Учебное пособие. — Самара: Универс-групп, 2005 – 120 с.
2. Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции) Изд-во “Печатный двор” СПб, 1993 – 325 с.
3. Аллахвердов В.М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. - СПб.: Изд-во ДНК, 2001. - 200 с.
4. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. (Экспериментальная психологика, т. 1) — СПб: «Издательство ДНК», 2000. — 528 с.

5. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. 336 с.
6. Зинченко В.П. Восприятие и визуальная культура / Сост. Н.Д. Гордеева, науч. ред. А.И. Назаров, Т.Г. Щедрина. – М.: СПб.: ЦГИ Принт, 2017. – 599 с.
7. Крюкова А.П., Агафонов А.Ю., Козлов Д.Д., Шилов Ю.Е. Эффект асимметрии семантической активации при неосознаваемом понимании многозначной лексики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 158 – 163. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-158-163
8. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии: Учеб. пособие для вузов по спец. «Психология»/ Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2000. – 509 с.
9. Ляшевская О.Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009 URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 05.03.2022)
10. Морошкина Н.В., Павлючик Е.И. Вызывает ли преодоление фиксированности при решении анаграмм последующее забывание фиксирующих слов? // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 23–24 июня 2021. Под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман, А.Я. Койфман. – М.: ООО «Буки Веди», ИППиП. 2021 г. С. 302–306
11. Нисбетт Р. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания / Р. Нисбетт, К. Пенг, И. Чой, А. Норензян; пер. с англ. М.С. Жамкочьян; под ред. В.С. Магуна. — Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2011. — 68 с.
12. Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми / пер. с англ. Е. Чепель; под науч. ред. к. психол. н. К. Шипковой. М.: Карьера Пресс, 2017.- 422 с.
13. Фаликман М.В. Динамика внимания в условиях быстрого последовательного предъявления зрительных стимулов: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / МГУ им. М. В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. - Москва, 2001. - 30 с.
14. Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4—18
15. Шахтер Д. ИмPLICITное знание: новые перспективы изучения неосознаваемых процессов // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия; пер. с англ. Под ред. М. Фаликман и В. Спиридонова. – М.: Ломоносовъ, 2011. С. 146-155
16. Kozlov D., Petseva O. Chunk Decomposition in Anagram Solving Tasks // The Russian Journal of Cognitive Science, 2019, vol. 6(3), pp. 14–22
17. Marcel A.J. Conscious and unconscious perception: an approach to relation between phenomenal experience and perceptual processes // Cognitive Psychology, 1983. V. 15 P.197–237
18. Marcel A.J. Selective effects of prior context on perception // Anticipation and behavior / Ed. J. Requin. 1980. P. 412-430
19. Polk T.A., Farah M.J. The neural development and organization of letter recognition: Evidence from functional neuroimaging, computational modeling, and behavioral studies // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 1998. – Т. 95. – №. 3. – P. 847-852.

© Банщикова Александр Витальевич (alex.bansh00@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский Государственный Институт психологии
и социальной работы

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ НА ПАРАМЕТРЫ ТРЕМОРА УСИЛИЯ В ПРОЦЕССЕ «ШТАТИВНОГО ХВАТА» ПЕРА

INFLUENCE OF EMOTIONAL TENSION ON THE PARAMETERS OF EFFORT TREMOR DURING "DYNAMIC TRIPOD GRIP" OF THE PEN

A. Belinsky
V. Devishvili
A. Chernorizov
M. Lobin

Summary: Background. Assessment of emotional tension through physiological factors can be instrumental in improving academic performance. Usage of tremor as an indicator of emotional tension is a promising technique and requires further research.

Objective. To investigate the presence of connection between emotional tension and tensotremorogram characteristics in the frequency range of 8-16 Hz with the tripod handle grip.

Design. A sample of 50 healthy subjects performed force contraction at 10% of maximum voluntary contraction [MVC] with feedback, under tripod grip pen conditions. During the experiment, emotionally significant images from the COMPASS database and sound stimuli exceeding the comfort level were presented. Data analysis was performed using a mathematical method of data fragmentation, while Epps-Singleton statistic was used to confirm the presence of changes in tremor.

Results. The result of the experiment demonstrated an increase in tremor amplitude when presented with sound, negative and positive stimulation compared to a neutral stimulus and without it. These findings are consistent with previous studies under isometric contraction conditions, which presented relationships of strength changes depending on emotional tension

Conclusion. The problem of defining emotional tension within affective science has been highlighted and a specific definition has been proposed for the present study. By changing the condition of compression of these sensors with the staff grip of a given force, we can conclude about the relatively similar effect of emotionally significant stimuli on the parameters of tensotremorometry. The practical usages of the application of the present technique are highlighted.

Keywords: physiological tremor, tensotremorometry, maximal voluntary contraction [MVC], emotional tension.

Белинский Артем Викторович

аспирант, Московский Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова
v10046321@yandex.ru

Девишвили Важа Михайлович

кандидат биологических наук, доцент, Московский
Государственный Университет имени М.В. Ломоносова
vmdev@mail.ru

Черноризов Александр Михайлович

доктор психологических наук, профессор, Московский
Государственный Университет имени М.В. Ломоносова
amchern53@mail.ru

Лобин Михаил Александрович

старший разработчик, ООО «ПГК ДИДЖИТАЛ»
m.lobin@list.ru

Аннотация: Актуальность темы. Изучение тремора как показателя эмоционального напряжения является перспективной методикой, требующей дальнейших исследований. Оценка психоэмоционального напряжения по физиологическим показателям позволит улучшить качество обучения школьников и студентов.

Цель. Выявить наличие связи между эмоциональным напряжением и характеристиками тензотреморограммы в частотном диапазоне 8-16 Гц в условии штативного захвата ручки.

Описание хода исследования. Выборка 50 здоровых испытуемых, которые выполняли силовое сокращение в значении 10% от максимального произвольного сокращения [МПС] с обратной связью, в условиях штативного захвата ручки. В ходе эксперимента предъявлялись эмоционально значимые изображения из базы COMPASS и звуковые стимулы, превышающие уровень комфорта. Анализ данных приводился с помощью метода скользящего окна и использованием статистики Эппса-Синглтона для подтверждения наличия изменений в треморе.

Результат исследования. Результат эксперимента продемонстрировал увеличение амплитуды тремора при предъявлении звуковой, негативной и позитивной стимуляцией по сравнению с нейтральным стимулом и без него. Эти данные согласуются с предыдущими исследованиями в условиях изометрического сокращения, в которых было представлены связи изменения силы в зависимости от эмоционального напряжения.

Заключение. Предложено рабочее определение эмоционального напряжения в рамках аффективной науки и разработана практическая методика его оценки. С учетом изменения условия сжатия тензодатчиков штативным хватом заданного усилия можно сделать вывод об относительно схожем воздействии эмоционально значимых стимулов на параметры тензотреморометрии. Выделены способы практического применения настоящей методики.

Ключевые слова: физиологический тремор, тензотреморометрия, максимальное произвольное сокращение [МПС], эмоциональное напряжение.

Введение

Изучение эмоций, настроения и аффекта представляет значительный научный и практический интерес. Данная область имеет множество конструктов

с альтернативными теориями для каждого конструкта. Среди таких конструктов, описывающих активирующие свойства аффекта, выступают: эмоциональное напряжение, эмоциональный стресс, возбуждение, и так далее. Поэтому для исследователей в области аффективной

психологии необходимо определять верное толкование того конструкта на которое направлено исследование.

Кульба С.Н. в диссертационной работе указывает на то, что эмоциональное напряжение может рассматриваться как функциональное состояние, если рассматривать шкалу бодрости, либо как системную реакцию организма в случае прослеживания динамики конкретного физиологического показателя [7]. Описание этих характеристик не подводит нас к тому, чтобы дать точное определение.

В то же время нервно-эмоционального напряжения ряд авторов описывают в категориях физиологических маркеров «первым проявлением и ведущим объективным признаком нервно-эмоционального напряжения является экстренное выделение и повышение уровня катехоламинов [адреналина, норадреналина] в крови» [2]с. 2].

Многие авторы акцентируют внимание на том, что эмоциональное напряжение сводится к определению эмоционального стресса [12][6][4]. Понятие эмоционального стресса претерпело ряд качественных изменений с развитием данной области исследования. В современных научных трудах устоялось достаточно строгое определение эмоционального стресса как первичной эмоциональной реакции индивида, сопровождающейся выраженными неспецифическими изменениями биохимических, электрофизиологических и других коррелятов стресса в целом [[11] [14] [31]. Здесь необходимо отметить, что феномен эмоционального стресса обычно рассматривается как дезадаптивная и в негативном контексте [3] [12], [37], [55]].

Понятие об эмоциональном стрессе, несомненно, играет значительную роль в определении эмоционального напряжения, но между ними нельзя поставить знак равенства. Понятие эмоционального напряжения даже самой формулировкой ставит на первое место в генезе состояния напряжения эмоциональные процессы, а вовсе не физиологические.

Об этом свидетельствуют данные, которые проводят в сравнении физиологических характеристик и субъективных оценок состояний испытуемых. Так в исследовании содержания кортизола в крови, как маркера стресса, и субъективных оценок воспринимаемого эмоционального стресса были обнаружены корреляционные связи примерно в 25% случаев [20].

Рассматривая эмоциональные теории, которые имеют нейрофизиологическое подтверждение и включают фактор возбуждения, можно видеть, что они разделяются на теории дискретных категорий и теории измерений. [46].

Теории дискретных категорий предполагают наличие

отдельных универсальных эмоций [27], в то время как теории измерений эмоций концептуализируют аффекты как представление, по крайней мере, двух независимых измерений [то есть возбуждения и валентности], которые охватывают аффективное пространство как ортогональные проявления [45]. Под аффектами в данном случае понимается «нейрофизиологическое состояние, сознательно доступное как простое примитивное нерелективное чувство, наиболее очевидное в настроении и эмоциях, но всегда доступное сознанию» [26] с. 322].

С физиологической точки зрения это оправдано, так как по исследованиям структур головного мозга получены результаты о том, что возбуждение и валентность обрабатываются отдельными нейронными цепями корковых и подкорковых областей независимо от сенсорной модальности [19]. Концепция возбуждения близка концепции эмоционального напряжения, здесь необходимо обратить внимание на работу Р. Тайера [51], где автор разделяет возбуждение на два отдельных вида. Первый вид, это энергетическое возбуждение, которое понимается как общее функциональное возбуждение всего организма [в этот психофизиологический сдвиг вовлечена его ретикулярная активирующая система ствола мозга с ее прямыми проекционными областями - возбуждающая система мозга] [39][8]. Вторым видом возбуждения, выделяемым Тайером, является напряженное возбуждение, которое понимается как непосредственно эмоциональное. Напряженное возбуждение можно определить по ощущениям, которые варьируются от напряжения и тревоги до состояния спокойствия и тишины.

Сходную 3-х мерную структуру эмоционального состояния на русскоязычной выборке предложил Д.В. Люсин. В результате изучения и анализа были выделены следующие 3 составляющие эмоционального состояния: «Отрицательные эмоции с низкой активацией», «Положительные эмоции с высокой активацией» и «Напряжение» [9]. Примечательно то, что по итогу возбуждения как фактор активности, схожим образом с моделью Тайера, разделится на активацию и напряжение который по предположению отражает «психическое напряжение в чистом виде, независимое от валентности».

Таким образом, при обсуждении процесса возбуждения как концепции неоднократно высказывается разными авторами идея о необходимости разделять возбуждение энергетическое, связанное с генерализированной активацией организма и возбуждение напряженное связанное с эмоциональными состояниями. Возбуждение в чистом виде не может быть смоделировано в лабораторных условиях и определяется через совокупность факторов аффекта согласно выбранной модели [41].

Несмотря на большое число различных теорий стресса, возбуждения и эмоций, при изучении их вли-

яния на характер произвольных движений в рамках данной работы отмечается близость наших позиций к 3-х мерной модели эмоциональных состояний Люсина [9]. В связи с этим, мы придерживаемся мнения о том, что под эмоциональным напряжением понимается **фактор аффекта, обуславливающий активизирующую или дезактивизирующую функцию эмоциональной реакции на предъявленное условие [стимул]**.

В ряде работ по изучению связи эмоционального напряжения с параметрами произвольных движений в виде тремора были отмечены существенные различия в получаемых результатах в зависимости от используемых методов, методик, процедур и других факторов, влияющих на результаты эксперимента. Определённый научный интерес представляют результаты, полученные с помощью метода акселерометрии показывающие значимое увеличение амплитуды на частоте физиологического тремора в процессе предъявления эмоционально значимых стимулов [10] [1] ситуаций вызывающих стрессовую реакцию [5] [34] [36], а также при исследовании людей с тревожностью [21]. Так же зарегистрированы случаи, где не нашли существенной разницы в амплитуде тремора [29].

Для данной группы исследований характерны отличия, которые состоят в том, что в результате «регистрируются колебания тела [проекция центра тяжести] при сохранении человеком вертикального положения, стоя и по итогу сложно отделить произвольные и произвольные управляющие воздействия со стороны центральной нервной системы на двигательный аппарат человека» [47], с.378]. Преимущество тензотреморометрии состоит в том, что данный метод может дать более полные данные об активности структур, поскольку активность в центральных отделах двигательной системы пропорциональна величине волевого усилия [15].

В результате исследования с помощью тензотреморометрии было показано увеличение силы сжатия и увеличения колебаний силы на частоте локального физиологического тремора в процессе предъявления эмоциональных изображений [40] и стрессовых воздействий [22], [23]. В ряде исследований так же не обнаружили существенной разницы в группе здоровых испытуемых [18]. В отличии от изометрических условий эксперимента достоверно неизвестно при подключении дополнительных групп мышц в процессе удержания пишущего предмета будет ли вызывать сходные эмоциональные реакции на значимые стимулы [25]

В рамках системы образования, стресс также играет значительную роль. Он влияет на процесс обучения и ухудшает скорость и качество обучения студентов [43]. Этот феномен известен достаточно давно, и существует некоторый корпус работ относительно определения

уровня стресса у обучающихся [44] [49], однако попыток включить измерение уровня стресса или психоэмоционального напряжения непосредственно в процесс офлайн-обучения не предпринималось.

Таким образом, изучение уровня стресса в процессе письма представляется весьма интересной задачей в рамках процесса обучения, поскольку использование этой информации может в дальнейшем позволить оптимизировать процесс обучения. Данная работа исследует перспективы использования тензотреморометрии в процессе письма как методики определения уровня стресса.

Целью данной работы является определение связи эмоционального напряжения и параметров тензотреморометрии в частотном диапазоне 8-16 Герц в условиях штативного захвата ручки.

Гипотеза исследования – Высокое эмоциональное напряжение может быть связано со значимыми изменениями частотно-амплитудных характеристик тензотреморограммы в процессе штативного удержания пера.

Выборка. В исследовании принимало участие 50 человек [28 мужчин и 22 женщины, средний возраст = 23 +/- 2.4 года].

Описание хода исследования

Испытуемым необходимо было взять ручку, на корпусе которой встроены тензодатчики в местах контактных точек для динамичного «штативного» удержания. Динамический штативный хват — это удержание письменных принадлежностей, упирающихся в средний палец, в то время как большой и указательный пальцы контролируют карандаш, ручку, маркер или мелок. Существует множество других функциональных способов захвата письменных принадлежностей, но динамический штативный хват традиционно считается предпочтительным для скорости, контроля и формы письма [Donica, Massengill, Gooden, 2018]. Испытуемые находились в положении сидя, рука опиралась предплечьем и кистью на подставку, держа ручку наконечником, направленным к столу, и фиксировалась [рис. 1]. Перед испытуемыми на расстоянии 30 см от глаз располагался монитор с обратной связью [рис. 2]. В качестве обратной связи испытуемым демонстрировался график силы сжатия, где по оси X было отмечено время, по оси Y - сила сжатия на тензодатчик, находящийся под большим пальцем. Ось Y имела разметку от 0 до 22000, где отметка 10000 характеризует 10% максимального произвольного сокращения. Испытуемые получили инструкцию поддерживать линию графика силы сжатия на уровне 10000, для чего на графике была отмечена горизонтальной линией линия необходимого усилия. В ходе данного этапа проверялась гипотеза

о сохранении различий в треморограммах в покое и в эмоциональном напряжении при изменении условия удержания и сжатия тензодатчиков «штативным хватом»

Рис. 1. Удержание заданного усилия с помощью тензодатчика встроенного в ручку штативным хватом

Инструкция

Испытуемые получили следующие указания: «Вам необходимо поддерживать заданный уровень усилия [10000], указанный горизонтальной линией на мониторе, большим пальцем нажимая на тензодатчик на корпусе ручки до конца линии. В случайный момент времени

вам может быть предъявлен стимул в виде изображения или звука. Старайтесь поддерживать заданный уровень усилия на протяжении всего испытания. Перед основной сессией экспериментов испытуемые получили возможность потренироваться, проходя это же задание без стимула три раза. Отдых между стимулами был 5 секунд.

Всего для данного этапа было отобрано 15 изображений, 5 звуковых стимулов, 5 аудиофайлов без стимула. Этот экспериментальный этап длился на протяжении 14,5 минут.

Методы

Измерение максимального произвольного сокращения [МПС]

В иностранной литературе максимальное произвольное сокращение [МПС] понимается как maximum voluntary contraction [MVC] и обозначает максимально примененную силу, которая конвертируются в процентное значение для усреднения по силовым характеристикам всех испытуемых. [52] [53][42]

Испытуемые получили указания захватить и максимально сжать 3 тензодатчика расположенных на корпусе ручки, которые соответствуют указательному, большому и среднему пальцу и сжать «как можно сильнее» в течение трех последовательных испытаний по 6 секунд. Сила, приложенная к каждому тензодатчику со стороны большого пальца, суммировалась в цифровом виде в каждом интервале выборки, и вычислялось среднее значение десяти наибольших образцов силы в каждом испытании. Среднее значение, полученное во время каждого из трех испытаний МПС, давало оценку МПС испытуемых. Было использовано 10% от МПС каждого

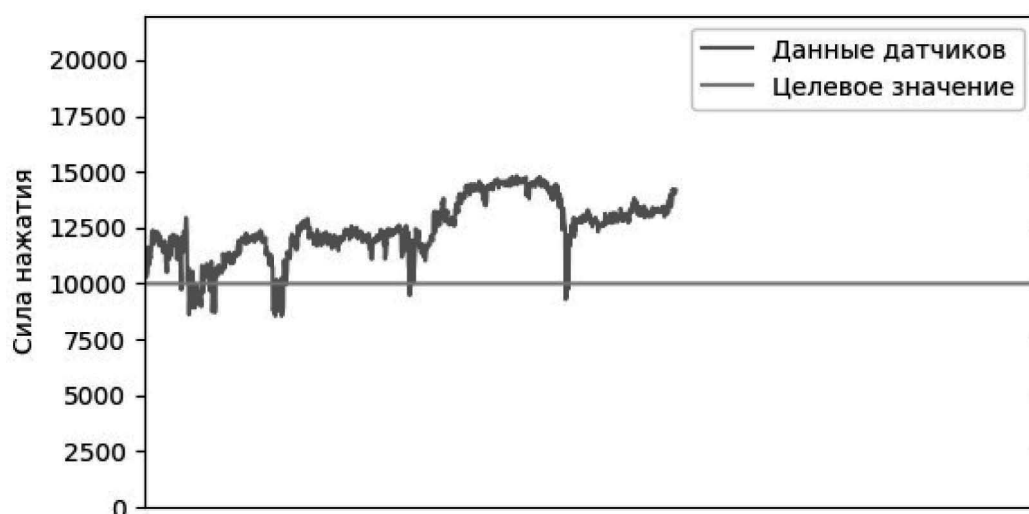

Рис. 2. График отображения удержания усилия при помощи обратной связи на экране монитора. По вертикальной оси – усилие сжатия. По горизонтальной оси – время 30 секунд

отдельного испытуемого в качестве целевой силы для каждого испытуемого.

Стимульный материал

В качестве стимульного материала, из базы COMPASS [54], было отобрано 15 изображений, разделенных по категориям валентности на негативные [изображения вызывающие отвращение], позитивные [красивые изображения] и нейтральные [предъявлялись на протяжении 2 с.], 5 звуковых стимулов из базы, включающие в себя звуки взрыва, мужских и женских криков продолжительностью 1 с. на громкости 105 Дб, а также 5 звуковых стимулов, содержащих в себе тишину.

Порядок и стимулы были определены случайным образом. Стимулы предъявлялись в промежутке времени, от 5 до 20 секунд.

Анализ данных

Данные собирались с помощью программно-аппаратного комплекса, который состоит из двух частей - модуля сбора данных вегетативной нервной системы, а именно фотоплетизмография [ФПГ] и электрическая активность кожи [ЭАК], а также модуля сбора данных тензотремометрии [17]. Обработка физиологических данных производилась с помощью программного обеспечения Neurokit2 [38]. Анализ данных проводился с помощью обработки данных методом скользящего окна полученных с тензодатчиков [32] и статистического анализа Эппса-Синглтона [28] для проверки на принадлежность сигнала выборке. Статистика критерия Эппса-Синглтона наилучшим образом подходит для анализа дискретных данных [данные тремора], поэтому был выбран именно этот критерий. После фрагментации методом скользящего окна данные фильтровались с помощью фильтра Баттерворта четвертого порядка с выделением полосы 8-16 Гц с целью получения непосредственно физиологического тремора.

Такая методика обработки позволяет исследовать продолжительную треморограмму, разбивая её на пересекающиеся последовательные участки. Это разбиение

позволяет определить участок треморограммы, где произошло изменение, и захватить его наиболее полно. Здесь разбиение необходимо для того, чтобы найти момент времени, где произошла реакция, однако если использовать непересекающееся разбиение, то возможна ситуация, когда момент реакции будет также разбит на два участка и не будет корректно интерпретирован. Использование критерия Эппса-Синглтона обусловлено тем, что для оценки уровня реакции необходимо сравнивать запись каждого участка с контрольной записью тремора в состоянии покоя, а критерий Эппса-Синглтона наиболее подходит для анализа записей различной длины.

Результаты исследования

Удержание заданного усилия с помощью тензодатчика встроенного в ручку штативным захватом

Данное исследование необходимо для проверки гипотезы о том, что эмоциональное напряжение будет вызывать реакцию и изменение треморограммы при удержании ручки штативным захватом.

После момента подачи сигнала заметно краткосрочное резкое увеличение амплитуд тремора [рис. 3] и значительно превышает по амплитуде другие экстремумы записи. Кроме того, заметное повышение амплитуды тремора после подачи стимула, которое затихает после 10-12 секунд, предположительно связано с реакцией на эмоциональное напряжение у испытуемого.

На рис. 4 демонстрируются данные записи ЭАК испытуемого параллельно с данными тензотремометрии. вертикальной линией отмечено место подачи стимула. На 15.5 секунде заметен резкий всплеск реакции, что соответствует реакции на стимул, с учетом времени запаздывания [33].

Аналогичная картина наблюдается на графике фотоплетизмографии рис. 5, также проводившейся параллельно - после подачи стимула наблюдался резкий рост ЧСС испытуемого, который нормализовался в течение десяти секунд после начала, что позволяет говорить о

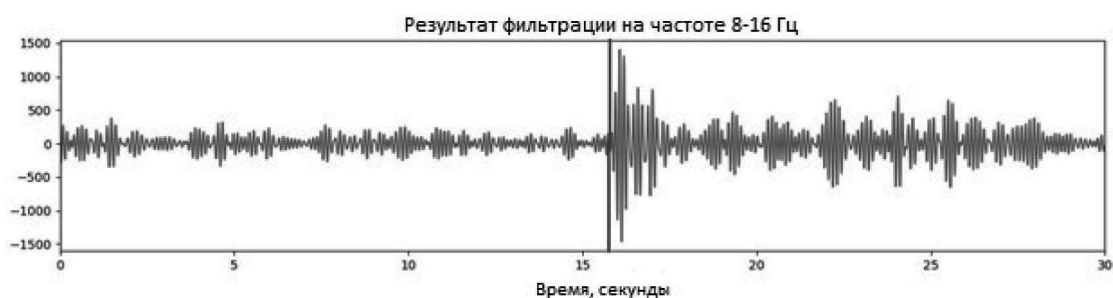

Рис. 3. Отфильтрованные данные тензотремометрии испытуемого в условии «штативного захвата ручки» [по вертикальной оси % МПС/Гц, по горизонтальной оси – время], вертикальной линией – время подачи стимула «Звук».

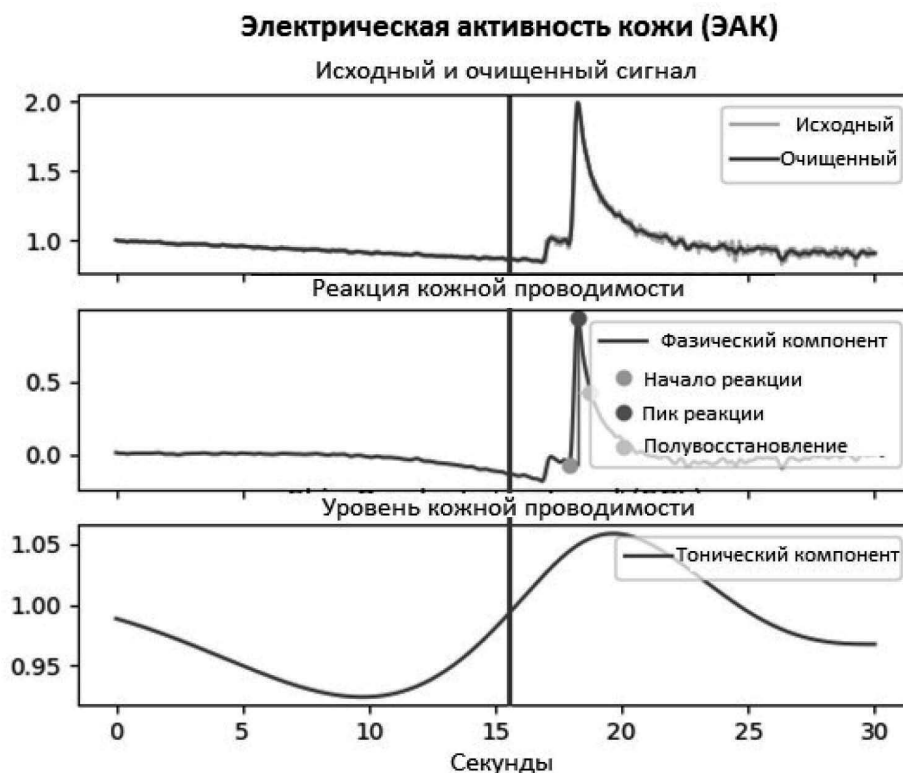

Рис. 4. Электрическая активность кожи [ЭАК]. Стимул «Звук» предъявлен на 15,5 секунде [отмечен вертикальной линией]. А – Запись сигнала датчика ЭАК, очищенные от шумов данные, в десятках микро Сименс [мкСм]; Б – данные выделенной составляющей реакции ЭАК, в десятых долях мкСм; В – тоновый компонент ЭАК, в десятых долях мкСм. По горизонтальной оси на всех графиках время.

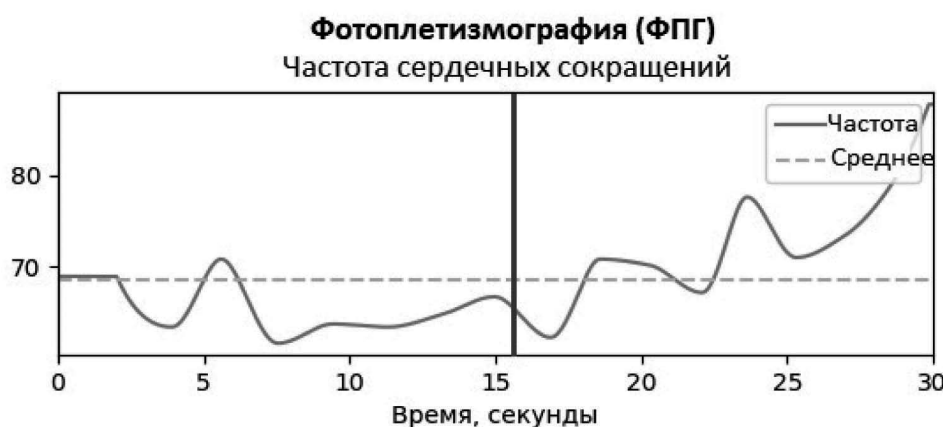

Рис. 5. Фотоплетизмография [ФПГ], стимул «Звук» предъявлен на 15,5 секунде и отмечен вертикальной линией. На графике показана частота сердечных сокращений [ЧСС] испытуемого на основе выделенных интервалов, по вертикальной оси количество ударов в минуту. По горизонтальной оси графика время.

выраженной реакции на стимульный материал.

Таким образом, при визуальном анализе данных, собранных при удержании заданного усилия на тензодатчике, встроенном в ручку «штативном» захвате, наблюдается характерная тенденция - после подачи стимула, возникает одновременно характерное изменение в характере тремора по данным тензотрениометрии, и ре-

акция, характерная для эмоционального напряжения по данным датчиков ФПГ и ЭАК.

Таблица

Результат статистической обработки по стимулам со значением критерия значимости по Эппсу-Синглтону*, и значением средних амплитуд.

Таблица

Тип стимула	Стимульный материал предъявлялся			Стимульный материал не предъявлялся		
	Epps-Singleton	p-value	dmax, % МПС	Epps-Singleton	p-value	dmax, % МПС
Звук	39.961739	0.000482	9.57	23.473463	0.00102	2.61
Красивое	40.790671	0.000262	7.33			
Отвратительное	43.413932	0.000205	8.12			
Нейтральное	27.113722	0.000766	4.49			

*Статистика теста значима в каждом случае [p-значение <0,05]

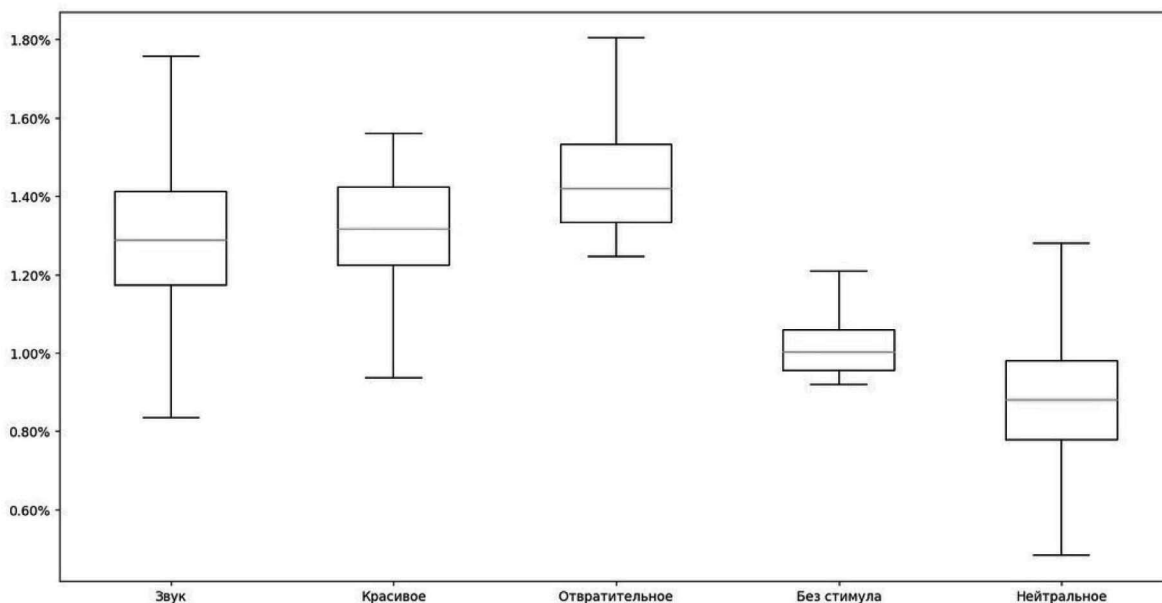

Рис. 6. Диаграмма размаха процентов разницы максимальной амплитуды тремора с разными стимулами и амплитуды без стимулов. Удержание усилия ручки с тензодатчиками. По вертикальной оси - % МПС

В таблице представлена статистика Эппса-Синглтона как основной инструмент определения наличия различий в сигнале после подачи стимульного материала и до него, а также dmax как разница между минимальной и максимальной амплитудой на записи. Большее значение статистики Эппса-Синглтона соответствует большему различию между участком записи после стимула и записью до стимула, большее значение dmax соответствует большему различию амплитуд на записи в целом.

В результате статистического анализа можно видеть, что статистика Эппса-Синглтона для стимулов «Звук», «Красивое», «Отвратительное» значительно выше, чем та же статистика для стимула «Нейтральное изображение» или пустого аудиофайла, что позволяет говорить о наличии значимых отличий между участком записи тензотрёморометрии в состоянии эмоционального напряжения и до него.

Разница максимальных и минимальных амплитуд dmax, в значимых стимулах и контрольных составила примерно в 2-3,5 раза. Это говорит о том, что увеличе-

ние разницы значения амплитуд наблюдалась в ситуации предъявления эмоционально значимых стимулов и таким образом дифференцировалась от контрольных, где относительно малая разница по dmax. По разнице амплитуд больший разброс силы получил стимул со звуком [dmax %МПС = 9.57].

На рис. 6, заметна характерная разница между разбросом данных при предъявлении стимулов «Звук», «Красивое», «Отвратительное», и при предъявлении стимула «Нейтральное изображение» или пустого аудиофайла. Разброс значительно увеличивается при подаче стимула, вызывающего эмоциональное напряжение, и остается сравнительно небольшим при подаче пустого аудиофайла либо же нейтрального изображения в качестве стимульного материала. Здесь среднее по выборке +/- стандартное отклонение находится в интервале от 1.19% до 1.41% при подаче стимула «Звук», интервале 1.2% - 1.4% при подаче стимула «Красивое изображение», и интервале 1.3% - 1.5% при подаче стимула «Отвратительное изображение». Средние значения этапа без стимула интервал находится в 0.95% - 1.05%, с подачей

нейтрального стимула находятся в интервале 0.8% - 1%.

Эта разница в разбросе амплитуд является значимой, и говорит о наличии роста мышечного тонуса при предъявлении стимула. Медианные значения в графах с предъявленным стимулом имеют сходные значения, что говорит о неспецифической реакции по отношению к стимулу.

Исходя из результатов эксперимента, гипотезу о наличии связи между эмоциональным напряжением по данным датчиков и изменением характера тремора по данным тензотремографии можно считать верной при удержании пера и датчиков штативным хватом.

Обсуждение результатов

Особенность данного эксперимента в отличие от изометрического условия заключается в способе удержания тензодатчика. Согласно данному способу, удержание производилось в «штативном» способе удержания пера, и тензодатчики располагались в контактных точках специально разработанной ручки. При анализе данных использовалась фрагментация данных методом «скользящего окна», полученные фрагменты сравнивались с контрольной записью тремора в покое с помощью критерия Эппса-Синглтона.

В процессе эмоционального напряжения, вызываемого с помощью изображений и звуков, можно заметить существенное отличие амплитуды тремора по сравнению с условием, где стимула не подавалось или подавался нейтральный стимул в обоих условиях экспериментов. Наибольшая разница между максимальной и минимальной амплитудой получил стимул со звуком. Это говорит о том, что звуковой стимул на уровне громкости в 105 dB, который входит в зону «дискомфорта», вызывает реакцию сильнее по сравнению с остальными стимулами или их отсутствием. Так же показано, что нейтральное изображение, которое вводилось для контроля влияния кратковременного прекращения показа обратной связи, получила значения сравнимо ниже, чем по значимым стимулам, как в статистических данных, так и графических.

В экспериментах, где в качестве меры вызова стрессовой реакции был удар током, в результате было показано, что амплитуда тремора не изменилась у молодых испытуемых на частотах 1-2 Гц и на частоте 8-12 Гц. У пожилых испытуемых было обнаружено значимое увеличение силового тремора на частоте 1-2 Гц [22]. Эти результаты несколько отличаются от результатов, полученных нами на молодой выборке. В частности, в данном эксперименте было получено значимое отличие характеристик силового тремора при предъявлении эмоционально значимых стимулов.

В работе С.А. Кумбес с коллегами было показано, что просмотр эмоциональных изображений, приводит к относительному увеличению силы сжатия, что помогает участникам поддерживать целевое усилие в отсутствие обратной связи о прикладываемой силе сжатия датчика [24].

К ограничениям исследования можно отнести размер выборки и разнообразие стимуляции. Для разнообразия стимуляции можно было бы использовать дополнительное исследование с слабым электрошоком, апробированной международной базой аффективных изображений и звуков [IAPS и IADS] [35][50]. Представляется перспективным провести сходное исследование, объединённое с использованием нейрофизиологической деятельностью головного мозга [ЭЭГ, МРТ и так далее]. Данная мера помогла бы определить участки головного мозга, задействованные в процессе предъявления стимулов и активации отделов отвечающих за моторное проявление произвольных движений.

Практическое применение

Важность диагностики эмоционального напряжения по тензотремограмме, находит свое отражение во многих практических областях. Особенно полезен способ такой диагностики для медицины, где от работы мелкой моторики может зависеть жизнь человека и коррекция тремора в процессе операции очень важно [16] [48]. Методика может внести научно-исследовательский вклад в детекцию скрываемой информации в плане изучения механизмов организации и управления работой нейромоторных единиц по частотно-амплитудным показателям тремора. Так же важность определения эмоционального напряжения важно в качестве меры безопасности. Например, для диагностики стрессового состояния, подписывающего документы. Такая возможность может быть реализована с помощью тензометрических датчиков в качестве инструмента регистрации изменений тремора и силовых характеристик во время письма [30].

В рамках обучения изучение уровня эмоционального напряжения позволяет улучшить скорость и качество обучения студентов, а также улучшить их качество жизни [13]. Основным направлением использования методики видится статистическое исследование уровня эмоционального напряжения студентов и учеников непосредственно в процессе обучения, и модификация учебных планов, методик и расписаний, чтобы понизить его. Другое направление, в котором методика может быть использована, это непосредственное определение уровня напряжения во время занятия с тем, чтобы корректировать уровень нагрузки в моменте.

Заключение

По результатам эксперимента можно сделать заклю-

чение о том, что имеется связь между эмоциональным напряжением по данным датчиков и изменением характера тремора и они сходны по структуре с изометрическим условием. Гипотеза о том, что изменение условия удержания заданного усилия [штативный захват] связано с различием между стимулами, вызывающими эмо-

циональное напряжение, была подтверждена. Также результаты эксперимента позволяют говорить о том, что при демонстрации стимулов, вызывающих эмоциональное напряжение, происходит увеличение амплитуды локального физиологического тремора на частотах 8-16 Гц при удержании ручки «штативным» захватом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А.Ю. Психофизиологические подходы к комплексной оценке динамики эмоциональных состояний: Дис. канд. биологич. наук: 03.03.01 / Александров Антон Юрьевич; Санкт-Петербургский государственный университет. - СПб, 2018. С.116.
2. Бухтияров И. В. Жбанкова О.В., Чеснокова. Т.Т., Юшкова О.И., Гусев В.Б. Проведение комплексного психофизиологического исследования с использованием полиграфа и биохимических методов при профессиональном отборе кадров // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2 (105) (3). С. 58–63.
3. Бьюрстедт Х.М.Г. Кардиоваскулярные и дыхательные реакции в период психического стресса // Эмоциональный стресс, физиологические и психологические реакции, медицинские, индустриальные и военные последствия стресса. Л.: Медицина. 1970. С. 109–115.
4. Горелов А.А. Нервно-эмоциональное напряжение и повышение устойчивости студентов к его воздействию // БЕРЕГИНЯ.777. СОВА . 2012. № 15 (4).
5. Девишвили В.М., Мирзад М.А., Романюта В.Г., Судакова Н.Л. Тремор как показатель психофизиологического состояния оператора. В кн.: Эргономика. Тр.ВНИИ техн.эстетики, - 1974 - вып.6, с.107-124.
6. Коротко Г.Ф. Кадиров Ш.К., Булгакова В.А. Салива диагностика эмоционального напряжения и дисферментемий //Вестник интенсивной терапии. – 1998. – №. 4. – С. 11.
7. Кульба С.Н. Особенности участия полушарий головного мозга в регуляции психоэмоционального напряжения человека: Дис. канд. биологич. наук: 03.00.13 / Кульба Сергей Николаевич; Ростовский государственный университет. Ростов н/Д., 1997. - 120 с.
8. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Функциональные состояния и работоспособность человека в профессиональной деятельности // Психология труда, инженерная психология эргономика / Под ред Е.А. Климова и др., М: Юрайт, 2015 [глава 13].
9. Люсин Д.В. Трехмерная модель структуры эмоциональных состояний, основанная на русскоязычных данных // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2019. № 2 (16).
10. Скорикова С.Е. Эмоциональное напряжение и физиологический тремор человека М., 1968.
11. Суворова В.В. Психофизиология стресса / Суворова В.В., М.: Педагогика, 1975. 318 с.
12. Судаков К.В. Эмоциональный стресс: теоретические и клинические аспекты. / К.В. Судаков, В.И. Петров, К.В. Гавриков и др. // Волгоград, 1997.- 168 с.
13. Сыманюк Э.Э. Исследование учебного стресса и его связь с успеваемостью учащихся старших классов // Педагогическое образование в России. 2019. (8). С. 42–49.
14. Щербатых Ю.В. Вегетативные проявления экзаменационного стресса // Прикладные информационные аспекты медицины. 1999. № 1 (2). С. 72–74.
15. Aleksanyan Z., Bureneva O., Safyannikov N. Tensometric tremorography in high-precision medical diagnostic systems // Medical Devices: Evidence and Research. 2018. (Volume 11). С. 321–330.
16. Arora S. [и др.]. The impact of stress on surgical performance: A systematic review of the literature // Surgery. 2010. № 3 (147). С. 318-330.e6.
17. Belinsky A. [и др.]. The New Device for Studying the Psychomotor Components of Writing // International Journal of Psychophysiology. 2021. (168). С. S148.
18. Blakemore R.L. [и др.]. Stress-evoking emotional stimuli exaggerate deficits in motor function in Parkinson's disease // Neuropsychologia. 2018. (112). С. 66–76.
19. Bonnet L. [и др.]. The role of the amygdala in the perception of positive emotions: an "intensity detector" // Frontiers in Behavioral Neuroscience. 2015. (9).
20. Campbell J., Ehler U. Acute psychosocial stress: Does the emotional stress response correspond with physiological responses? // Psychoneuroendocrinology. 2012. Т. 37. № 8.
21. Carrie J.R.G. Visual Effects on Finger Tremor in Normal Subjects and Anxious Patients // British Journal of Psychiatry. 1965. № 481 (111). С. 1181–1184.
22. Christou E.A. [и др.]. The 1- to 2-Hz oscillations in muscle force are exacerbated by stress, especially in older adults // Journal of Applied Physiology. 2004. № 1 (97). С. 225–235.
23. CHRISTOU E.A. Visual Feedback Attenuates Force Fluctuations Induced by a Stressor // Medicine & Science in Sports & Exercise. 2005. № 12 (37). С. 2126–2133.
24. Coombes S. A. [и др.]. Emotional states alter force control during a feedback occluded motor task. // Emotion. 2008. № 1 (8). С. 104–113.
25. Donica D. K., Massengill M., Gooden M. J. A quantitative study on the relationship between grasp and handwriting legibility: does grasp really matter? // Journal of Occupational Therapy, Schools, & Early Intervention. 2018. № 4 (11). С. 411–425.
26. Ekkekakis P. Affect, Mood, and Emotion Human Kinetics, 2012.
27. Ekman P., Cordaro D. What is Meant by Calling Emotions Basic // Emotion Review. 2011. № 4 (3). С. 364–370.
28. Epps T.W., Singleton K.J. An omnibus test for the two-sample problem using the empirical characteristic function // Journal of Statistical Computation and Simulation. 1986. № 3–4 (26). С. 177–203.
29. Eskov VM. [и др.]. GLANSORFF-PRIGOGINE THEOREM IN THE DESCRIPTION OF TREMOR CHAOTIC DYNAMICS IN COLD STRESS // Ekologiya cheloveka (Human Ecology). 2017. № 5 (24). С. 27–32.

30. Faundez-Zanuy M. [и др.]. Handwriting Biometrics: Applications and Future Trends in e-Security and e-Health // *Cognitive Computation*. 2020. № 5 (12). С. 940–953.
31. Fink G. *Stress: Definition and History* Elsevier, 2009. С. 549–555.
32. Fumarola F. [и др.]. A Sliding Window Algorithm for Relational Frequent Patterns Mining from Data Streams 2009. С. 385–392.
33. Giannakakis G. [и др.]. Review on Psychological Stress Detection Using Biosignals // *IEEE Transactions on Affective Computing*. 2022. № 1 (13). С. 440–460.
34. HESTER S.B., FOWLER S.C. Limb Tremor as an Indicator of Emotional Arousal // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. 1980. № 11 (168). С. 679–684.
35. Lang P.J., Bradley M.M., Cuthbert B.N. *International Affective Picture System (IAPS): Affective Ratings of Pictures and Instruction Manual (Rep. No. A-8)* // Tech. Report A-6. 2005.
36. Lee H.J. [и др.]. Tremor frequency characteristics in Parkinson's disease under resting-state and stress-state conditions // *Journal of the Neurological Sciences*. 2016. (362). С. 272–277.
37. Levi L. INTRODUCTION: PSYCHOSOCIAL STIMULI, PSYCHOPHYSIOLOGICAL REACTIONS, AND DISEASE Elsevier, 1972. С. 11–27.
38. Makowski D. [и др.]. NeuroKit2: A Python toolbox for neurophysiological signal processing // *Behavior Research Methods*. 2021. № 4 (53).
39. Mountcastle V.B., Motter B.C., Andersen R.A. Some further observations on the functional properties of neurons in the parietal lobe of the waking monkey // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. № 4 (3). С. 520–523.
40. Naugle K.M. [и др.]. Influence of Emotion on the Control of Low-Level Force Production // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 2012. № 2 (83). С. 353–358.
41. Neiss R. Reconceptualizing arousal: Psychobiological states in motor performance. // *Psychological Bulletin*. 1988. № 3 (103). С. 345–366.
42. Novak T.S., Wilson S.M., Newell K.M. Establishing Task-Relevant MVC Protocols for Modelling Sustained Isometric Force Variability: A Manual Control Study // *Journal of Functional Morphology and Kinesiology*. 2021. № 4 (6). С. 94.
43. Pascoe M.C., Hetrick S.E., Parker A.G. The impact of stress on students in secondary school and higher education // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2020. Т. 25. № 1.
44. Rodrigues M. [и др.]. Keystrokes and Clicks: Measuring Stress on E-learning Students 2013. С. 119–126.
45. Russell J.A. A circumplex model of affect. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. № 6 (39). С. 1161–1178.
46. Russell J.A. Emotion, core affect, and psychological construction // *Cognition & Emotion*. 2009. № 7 (23). С. 1259–1283.
47. Safiannikov N., Bureneva O., Aleksanyan Z. Isometric-Based method for hardware automated diagnostic of functional status of central nervous system IEEE, 2017. С. 377–384.
48. Singh S.P.N., Riviere C. N. Physiological tremor amplitude during retinal microsurgery IEEE, 2002. С. 171–172.
49. Stallman H.M., Hurst C.P. The University Stress Scale: Measuring Domains and Extent of Stress in University Students // *Australian Psychologist*. 2016. № 2 (51).
50. Stevenson R.A., James T.W. Affective auditory stimuli: Characterization of the International Affective Digitized Sounds (IADS) by discrete emotional categories // *Behavior Research Methods*. 2008. № 1 (40). С. 315–321.
51. Thayer R.E. The biopsychology of mood and arousal // *Applied Ergonomics*. 1992. № 5 (23). С. 352.
52. Vaillancourt D.E., Slifkin A.B., Newell K.M. Intermittency in the visual control of force in Parkinson's disease // *Experimental Brain Research*. 2001. № 1 (138). С. 118–127.
53. Vaillancourt D.E., Thulborn K.R., Corcos D.M. Neural Basis for the Processes That Underlie Visually Guided and Internally Guided Force Control in Humans // *Journal of Neurophysiology*. 2003. № 5 (90).
54. Weierich M.R. [и др.]. The Complex Affective Scene Set (COMPASS): Solving the Social Content Problem in Affective Visual Stimulus Sets // *Collabra: Psychology*. 2019. № 1 (5).
55. Ziegelstein R.C. Acute emotional stress and cardiac arrhythmias // *JAMA*. 2007. № 3 (298).

© Белинский Артем Викторович (v10046321@yandex.ru), Девишвили Важа Михайлович (vmdev@mail.ru),
Черноризов Александр Михайлович (amchern53@mail.ru), Лобин Михаил Александрович (m.labin@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В БЕЗДЕТНЫХ СЕМЬЯХ

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF MARITAL CONFLICTS IN CHILDLESS FAMILIES

V. Bogush
E. Petrova

Summary: The purpose of the article is to characterize the features of childless families and their place in the general family system, as well as to analyze the psychological characteristics of conflicts in childless couples. In the process of conducting a psychodiagnostic study, it was found that the family conflictogenicity of men in such couples is weakly expressed, and the leading conflictogenic spheres of women include relationships with friends and relatives and the problem of partner dominance. It has been established that the assessment of the conflictogenicity of issues related to the dominance of a partner is significantly higher in women than in men. It has been suggested that the fear of vulnerability, dependent position in relations with a partner may underlie the refusal of motherhood in childless couples.

Keywords: childless families, marital conflicts, functional approach, family attitudes.

Богущ Вероника Валерьевна

Аспирант, Российский государственный социальный университет
veronika.bogush1@gmail.com

Петрова Елена Алексеевна

доктор психологических наук, профессор,
действительный член Академии педагогических и
социальных наук, действительный член и Президент
Академии имиджологии, Российский государственный
социальный университет

Аннотация: Цель статьи – охарактеризовать особенности бездетных семей и их места в общей семейной системе, а также проанализировать психологические особенности конфликтов в бездетных парах. В процессе проведения психодиагностического исследования выявлена слабо выраженная семейная конфликтogenicность мужчин в таких парах и ведущие конфликтogenicные сферы у женщин, к которым относятся отношения с друзьями и родственниками и проблема доминирования партнера. Установлено, что оценка конфликтogenicности вопросов, связанных с доминированием партнера, у женщин значительно более высокая, чем у мужчин. Выдвинуто предположение, что страх перед уязвимостью, зависимым положением в отношениях с партнером может лежать в основе отказа от материнства в бездетных парах.

Ключевые слова: бездетные семьи, супружеские конфликты, функциональный подход, семейные установки.

Введение

Исследование психологических особенностей супружеских конфликтов в бездетных семьях является научным вопросом, описывающим механизмы функционирования определенного кластера семейных систем – бездетного супружества. Необходимо отметить, в чем специфика данного кластера в современном обществе и какое место он занимает в проблеме изучения современной семьи.

Систематические изучения семьи и брака в зарубежной психологии начались в середине 60-х гг. XX века (М. Эриксон, Дж. Хейли), в нашей стране – в начале 70-х гг. XX века (В.К. Мягер, Т.М. Мишина, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис и др.) [12; 17; 20]. При этом в отечественной науке процесс становления методологии исследования семьи берет свое начало в социологии (А.И. Антонов, С.И. Голод, А.Г. Харчев и др.), в которой под семьей понимается малая социальная группа со своими закономерностями становления, развития и распада, основой которой выступают супружеские и детско-родительские отношения [3; 6; 16]. Семья как малая социальная группа проходила в процессе развития общества эволюцию форм, от протомискуитета до парного моногамного брака.

Как отмечает О.В. Зимонина, организация взаимодействия членов семейной системы подчинялась цели продолжения рода и передачи накопленного опыта следующим поколениям [8].

Однако, в процессе развития общества и активного роста населения значимость репродуктивной функции семьи несколько снизилась. Изменения экономической, социальной системы, рост осознанности, ценности эгалитаризма и желания женщин социально реализоваться в обществе приводят к тому, что все чаще супруги принимают решение отложить рождение детей или отказаться от него, выбирая бездетность (временную или постоянную). Бездетной считается семья, в которой, согласно Л.Б. Шнейдер, супруги на протяжении 8-10 лет не имеют детей в силу сознательных или вынужденных факторов [19]. Особенности функционирования бездетных семей на сегодняшний день являются малоизученными.

Анализируя причину такой слабой представленности, стоит отметить, что в психологии, в отличие от социологии, понимание семьи построено преимущественно на принципах функционального подхода (Т.В. Андреева, А.Я. Варга, Т.С. Драбкина, В.Н. Дружинин, Г.В. Лагонда, В.А. Сысенко, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис и др.) [2; 5; 7;

10; 11; 15; 20]. Семья рассматривается как особая система взаимоотношений и совместной деятельности людей, связанных кровными или родственными узами, в рамках которой удовлетворяются их потребности. При этом репродуктивная и воспитательная функции не постулируются как ведущие, а являются компонентами более широкой системы, в которую также входят экономическая (материальное обеспечение потребностей), хозяйственно-бытовая (распределение обязанностей в исполнении работы по дому), сексуально-эротическая, рекреативная (организация отдыха и досуга) функции, духовное общение и социальная регуляция [6].

Однако, несмотря на это, фактически именно во круг развития детско-родительских отношений и взросления детей строится периодизация развития семьи (Н.И. Олифирова, Т.А. Зинкевич-Куземкина, Т.Ф. Велента), в то время как периодизации развития вынужденного или сознательно бездетного брака на сегодняшний день нет [13]. При этом, по данным исследования, проведенным Левада-Центром, в 2019 году 9% россиян собирались остаться бездетными [18]. Это говорит о высокой представленности бездетных семей в общем семейном кластере и актуализирует вопрос изучения механизмов функционирования таких семей, механизмов, к которым относятся и супружеские конфликты.

Исследуя супружеские взаимоотношения, Г.В. Лагонда отмечает, что конфликты между супругами являются, с одной стороны, показателем того, насколько удовлетворены в семейной системе потребности мужчин и женщин, а с другой стороны, выступают механизмом столкновения брачных ожиданий и установок, усвоенных супругами в процессе социализации и реализуемых в семейных ролях [10; 11].

Конфликты, согласно взглядам А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова, выступают основой формирования психотравмирующей обстановки, от которой страдают все члены семьи. В основе конфликтных ситуаций, по мнению исследователей, лежит несоответствие ожиданий людей по отношению к супружеской жизни и действительности [4].

На фрустрацию ожиданий как причину супружеских конфликтов указывает и В.А. Сысенко, приходя к заключению, что ответственность за эту фрустрированность партнеры возлагают, как правило, не на себя, а друг на друга [15]. Другими словами, именно партнер воспринимается в браке как источник удовлетворения супружеских потребностей.

Как отмечают в своей работе С.С. Савенышева и Е.Е. Энгельгардт, истинные причины супружеских конфликтов характеризуются разной степенью осознанности, которая влияет на поведение супругов в ситуациях про-

тиворечия [14]. Супруги с высокой осознанностью стремятся не распространять свои негативные переживания от конфликта на всю сферу семейной жизни. Они сосредоточены на конкретной проблеме, открыто говорят партнеру о своих чувствах и взглядах на происходящее и предлагают варианты решений. Высокая осознанность не отменяет негативных эмоциональных переживаний, однако, позволяет не концентрироваться исключительно на них.

Если причины конфликтов и фрустрированные потребности недостаточно осознаны, супруги испытывают генерализованную неудовлетворенность партнером, распространяя свои переживания и оценки на качество брака в целом; они сосредоточены на своих эмоциях, часто желают «наказать партнера», им сложно размышлять над вариантами конструктивного решения проблем.

Между тем, не сами по себе конфликты, а специфика поведения супругов в них оказывает влияние на стабильность и благополучие брака. По словам О.А. Карабановой, возникновение конфликтных ситуаций не является деструктивным аспектом супружеских отношений, поскольку такие столкновения обнажают несоответствие ролевых ожиданий супругов, их неудовлетворенные в браке потребности, а значит, являются точками развития супружеской системы [9]. Именно конфликты указывают на необходимость корректировки ролевого поведения и межличностной коммуникации супругов либо их ожиданий, если эти ожидания неадекватно завышены.

Анализируя супружеские конфликты в контексте современных бездетных семей, необходимо учитывать, что семья со своим набором функций, ролей и потребностей – это система, характеризующаяся свойством структурности: поскольку все элементы общей системы (супружества) связаны между собой и находятся в определенных отношениях, изменение одного из них приводит к изменению самой системы. Другими словами, специфика супружеских конфликтов в бездетных семьях может заключаться не только в отсутствии репродуктивной и воспитательной сфер как основы для разногласий: их отсутствие может также влиять на иерархию других семейных потребностей, а также поведение и характер взаимодействия супругов при столкновении их установок.

Методика

Членами выборки стали 24 семейные пары, не имеющие детей. Возраст женщин на момент начала исследования составляет от 27 до 40 лет, возраст мужчин – от 32 до 45 лет. Все члены выборки состоят на момент исследования в официальном браке от 8 до 12 лет. У 12-ти мужчин и 8-ми женщин текущий брак – повторный. Остальные члены выборки состоят в браке впервые. Всего в

исследовании приняли участие 48 человек. В качестве психодиагностического инструментария в работе применялась методика «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская) [1].

Данная методика использовалась в исследовании с целью изучения оценки поведения супругов в конфликтах в бездетных семьях. Ее применение позволяет выявить наиболее конфликтогенные сферы супружеских взаимоотношений. Всего таких сфер 8:

- проблемы отношений с родственниками и друзьями;
- вопросы, связанные с воспитанием детей;
- проявление стремления к автономии;
- нарушение ролевых ожиданий;
- рассогласование норм поведения;
- проявление доминирования одним из супругов;
- проявление ревности;
- расхождение в отношении к деньгам.

Методика состоит из 32 конфликтных ситуаций, на каждую из которых дается 4 варианта ответа. Среди этих вариантов респонденты выбирают один, наиболее близкий их представлением. В ответах заложены такие критерии оценки, как активность/пассивность поведения испытуемого и его(ее) согласие/несогласие с партнером. Баллы за ответы начисляются по шкале от -2 до 2.

Вопросы, связанные с воспитанием детей (№ 4, 11, 16, 23), были исключены из методики, поскольку в исследовании принимали участие бездетные пары.

Результаты по каждой шкале получают путем расчета общего индекса (среднее арифметическое), при этом значения индексов меняются также от -2 до 2.

Близость полученного результата к положительному полюсу свидетельствует о позитивной реакции, к отрицательному – о негативной. Значения, близкие к 1/-1 подчеркивают пассивный характер поведения при семейных недоразумениях, а близкие к 2/-2 – об активной позиции в данной ситуации. Чем ближе результат по шкале к -2, тем более конфликтной является рассматриваемая в ней сфера.

При выявлении значимых различий в показателях поведения бездетных мужчин и женщин в супружеских конфликтах был использован критерий U-Манна-Уитни.

Результаты

Данные оценок поведения супругов в конфликтах в бездетных семьях представлены на рисунке 1.

Оценка значимости различий в поведении бездетных мужчин и женщин во время семейных конфликтов проводилась с помощью критерия U-Манна-Уитни. Полученные результаты представлены в таблице 1.

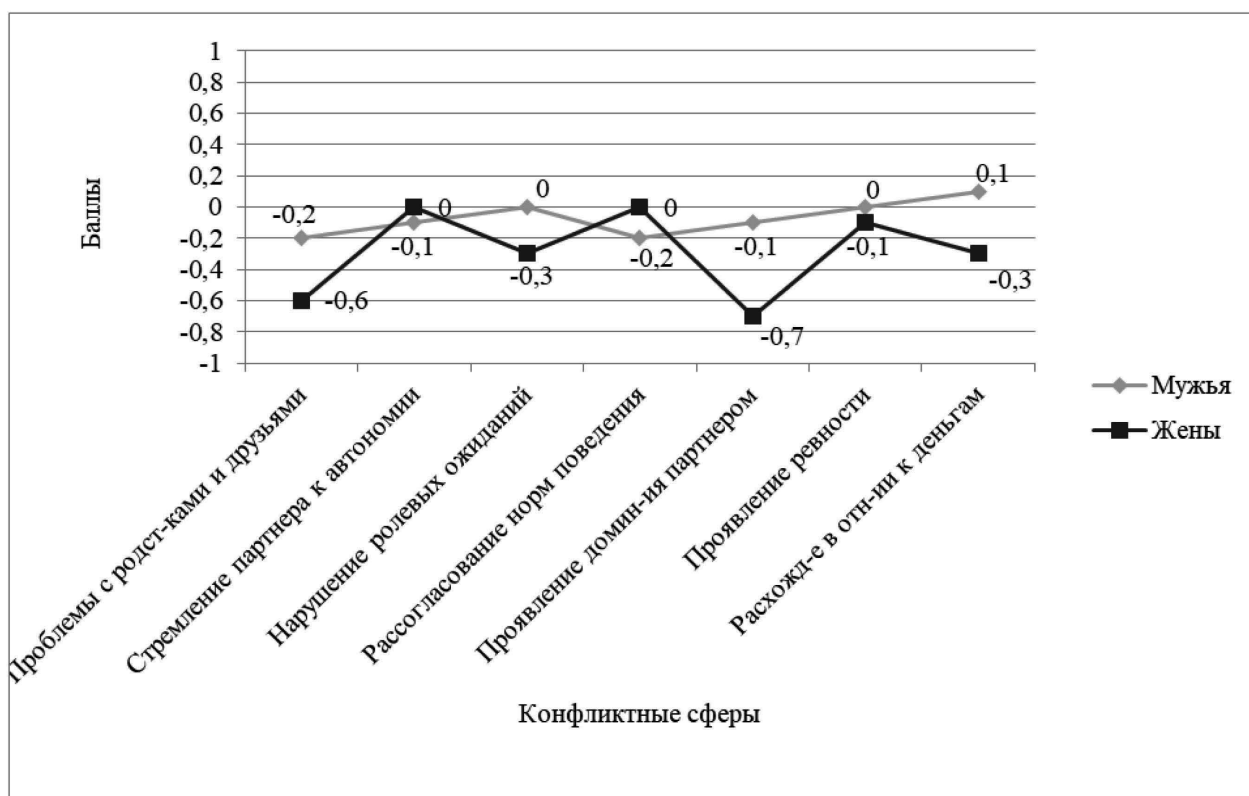

Рис. 1. Показатели взаимодействия супругов в конфликтах в бездетных семьях (среднее значение по группе)

Таблица 1.

Оценка значимости различий показателей взаимодействия супругов в конфликтах в бездетных семьях (U-критерий Манна-Уитни)

Шкалы	U-критерий Манна-Уитни
Проблемы отношений с родственниками и друзьями	238
Стремление партнера к автономии	280
Нарушение ролевых ожиданий	264
Рассогласование норм поведения	240
Проявление доминирования партнером	124,5***
Проявление ревности	240,5
Расхождение в отношении к деньгам	215

Примечание: *** $p \leq 0,001$

Обсуждение

Оценивая результаты в группе бездетных мужей, можно заключить, что ярких конфликтогенных сфер в отношениях с супругами у них нет: конфликтогенный индекс не превышает в своих самых низких значениях -0,2 балла (среднее значение по группе). Небольшие разногласия с супругами у них бывают по вопросам «рассогласования норм поведения» (-0,2 балла) и «проблем отношений с родственниками и друзьями» (-0,2 балла). Можно заключить, что бездетные мужчины, в целом, считают, что они в основном совпадают во взглядах со своими супругами и действуют схожим образом в разных ситуациях, хотя и признают возможность возникновения недопонимания. Представления об особенностях общения с друзьями и родственниками у супругов, согласно мнению мужей, также схожи; в случае несогласия с действиями и высказываниями жен в этой сфере мужчины предпочитают не демонстрировать своего отношения к этому.

Еще менее конфликтными, согласно средним значениям, являются для мужей в бездетных семьях вопросы «стремления партнера к автономии» (-0,1 балла) и «проявления доминирования партнером» (-0,1 балла). У супругов есть сферы жизни и интересов, в которых их партнеры не принимают участия, и мужчины, в целом, воспринимают этот факт относительно спокойно. При этом, по словам мужчин, при столкновении их желаний и планов с желаниями и планами жен мужчины не склонны упорно стоять на своем, если вопрос не является для них принципиальным.

Нейтральными являются сферы «нарушение ролевых ожиданий» (0 баллов) и «проявление ревности» (0 баллов), в то время как по вопросам «расхождения в отношении к деньгам» (0,1 балла) в бездетных парах, согласно мнению мужей, наблюдается молчаливое согласие. Можно заключить, что бездетные мужчины нейтрально относятся к ситуациям, когда жена не выполняет функций, которые относятся к традиционно женским. При этом они и сами не считают, что выполнение ими

традиционно мужских обязанностей по дому является приоритетным и значимым делом. В ответ на проявление ревности со стороны жены мужчины в бездетных семьях, как правило, стремятся уйти от обсуждения вопроса, даже если понимают, что были не правы. В ситуациях, где повод для ревности исходит со стороны жены, мужья могут проявить недовольство, однако, на открытый разговор с супругой не идут.

В отношении семейных доходов и расходов бездетные мужчины в большинстве своем занимают нейтральную позицию и достаточно спокойно относятся к тратам жены.

В целом, в бездетных парах ярких конфликтных сфер в отношениях с партнершами в мужской группе не наблюдается, а отдельные столкновения носят неяркий эпизодический характер.

Если профиль конфликтных семейных сфер и стратегий поведения в них у бездетных мужчин строится без выраженных пиков, то у женщин в таких семьях эти пики присутствуют. Так, наиболее серьезными конфликтогенными сферами у женской части выборки являются «проблемы в отношениях с родственниками и друзьями» (-0,6 балла) и «проявление доминирования партнером» (-0,7 балла). Женщинам в бездетных семьях важно поддерживать связь родственных поколений, быть в глазах окружающих гостеприимными и отзывчивыми, и они проявляют недовольство, когда мужчины игнорируют эти стремления. Однако, несмотря на неудовлетворенность данным аспектом, на открытое противостояние мужчинам женщины в бездетных парах не идут, предпочитая ограничиваться демонстрацией негативных эмоций. Возможно, подобная позиция продиктована нежеланием усугублять конфликт или надеждой на то, что в будущем подобных проблем в отношениях с родственниками и друзьями больше не повторится.

Конфликты, связанные с доминированием партнера, с необходимостью уступать мужьям в ситуациях, когда

желания супругов расходятся, являются для бездетных женщин наиболее сильным источником негативных переживаний. Тем не менее, и в этом случае женщины избегают активного обсуждения проблемы и не отстаивают открыто свои интересы.

Вопросы «расхождения ролевых ожиданий» (-0,3 балла), «расхождения в отношении к деньгам» (-0,3 балла) и «проявления ревности» (-0,1), по мнению женщин в бездетных семьях, могут выступать причиной семейных конфликтов, однако, не на постоянной основе, а в качестве отдельных инцидентов. Невыполнение мужчиной своих традиционных семейных обязанностей в единичном случае не является для женщины конфликтным фактором, однако, если подобное повторяется с периодичностью, это может вызывать недовольство с ее стороны. То же самое характерно и для незапланированных трат со стороны мужа. В свою очередь, ревность со стороны мужа, как показало исследование, бездетные женщины воспринимают достаточно спокойно, однако, если повод для ревности дает он сам, это может стать причиной семейной ссоры.

Факторы «стремление к автономии» и «рассогласование норм поведения» с супругом не оцениваются женщинами в бездетных парах как конфликтные (по 0 баллов). Они спокойно воспринимают тот факт, что у мужей есть сферы жизни, в которых жены не принимают участия. Принимая во внимание то, что у женщин выражена установка на совместную деятельность с супругом, можно предположить, что автономных сфер у супругов в парах немного, поэтому фактор автономности источником конфликтов для женщин не является. В целом, женщины в таких парах полагают, что хорошо знают своих мужей и могут спрогнозировать их поведение. В случае, если это поведение не вписывается в ожидаемые рамки, женщины склонны считать действия мужа либо адекватными, либо не столь значительными, чтобы испытывать на их счет негативные эмоции.

Значимые различия получены по параметру «проявление доминирования партнером»: в бездетных парах конфликтность этой сферы для жен гораздо выше, чем для мужей ($U=124,5$ при $p \leq 0,001$). Вероятно, женщины считают, что они уступают в ситуациях столкновения интересов своим мужьям гораздо чаще, чем наоборот. При этом на открытый конфликт и выяснение отношений жены не идут, поэтому понять серьезность их переживаний мужчинам может быть сложно. Это подтверждает и тот факт, что мужья конфликтность этой сферы расценивают крайне низко.

Заключение

Таким образом, в бездетных семьях ярких конфликтных сфер в отношениях с супругами у мужчин нет. У женщин наиболее серьезными конфликтными сферами являются «проблемы в отношениях с родственниками и друзьями» и «проявление доминирования партнером», причем конфликтность последней для жен гораздо выше, чем для мужей. Рассматривая супружеские конфликты как сферу столкновения брачных установок мужчин и женщин, на основании полученных данных можно заключить о стремлении бездетных женщин к равноправию с мужчинами не только в рамках социальных достижений, но и в близких личных отношениях: пренебрежение мужчин к их интересам женщины воспринимают достаточно эмоционально. Причина возникновения такой установки и специфики восприятия у женщин требует углубленного изучения; она может крыться и в объективном поведении мужчин, в заложенных в них в процессе социализации поведенческих нормах, и в психологической сверхчувствительности самих женщин. Возможно также, что именно страх перед определенной зависимостью (финансовой, физической и др.) от другого, даже близкого, человека, которая наступает, как правило, в период беременности и ухода за ребенком, лежит в основе отказа женщины от материнства в таких парах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Характер взаимодействия супругов в конфликтной ситуации // Методы исследования межличностного восприятия. Спецпрактикум по социальной психологии / Под ред. Г.М. Андреевой, В.С. Агеева. М.: МГУ, 1987. 120 с.
2. Андреева Т.В. Теоретико-методологические основы социальной психологии семьи как области научных исследований // Вестник СПбГУ. 2016. Серия 12. Вып. 3. С. 66–78.
3. Антонов А.И. Предмет социологии семьи // Социология семьи. М.: ИНФРА-М, 2007. 640 с.
4. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. 6-е изд. СПб.: Питер, 2015. 528 с.
5. Варга А.Я., Драбкина Т.С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. – СПб.: Речь, 2001. 144 с.
6. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984. 136 с.
7. Дружинин В.Н. Психология семьи. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 208 с.
8. Зимонина О.В. Ретроспектива семьи и семейных отношений в истории гуманитарных наук // Вестник БГУ. 2015. №1 (1). С. 23–30.
9. Карабанова О.А. Психология семейных отношений: Учебное пособие. Самара: Издательство СИОКПП, 2001. 122 с.
10. Лагонда Г.В. Психология супружества: кому и зачем нужна новая теория брачных отношений // Парадигма. 2016. №23. С. 75–107.

11. Лагонда Г.В. На повестке дня брачные экспектации, или чего хотят супруги друг от друга // Парадигма. 2017. №26. С. 67–93.
12. Мягер В.К., Мишина Т.М. Семейная психотерапия: Руководство по психотерапии. Л.: Медицина, 1979. С. 297–310.
13. Олиферович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2006. 360 с.
14. Савенышева С.С., Энгельгардт Е.Е. К вопросу о факторах удовлетворенности браком супругов в современной российской семье // Петербургский психологический журнал. 2016. №14. С. 82–100.
15. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. М.: Мысль, 1983. 321 с.
16. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Психология и педагогика, 1986. 303 с.
17. Хейли Дж., Эриксон М. Возникновение семьи. Психология и психотерапия семейных конфликтов / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 2003. С. 12–18.
18. Чурилова В.Е. Желаемое и ожидаемое число детей // Левада-Центр. 25.11.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaemoe-chislo-detej/> (дата обращения: 17.03.2022).
19. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический проспект, 2006. 170 с.
20. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 1999. 394 с.

© Богуш Вероника Валерьевна (veronika.bogush1@gmail.com), Петрова Елена Алексеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФИЯ СТОИЦИЗМА И ГЕШТАЛЬТ-ТЕРАПИЯ

THE PHILOSOPHY OF STOICISM AND GESTALT THERAPY

E. Goldobin

Summary: This article presents the results of comparing the philosophy of stoicism and gestalt therapy. The question of the relevance and popularity of Stoic philosophy in our time is considered in detail; which of the Stoic philosophy can enrich the practice of a psychologist and a Gestalt therapist in particular. There is also an analysis of what the strengths of stoicism and its limitations are (dead-end development); which contradicts the existential foundations of humanistic psychotherapy and, possibly, leads to neurotic conclusions, hinders human development.

Keywords: practical psychology, psychotherapy, philosophy of stoicism, gestalt therapy, socio-psychological features of modernity, professional worldview.

Голдобин Евгений Станиславович

старший преподаватель, Пермский Государственный
Гуманитарно-Педагогический Университет
Eugen.goldobin@gmail.com

Аннотация: В данной статье представлены результаты сравнения философии стоицизма и гештальт-терапии. Подробно рассматривается вопрос актуальности и популярности философии стоиков в наше время; что из философии стоиков может обогатить практику психолога и гештальт-терапевта в частности. Также проведен анализ того, в чем заключаются сильные стороны стоицизма и его ограничения (тупиковость развития); что противоречит экзистенциальным основам гуманистической психотерапии и, возможно, приводит к невротическим выводам, мешает развитию человека.

Ключевые слова: практическая психология, психотерапия, философия стоицизма, гештальт-терапия, социально-психологические особенности современности, профессиональное мировоззрение.

Введение

На сегодняшний день возрождается интерес к стоической философии. По этой теме издаются новые книги, в социальных сетях созданы группы, посвященные вопросам стоицизма, записано множество образовательных, научно-популярных роликов, и ежегодно проводятся конференции. Стоики практики XXI века изучают труды Эпиктета, Сенеки, Марка Аврелия. В современном стоицизме они находят философскую, этическую систему для основания собственной жизни, саморазвития, и пытаются справиться при его помощи с вызовами времени. Достижения его мысли, интеллектуальные находки не всегда осознанно, а иногда и осознанно используются для нужд современной психологической практики (консультирования, психотерапии) и парапсихологической практики (коучинга, мотивационных тренингов личностного роста, оргконсультирования и т.д.).

Стоицизм – серьезная философская система, и до возникновения и укрепления христианства для жителей античного мира он был духовным руководством – душой Римской империи. По словам П. Тиллиха в момент кризиса, упадка античного мира стоицизм был единственным духовным «конкурентом», который мог идейно, философски оппонировать зарождающемуся христианству [16]. Стоицизм называют *философией трудных времен*.

Один из важных моментов любой психотерапевтической работы – это выбор философской позиции, основания для понимания человека и его сложностей в мире. Выбор философской позиции не безобиден, он приво-

дит к определенным, конкретным последствиям в жизни и психотерапевтической практике. Стоицизм – одна из возможных философских позиций человека в мире, и выбор стоической мысли для оснований собственной жизни и психологической практики приводит к определенным последствиям.

В наиболее общем виде цель данной статьи – осмысление стоицизма через призму гештальт-психотерапевтической практики и сравнение, анализ некоторых идей, мыслей о мире и человеке философии стоиков и гештальт-терапии. В качестве частных целей этой статьи можно указать: 1. Рассмотреть вопрос о том, почему философия стоиков стала популярна в наше время, почему возрождается к ней интерес; 2. Что из философии стоиков может обогатить практику гештальт-терапевта и в каких случаях можно на нее опираться в работе; 3. В чем заключаются сильные стороны стоицизма, возможности и его ограниченность (тупиковость развития), что противоречит экзистенциальным основам гештальт-терапии и, возможно, приводит к невротическим выводам, мешает развитию человека. За внешним, формальным сходством могут скрываться содержательные, принципиальные различия.

Трудные времена

Возрождение интереса к философии и практике стоицизма объясняется кризисным характером современного мира. Возможно, современный мир переживает период, подобный краху Римской империи конца III века н.э., распад *Rex Romana*. Философ-футуролог С. Переслегин (группа конструирования будущего) указывает на

то, что мы живем в эпоху глобального *фазового кризиса*, начавшегося с 70-х годов XX века. По мнению С. Перелегина, наступают новые темные века: глобальный мир распадается, превращается в *мир саванну*, где каждый сам за себя [8].

Схематично логика сложностей современного мира может быть описана следующей последовательностью. Произошел отказ от единого логоса. Ф. Ницше провозгласил: «Бог умер!» Метафизического гаранта мира не стало. Ушла тайна, ощущение целостности. На место идеи бога пришли идея прогресса, царство разума, модерн. М. Вебер об эпохе нового времени писал, что «мир расколдован». Жить в таком мире одиноко и неуютно. Произошло разрушение традиционного уклада жизни, люди выбиты из привычных, консервативных социальных структур и на сцену истории взойшло *массовое общество*.

После двух веков торжества и *hubris* – упадок модерна. Конец идеи прогресса и просвещения. Постмодерн не как конструктивный, созидательный *новый образ будущего*, вокруг чего все вновь соберётся, а как отрицание, разложение модерна. В фантастике, исследующей ближайшие горизонты развития человечества, доминирующий образ будущего – *постапокалипсис* и *киберпанк*. Рассвет инфантильной массовой культуры, высокие темпы социальной жизни, торжество суррогатных, мошеннических идей, нигилизм (духовная леность, диктатура успеха, внешний контроль) порождают *антропологическую катастрофу* [5, 8].

Помимо глобальных общемировых культурных изменений возникают еще региональные кризисы: распад СССР в 90-х, локальные вооруженные конфликты, экономические потрясения. Упадок, разложение, потерянности. В этот период фиксируется высокая статистика самоубийств среди подростков и пожилых людей. На период 2000-х средняя продолжительность жизни у мужчин на территории постсоветского пространства составляет 59 лет. Жизнь в России в конце XX века и начале XXI – это череда *мультикризисов* и *аномических процессов*. Человек сталкивается с *ничто* повсюду.

Один из образов современности – это *цифровое средневековье*. Технология на сегодняшний день достигает уже такого уровня развития, что, как сформулировал А. Кларк, становится мало отличимой от магии. Люди в основном живут в городах, появляются города-государства. Власть ТНК. Современный крупный бизнес похож на рыцарские ордена со своими целями, миссией и специфической атрибутикой: девизы, флаги, герб, наемные частные армии, военные компании и внутренние суды. В мире свирепствует чума (COVID-19), вновь Россия воюет с рыцарскими орденами запада в СВО. Идея равенства уходит, на ее место приходит идея иерархии, новые элиты как новые феодалы (опричнина).

Начавшаяся 24 февраля *специальная военная операция* также делает актуальными (востребованными) идеи философии стоицизма. Стоическая философия тесно связана с темой войны. Исследователь стоицизма Д. Попов в своей статье, посвященной анализу воззрений Ж.-П. Сартра в период «странной войны» и философии стоицизма как воинской моральной философии пишет, что идеи стоической философии помогают справиться с тяготами войны и психологически восстановиться после нее [13]. В стоической литературе античности множество примеров связано с военными действиями, жизнью солдат, полководцев и даже мирное время, саму жизнь авторы стоицизма рассматривали как военный поход. Многие участники военных операций в своих воспоминаниях делились тем, как им помогла философия стоицизма [12, 13].

В целом, можно сказать, что современность – это не просто *трудные времена*, это гипертрудные времена. В это беспокойное, бушующее время стоицизм становится для многих тем основанием, на котором многие люди пытаются построить свое мировоззрение, найти в нем прибежище, успокоение и психологическое здоровье. Из описанной выше картины «паталогических особенностей» современной культуры и тех вызовов, с которыми сталкивается человек на своем жизненном пути, становится очевидным высокая популярность стоицизма в психологической и околопсихологической практике.

Сходство стоицизма и гештальт-терапии

Если сравнивать гештальт-терапию и стоицизм в широком смысле, не вдаваясь в детали, и стараться скорее увидеть образы направлений, то можно заметить их сходство как на общем уровне, так и на уровне отдельных штрихов, черт.

Стоицизм – это органичный сплав предельной философии и практических инструментов жизни. Сборник философских наставлений «*Энхиридион*» Эпиктета, известный как «Руководство к нравственной жизни» изначально означал «кинжал», дословно «то, что в руке», т.е. орудие, практический инструмент для использования в повседневной жизни, *стоический праксис* [2]. В античной философии есть такое понятие как *Фронезис* – практическая мудрость, т.е. философ – это не только тот, кто размышляет о бытии, но и тот, кто определенным образом практикует свою философию.

Можно сказать, что в историю философии стоицизм в большей мере входит как *практическая философия*, основной акцент мысли этой школы был связан с непосредственной жизнью человека, его повседневностью. Многие психотерапевты и гештальт-терапевты, в частности, характеризуя то, чем занимаются, часто свою деятельность описывают как *философскую практику*.

Психотерапия – это практическая философия. Так можно определить современную гуманистическую психотерапию. Такое понимание психотерапевтами своей профессиональной деятельности роднит их с философами-стоиками, которые 2500 лет назад так же, как психологи сейчас, «работали» с определенными «проблемами» человека. В этом контексте интересно определение невроза Дика Прайса: «*Человеческое страдание происходит из обеднённости бытия! Обеднённость бытия означает бытие, лишённое свободы, смысла, перемен, выбора и личной ответственности.*» [15]. В этом определении невроза также видно соединение предельной философии и конкретной психотерапевтической практики.

Интересно, что в ключевой книге по гештальт-терапии («Теория гештальт-терапии», 1951) первая часть посвящена теории и философии, а вторая – упражнениям и практикам, и по этому, чисто формальному, моменту два направления также обнаруживают сходство. В современной литературе по стоицизму вначале идет изложение философских идей, а дальше упражнения и определенные техники для жизни.

Одна из часто упоминаемых практик стоиков называется *негативная визуализация*. Очень упрощенно, суть этой практики заключается в том, чтобы представить (в некоторых вариантах – продумать) худший вариант развития событий и радоваться тому, что есть сейчас. Вообще в философии стоицизма, как и в гештальт-подходе, существует большое разнообразие различных упражнений, техник для работы с собственным психологическим состоянием. В частности, еще одним примером стоической практики являются *задания на день*, стоик пробует в течение дня не жаловаться на жизнь, не ныть по поводу тех или иных «негативных» жизненных обстоятельств.

Если почитать практикум по гештальт-терапии, гештальт-семинары Ф. Перлза, то там можно встретить много похожих практик, форм работы с воображением и повседневными установками. В гештальт-семинарах Ф. Перлз предлагает участникам группы визуализировать то место, в котором они бы хотели оказаться сейчас, вообразить его, а потом вернуться обратно в здесь и сейчас, и так несколько раз, для достижения интеграции чувства актуального и воображаемого. Гештальт-терапевт для профессионального развития может попробовать дать себе установку всю сессию с клиентом работать через утверждения и не задавать множество «пустых» вопросов. В гештальт-терапии вопрос рассматривается как форма манипуляции, за вопросом всегда есть скрытое утверждение, но не всегда человек хочет брать ответственность за это утверждение.

Философы древней Греции часто для создания определенного *настроения познания* прибегали к из-

менению состояния сознания и достигали его разными способами, в частности, голоданием, помещением себя в неблагоприятные условия, стоики отказывались от удобств и благ цивилизации, перегревались, переохлаждались, ограничивали себя в чем-либо и т.д. Платон, Демокрит и другие философы использовали голодание и другие физиологические воздействия для активации мыслительной деятельности. Гештальт-терапевты, конечно, не так радикальны в своей терапевтической работе, как философы древности, но в практической части книги Ф. Перлза «Эго, голод и агрессия» есть много примеров, если так можно выразиться применительно к гештальт-подходу, работы на физиологическом уровне, работы по исследованию своего пищевого поведения, практик пережевывания пищи и концентрации на еде. Во времена Эсалена (Esalen) Вилл Шутц длительно жил на мхе и воде для «беспощадного» духовного роста.

Читая стоиков и удерживая в голове идеи гештальт-терапии, также можно заметить сходство между этими школами по тем *целям*, которые они ставят в работе с людьми. В одной из последних своих книг Ф. Перлз указывал на то, что цель гештальт-терапии и других серьёзных психотерапевтических школ – *помочь человеку повзростеть*. Подобную мысль и схожую цель философского праксиса, можно встретить и в стоической литературе. Цель стоицизма – помощь в воспитании «качественного» человека, т.е. добродетельного. В греческом языке есть понятие *арете*. Изначально в греческом языке это понятие было связано с понятием соответствия цели или функции, обозначая «собранность, слаженность, пригодность» всякой вещи или существа. Каждая вещь обладает арете, т.е. качеством. Можно говорить об арете молотка, стола, компьютера, дома и человека. Аристократия – это власть качественных людей. Стоицизм помогает в формировании, воспитании добродетельного, т.е. качественного, человека.

В контексте темы добродетельного человека (качественного человека, взрослого) для психологов-практиков может быть интересна интерпретация вопроса о счастье и достижимости счастья в стоической философии. Счастье в стоицизме понимается как высшее благо, но важна трактовка счастья, способ его достижения. Счастье понимается не в гедонистическом смысле как удовлетворение своих потребностей, а в *эвдемоническом* смысле, т.е. практики (развития) добродетели. Например, одна из стоических добродетелей – *мужество*, которому П. Тиллих посвятил одну из самых известных своих работ «Мужество быть».

Анализируя сходство гештальт-подхода и философии стоицизма на идейном и терминологическом уровнях, важно помнить, что за внешним сходством между гештальт-подходом и философией стоицизма могут скрываться серьезные различия. Например, в работах Марка

Аврелия можно найти такую мысль: «Человеку должно жить в соответствии с собственной природой». Идея, посыл жить в соответствии со «своей природой» при первичном знакомстве со стоицизмом может показаться близкой к тому, о чем писали классики гештальт-терапии: об организмической саморегуляции, спонтанности, мудрости тела и т.д. Здесь можно ошибиться, поспешив в интерпретации понятия «природный». В современном мире и в гештальт-терапии, в частности, в понятие «природный» вкладывается иной смысл, нежели в философии стоиков. «Природу человека» стоики отождествляют с природой мирового логоса, разума. «Каждый человек – это частичка, искра мирового разума», – говорил Эпиктет, и жить в соответствии со «своей природой» – это в первую очередь жить, руководствуясь нашей разумной частью, т.е. божественной. *Хегемоникон* – ведущее, управляющее начало души, фрагмент мирового логоса. Природный для стоиков не значит биологический, организмический, спонтанный, жизненный, а значит, скорее, рациональный, разумный, логический. Соответственно, *главной добродетелью* в стоической этике является умение жить в согласии с разумом.

Еще одной важной добродетелью или целью стоицизма является достижение *апатии*. Апатия для стоиков – это *деятельное бесстрашие*, а не болезненное состояние личности, связанное с утратой желаний, воли и сниженным эмоциональным откликом, как оно понимается в современной психиатрии и психологии. С апатией, так же как и с идеей «жить согласно природе», можно ошибиться при знакомстве со стоическим праксисом. Действительно, первоначально апатию можно понять как патологическое состояние, но в дальнейшем, если начать её рассматривать как *деятельное бесстрашие*, то можно увидеть определённое сходство с идеями из гештальт-терапевтической теории и практики.

С одной стороны, можно рассмотреть нахождение в состоянии *стоической апатии* как нахождение в *точке предразличия* (Фридландер): наблюдение развития феномена в разных направлениях и попытка удерживать полноту, объем его восприятия. С другой стороны, эту установку, позицию можно рассмотреть как паузу, как некоторую точку сборки, остановку человека перед тем, как совершить поступок или отреагировать на ту или иную ситуацию. Е. Калитеевская часто в своих лекциях и статьях, посвященных гештальт-терапии цитирует Р. Мэя: «Человек находится в паузе между стимулом и реакцией» [3]. В этой паузе – «остановке в жизни» – человек иногда впервые начинает слышать себя, свои потребности и интересы. В такой интерпретации можно заметить уже более «сильную» параллель (сходство) между современной психотерапией и стоическим праксисом.

Для развития способности к деятельному бесстрашию у стоиков есть определённая техника *бдитель-*

ного внимания. Суть техники в том, чтобы не спешить с присвоением того или иного суждения, интерпретации событиям (впечатлениям) жизни. Не спешить давать «согласие» привычному, в чем-то автоматическому пониманию тех или иных событий. Эта техника, такое понимание стоиками работы сознания (*лектон* – часть души человека по версии стоиков, которая все называет и интерпретирует) человека, актуальна и в современных психологических направлениях: гештальт-терапии и когнитивной психотерапии. В гештальт-терапии подобную практику используют для повышения осознанности, профилактики эмоционального отреагирования, т.е. возможности жить чувствами, а не аффектами.

Размышляя о том, как стать безмятежным, счастливым и понимать, на что стоит тратить силы, а на что – нет, стоики много внимания уделяли вопросам *контроля*. В современной стоической философии эта тема сформулирована как *дихотомия контроля*. Стоики утверждают, чтобы быть счастливым, надо знать, что в нашей власти и что мы можем изменить, а что не в нашей власти, что мы не можем проконтролировать, о чем можно не думать, «выбросить из головы». Так, попадание стрелы, выпущенной из лука в цель, зависит от многих факторов: подготовленности стрелка, качества снаряжения, скорости ветра, подвижности цели и т.д. В нашей власти то, какой мы лук выберем, его качество, наша подготовленность, профессионализм, остальное – вне нашего контроля, поэтому лучше сосредоточиться на том, что в твоей власти, и на это тратить силы, а об остальном не думать, чтобы лишний раз не переживать. Стоики рекомендуют составить список, разделить все вещи в жизни на две группы, те, которые в нашей власти, и те, которые вне нашей власти. Эпиктет считал, что в нашей власти находятся наше мнение, стремление, желание, уклонение. Вне пределов нашей власти наше тело, имущество, доброе имя, государственная карьера – все, что не наше.

В гештальт-семинарах Ф. Перлз пишет о вопросе контроля. В частности, он пишет, что существуют два вида контроля: *внешний контроль* – это когда меня контролирует мое окружение, другие люди, их требования, оценка, мнения и так далее, и *внутренний контроль*, который возникает внутри каждого организма – наша собственная природа. Глубинное доверие внутренней регуляции. С этого вопроса в гештальт-семинарах он начинает излагать свой взгляд на природу человека, зрелость и раскрывает базовые понятия гештальт-терапии. В стоицизме и в гештальт-терапии поднимаются вопросы контроля, но совершенно в разном ключе, сходство только внешнее, а содержательно Эпиктет и Перлз говорят совершенно о разных вещах.

Сильное содержательное различие не отменяет сходства, проявляющееся при первичном прочтении, которое стимулирует к более глубокому пониманию

этих вопросов в каждом из походов. Разность содержания, контекстов рассмотрения не отменяет интереса в сравнении понимания контроля и подходов к нему в стоицизме и гештальт-терапии.

Стоицизм в психотерапевтической практике

Некоторые идеи стоицизма хорошо интегрируются в психотерапевтическую практику. Отдельные стоические «мыслительные формулы» выступают своеобразными «философскими помочами» деятельности психотерапевта. Психологи, психотерапевты часто, сами того не замечая, используют стоические идеи. В профессиональной деятельности у многих психологов есть любимые притяжки, фразочки, которые постоянно, часто навязчиво, крутятся в голове и иногда к месту или не к месту произносятся ими как реакция на жизненную ситуацию клиента или комментарий к ней. Если психотерапевт проведет ревизию идей, которые вплетены в его практику, то, возможно, часть из них будет принадлежать философии стоицизма. Интересно и, скорее всего, полезно для развития частной практики будет систематизировать эти мысли: о чем они, какая у них философская подоплека и история происхождения, – возможно, тогда психолог больше поймет основания собственной психотерапевтической философии. Своеобразная «интеллектуальная охота» на самого себя в процессе работы.

Рассмотрим стоические идеи, которые уже использует психотерапия и которые легко ложатся в повседневную работу психотерапевта. Некоторые из этих мыслей сформулированы как короткие ироничные определения, например, «человек – это душа, отягощенная трупом» – лаконичное определение человека, данное Эпиктетом, отсылает философов к вопросу дуализма души и тела, а психологов к психофизической проблеме.

Хорошо известная «молитва» о душевном покое, используемая в двенадцатишаговой программе, своими идейными корнями также восходит к стоицизму, в частности, к вопросу о дихотомии контроля, о том, над чем у нас есть власть, а над чем – нет [12]. «Молитва» звучит следующим образом: *господи, дай мне разум и душевный покой принять то, что я не в силах изменить, мужество изменить то, что могу, и мудрость отличить одно от другого!* Эта «молитва» не дает сама по себе ответа, но выступает мыслью, обдумывая которую можно что-то понять о собственной жизни и о жизни клиента. Для терапевта она может быть руководством к пониманию, на что стоит тратить силы в работе, а на что – нет. Что терапевт может сделать для клиента или клиент может сделать в своей жизни, а с чем лучше примириться, что отгоревать и отпустить.

Более лаконичной, но не менее глубокой по содержанию и отражающей идею, схожую с идеей «молитвы» о

душевном покое, является фраза, приписываемая стоикам, «*делай что должен и будь что будет*». Сосредоточиться на том, что в твоих силах, делай это последовательно и, возможно, ты достигнешь того, что тебе важно. Психотерапия – это часто борьба за миллиметры, получить шанс на шанс. Здесь нет семимильных шагов, суперинсайтов, открытий, часто это последовательная, поступательная работа, в которой формируется человек.

Еще одна фраза, принадлежащая стоиками, звучит следующим образом: «*дорогу осилит идущий*». В жизни, психотерапии часто цель далека, образ будущего зыбок, собственных сил мало, а тревог много, и если впереди видны только сложности, испытания и невзгоды, то легко отчаяться и опустить руки. Терапевт, понимая свою жизненную ситуацию и понимая жизненную ситуацию клиента, может где-то внутри себя произносить эти слова, а иногда и вслух клиенту. Чтобы обрести мужество, поддержать клиента в моменты жизненного трепета, жить дальше и хоть как-то в беспросветной тьме видеть далекий шанс, найти силы для первого шага, подходит эта внутренняя стоическая, в чем-то философски-суггестивная, иррациональная формула, апеллирующая к надежде. Габриэль Марсель говорил, что все, что нас заставляет жить дальше – это надежда.

«Проблема – это учитель» также одна из известных стоических мыслей, о ней можно подумать по-разному. С одной стороны, эта мысль отсылает гештальт-терапевтов к статье Р. Резника «Яд в курином бульоне» [14], общий смысл которой в следующем: не спешите успокаивать клиентов, лишать их сложностей, часто за счет сложностей, вызовов клиент развивается, а для психотерапии необходим определенный уровень напряжения в жизни клиента. Для некоторых клиентов «плохо» – это хорошо. Благодаря этому «нехорошо» они начинают меняться. Не надо спешить облегчать жизнь клиента, убирать у него напряжение, утешать и успокаивать его. Клиенты, которым озвучивают тяжелый диагноз и которые сразу начинают принимать антидепрессанты, часто эмоционально более спокойно (приглушенно) переживают сложившуюся ситуацию, но в тоже время не извлекают из нее смысл, не проживают ее, остаются эмоционально блеклыми, заблокированными, то есть, по сути, не проживают кризис и не горюют в полной, трансформирующей мере. Ф. Перлз писал о том, что искренние слезы свидетельствуют том, что человек переживает эмоциональную трансформацию. С другой стороны, восприятие *проблемы как учителя* позволяет терапевту быть с клиентом, у которого в жизни произошло мощное, сильное травмирующее событие: радикальное изменение здоровья, финансового положения, отношений, социального статуса и т.д. В этих ситуациях важна точка зрения. Принимая стоическую точку зрения и относясь к проблеме, сложности как к учителю, можно гибче относиться к ситуации, не застревать в ней (эмоционально блокиро-

ваться, в ужасе замирать), а пробовать размышлять, видеть возможные перспективы.

Философия стоицизма – максимально секулярная (светская) философия. Одно из базовых понятий, наряду с *apatией*, *фронезисом*, *арете*, – это идея долга (катикона). Философ-стоик не бежит от мира, не погружается в грезы, а стоически выполняет свой социальный долг. М. Аврелий в своем дневнике писал о том, что, конечно, хочется все бросить и уехать в домик в провинции, но это будет для него как для философа, гражданина и человека онтологическим крахом. Важно активно участвовать в социальной жизни и выполнять свой социальный долг перед обществом. Человек – это разумное, социальное существо, и важно участвовать в социальной жизни. Стоицизм – это не бегство, эскапизм как одна из патологических стратегий в ситуации социальной аномии, не аскеза и укрытие во внутреннем мире, а мужественное участие в жизни общины, города. Мысль о социальном долге стоиков выглядит очень оздоравливающей в современном мире.

Идея катикона в чем-то похожа на понятие *социального интереса* А. Адлера, где личная неполноценность преодолевается не за счет наращивания власти, индивидуального превосходства, а за счет социального интереса, совместности, взаимопомощи: мы в этом мире, чтобы помочь друг другу состояться. Сейчас редко поднимаются темы долга. Неким манифестом циничности современного человека может быть фраза «всем, кому я должен, я всем простил!» Разговоры о моральном, социальном долге, часто вызывают резкое отторжение, неприятие как в индивидуальной психотерапии, так и групповой. Такое забвение социального, морального долга резко контрастирует с тем, насколько много сейчас людей с финансовыми долгами. Можно предположить, что забвение морального долга приводит к увеличению финансовых долгов. Вытеснение своих моральных обязательств возвращается человеку в виде финансовых обязательств.

В современном контексте идея стоиков о социальном долге (катиконе) может быть также очень продуктивной, мыслеобразующей идеей в практической работе любого терапевта. Если для современного человека поход в офис – это рутинное, утомительное, часто бессмысленное занятие, то для античного человека, стоика поход в офис как раз есть выполнение социального долга и является важной добродетелью!

Мудреца судьба ведет, а глупца тащит. Эта известная стоическая идея содержательно имеет сходство с определением свободы Б. Спинозы, с которым в дальнейшем соглашались и Г. Гегель, и К. Маркс: свобода – это осознанная необходимость, только у стоиков изначально определение звучало несколько иначе, свобода – это

познанная необходимость. Можно предположить, что определение свободы как осознанной необходимости, сформулированное Б. Спинозой в XV веке, восходит к вышеизложенной стоической идее. Специалист по философии античности Виктор Лега в статье о стоицизме на это буквально указывает [4]. Для гештальт-терапевтов данная, с виду абстрактная, глубоко философская формула имеет важное практическое значение.

Во-первых, по сути, это и есть формулировка теории парадоксального изменения А. Бейсера о том, что мы меняемся тогда, когда признаем очевидное, т.е. принимаем то, что есть, соглашаемся с действительностью, принимаем ее неизбежность. Соглашаясь с необходимостью, мы становимся свободными и меняемся. Несчастлив тот, кто не знает освобождающей силы правды, писал св. Августин. После принятия правил реальности, приходит что-то вроде смирения. С тем, с чем мы смирились, уже можно иметь дело, играть, экспериментировать, то есть опираться на подлинность.

Во-вторых, Ф. Перлз писал, что мы не можем вытеснить инстинкт, потребность, как об этом писал З. Фрейд, мы можем только игнорировать симптомы, сигналы этой потребности, отключать, избегать сигнализацию, но потребность убрать невозможно. Можно скрывать от других внешние проявления, можно избегать их, можно понизить собственную чувствительность, но потребность устранить нельзя, потому что она необходима, тотальна, т.е. в каком-то смысле она и является «конкретной правдой» для этого организма, для этой ситуации. Осознав потребность, согласившись с ней, мы можем начать искать хорошую форму для ее удовлетворения. Как только мы признаем абсолютное требование ситуации, не избегаем ее, находим конечное, мы начинаем это переживать не как внешнее требование, а как свое. Не меня заставляют, а я хочу, мне должно это выполнить и пойти дальше.

Критика стоицизма

Для Стоиков одним из важных условий мира является разумность мирового логоса и части, искры логоса в человеке – его разума. Такое понимание мира, его разумности, развивалось в европейской философии вплоть до начала XX века. Возможно, античная философия еще не осмыслила крах в тех масштабах, в которых он проявился в дальнейшем. Природа (фюзис) для стоиков видится гармоничной: все разумно, предустановлено, все угодно богу. В таком понимании мира стоик находит некоторое утешение, все идет по замыслу божьему, и это «все»: зло, грех, смерть, глупость и т.д. – вписывается в благо, замысел божий. Но это самоуспокоение, отказ быть открытым опыту Я в мире и не переживать страх, отвращение, боль от встречи с уродством (drek) жизни.

М. Мамардашвили писал о том, что вся философия XX

века – это попытка осмыслить первую мировую войну [5]. Для многих философов, людей XX века было шоком происходящее на фронтах Европы; люди, которые верили в бога как в гаранта, в разумное, в развитие, в прогресс, столкнулись с ужасным технологическим варварством, массовыми ужасами войны. К. Ясперс писал о том, что стоики не допускали мысли о возможности безумия логоса и искры логоса в нас [18]. Если для стоиков хоть в логосе можно было обрести устойчивое основание понимания мира, собственного существования, то XX век сталкивает человека с «ненадежностью всякого мирового бытия», человек переживает крах и лицом к лицу сталкивается с *ничто*.

Стоик хочет защититься от мира, не быть вовлеченным в него. Одна из рекомендаций практической стоической философии – найти себе образ для подражания и следовать ему. Данная установка скорее всего приведет к невротическому опыту. Ф. Перлз указывал в поздних работах, особенно при анализе современных психологических направлений, что важно различать самоактуализацию *образа я* и *подлинного я*. В первом случае через некоторое время человек станет серьезно невротичен и начнет цепляться за придуманный образ, превратится в набор устаревших привычек, карикатуру на подлинного человека. Стоицизм может направлять в сторону формирования образа я, желаемого человека, а не спонтанного, творческого я. Стоик создает идеал, которого стоит достигать и, как бы сказал Ф. Перлз, сразу сталкивается с контрсилами, которые саботируют этот процесс, и человек вовлекается в саморазрушительные игры.

В таком понимании стоицизм может напоминать одну из форм *shudisma* (вмешательство в саморегуляцию организма). В статье о нарциссизме Е. Калитеевская пишет, что при нарциссизме ценность сохранения образа вступает в диалог с ценностью опыта! Также в этом контексте интересно, что в гештальт-семинарах, описывая слои невроза, уровень ролей Ф. Перлз называл *синтетическим уровнем*. Можно предположить, что, описывая этот уровень как синтетический, он указывал на соединенные вместе и *подлинное я*, и *образ я*. И пока жизнь позволяет, человек находится на этом уровне существования, т.е. в существовании человека соединены в синтетическом единстве образ и подлинность. Если человек существует только на этом уровне, рано или поздно он сталкивается с фобическим уровнем, уровнем тупика. Человек держится за образ я, образ важнее удовлетворения, спонтанности, ценности опыта. В какой-то момент возможна капитуляция и прорыв к подлинности бытия (смерть я). Г. Бейтсон пишет: «С признанием неизбежности некоторых вещей приходит что-то вроде свободы. После такого признания приходит умение действовать» [1]. Образ Я, возможно, равнозначный игрок, если стремиться к подлинности, то будет усиливаться полюс образа. На данном уровне невроза, возможно, это значимая пара, и они до-

полняют друг друга, как день и ночь, собака сверху и собака снизу. Здесь все диалектично, желая себе счастья и прикладывая усилия, чтобы достичь его, мы усугубляем собственную «несчастье», развивая «умность», мы отрезаемся от глупости – редко кто-то может сказать, что ему важна его глупость. Если кто так скажет, то, скорее всего, он достаточно сбалансированный, целостный, а значит в чем-то и психологически здоровый человек.

Один из образов стоика – беспристрастный философ, достигший *apatии* (атараксии) и контроля над страстями и аффектами. Действительно, в стоической этике и философской практике одна из важных целей – достижение апатии – философского безразличия или атараксии – безмятежности. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий *apatию* понимали как *умение властвовать над собой*. В такой формулировке это очень похоже на один из центральных механизмов формирования невроза в гештальт-терапии, а именно *self-conquest* – самозавоевание, победа над собой. В статье, посвященной пониманию невроза в гештальт-терапии, О. Немиринский [6], уточняя перевод классической работы по гештальт-терапии, пишет: «Невроз – это победа над собой. Английское *self-conquest* – это никак не само-угнетение, а именно самозавоевание. Невротическое расщепление по Ф. Перлзу – это сочетание «победителя» и «побежденного», это возможность всегда быть победителем, так как побежденный всегда под рукой, и это – он сам» [6]. Властвование над собой, самозавоевание – саморазрушительные формы обхождения со страстями и аффектами и один из механизмов формирования невротического поведения. Контроль страстей также достаточно грубая форма обхождения с потребностями, это хорошо отображено в истории про двух буддийских монахов, когда один поднял женщину и перенес ее через бурный поток, а второй, думая, можно так было поступать или нельзя, всю дорогу «нес» ее в своих мыслях. Хорошим примером несостоятельности подхода стоиков к чувствам и переживаниям является описание работы с горем в книге по стоицизму «Радость жизни. Философия стоицизма для XXI века» У. Ирвина [2]. Конечно, это современная интерпретация стоицизма, но все равно видно, как грубо и несколько по-дилетантски автор предлагает работать с утратой.

Общие замечания и выводы

Лора Перлз писала, что гештальт-терапия помогает сделать сносной жизнь в этом падшем мире. Стоицизм и Гештальт-терапия – два философско-психологических направления с разницей в возрасте в сотни лет – пытаются помочь человеку сориентироваться в этом мире и хоть как-то сделать удобоваримой жизнь в нем. Оба подхода помогают человеку встретиться с *ничто*, но один предлагает отгородиться от *ничто* разумом, интеллектуальными конструкциями, долженствованиями и идеальными образами, а второй, каким бы парадоксальным

это не казалось, предлагает стать *ничто*, найти в нем опору, находит в *ничто* основу для творчества, игры и жизни. Стерильная, безжизненная пустота становится творческой, порождающей пустотой.

Гештальт-подход стоит на более фундаментальных (универсальных) основаниях, нежели стоицизм. Гештальт-терапия дает более целостное видение человеческого бытия. Стоицизм изолирует и абсолютизирует разум, что приводит к однобокости и порождает ложные дихотомии – разум/тело, спонтанное/произвольное и т.д. Если в основе стоицизма вера в разумность логоса, а это, как выразился Ж.-П. Сартр, психологично и излишне оптимистично, то в основе гештальт-терапии вечно возникающая и исчезающая череда построения и разрушения гештальта. Ф. Перлз писал о том, что гештальт-терапия подлинно экзистенциальная терапия, и она стоит на своих ногах в отличие от философии того же М. Хайдеггера, П. Тиллиха и М. Бубера и опирается на первичный биологический факт возникновения потребности [9, 10].

Идеи гештальт-терапии в сравнении со стоицизмом в западной философской традиции ближе к досократической философии, а восточным аналогом гештальт-терапии скорее всего является философия Дао. Сократический поворот в философии привел к появлению новых философов и философских школ, стоицизм является одним из множества направлений, которое развивается после этого поворота. Вследствие поворота на греческую мысль сильно стала влиять философия Платона и Аристотеля и синкретичность досократической философии была утрачена. На это указывает и Ф. Перлз: «... *Безопасность заключается в хорошем центрировании, хорошем балансе. Такого рода ориентация характерна для восточной и досократической философии, позже Платон и Аристотель обуздали и исказили мышление путем чрезмерного акцентирования логики* [10]. Ф. Перлз, П. Гудмен часто указывали на то, что они симпатизировали философии Гераклита (Panta Rhei) и Лао-цзы (Дао). Помимо явного указания на важность работ Гераклита и Лао-цзы, в поздних трудах основателей гештальт-подхода можно встретить цитаты из Дао Дэ Цзин: «*Не стой у себя на пути*», «*Не толкай реку*» и т.д. На схожесть понятий «гештальт» и «Дао» указывает и Д. Хломов, в своей статье он пишет: «*Мне интересна параллель между понятием «гештальт» и понятием «Дао». Я считаю эти по-*

нятия идентичными. При чтении книги Лао Цзы можно заменить слово «Дао» словом «гештальт» и ничего не изменится, смысл не изменится совершенно. «Дао» часто переводят как путь. Мне кажется, что точнее говорить о «форме в развитии» [17].

В частных аспектах стоицизм действительно может быть успешно интегрирован в психотерапевтическую работу, например, стоические идеи помогут в кризисные периоды жизни человека. В условиях пограничной ситуации, сумерек души, когда слетают все «стандартные» настройки человека, когда он хватается за все, что угодно, за любую соломинку, когда терпит крах и переживает отчаяние, стоические идеи могут быть тем небольшим утешением, на которое он может опереться.

Стоицизм в какой-то мере подходит для выстраивания философского-этического мировоззрения. У шахматистов есть выражение – лучше играть с плохим планом, чем вообще без плана. Стоицизм привлекателен с точки зрения этического основания для работы психотерапевта. Стоические идеи не дают конечных вариантов «решения» проблемы, но позволяют с философской точки зрения осмыслить ее, думать о ней.

Еще важный момент, который хотелось бы отметить, это то, что такая сильная привлекательность стоицизма объясняется не только трудностью времен, в которые мы живем, но и тем, что психологи-практики плохо понимают собственные экзистенциально-феноменологические основания. После образовательных программ гештальт-терапевты уходят в когнитивно-поведенческую психологию, системную, коучинг, где, как им кажется, все понятней, есть на что опираться. Действительно, гештальт-терапия сложна для понимания, так как она вобрала в себя достижения философии и психологии XX века, феноменологию, экзистенциализм, философию диалога и гештальтпсихологию. Без понимания феноменологии невозможно понимание философии XX века в целом и содержания и уникальности гештальт-терапии в частности.

В силу сложности гештальт-терапии ее можно понять упрощенно либо вообще отказаться от ее понимания и уйти в ранние концепции, которые уже успешно ассимилированы культурой, популяризированы и легче понимаются обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейтсон, Г. Разум и природа: неизбежное единство. / Г. Бейтсон. – М.: «КомКнига», 2007. – 248с.
2. Ирвин, У. Радость жизни. Философия стоицизма для XXI века / У. Ирвин. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 334с.
3. Калитеевская, Е. Гештальт-терапия. Размышления. Статьи. Эссе. Е. Калитеевская. – М.: Постатор, 2021 – 209с.
4. Лега, В. Стоики [Электронный ресурс] URL: <http://Pravoslavie.ru/88824.html> дата публикации 17 декабря 2015г. (дата обращения 21.06.2022)
5. Мамардашвили, М. Очерк современной европейской философии / М. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, 2014. – 608с.
6. Немиринский, О. Пространство терапии. Переживание, отношение, деятельность / О. Немиринский. – М.: МИГТик ИОИ, 2020. – 320с.

7. Осин, Е. Аутентичность / Е. Осин // Журнал Восточно–европейской ассоциации экзистенциальной терапии. Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2/2004 (5). – С. 88 – 93.
8. Переслегин, С. Причина кризиса [Электронный ресурс] URL https://www.youtube.com/watch?v=ZdqEgC_Vot8 Причина кризиса. Сергей Переслегин и ГРУППА КБ. Дата публикации 13 ноября 2021г. (дата обращения 14.07.2022)
9. Перлз, Ф. Гештальт–семинары. / Ф. Перлз. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2010. – 336с.
10. Перлз, Ф. Психопатология осознания / Ф. Перлз; под редакцией Жана–Мари Робина и Чарльза Боумана. – КАЗАНЬ.: Издательство Казанского университета, 2021. – 220с.
11. Перлз, Ф. Теория гештальт–терапии / Ф. Перлз. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. – 384с.
12. Пильюччи, М. Как быть стойким. античная философия и современная жизнь / М. Пильюччи. – М.: Альпина нон–фикшн, 2018. – 279с.
13. Попов, Д. Критика Ж.–П. Сартром стоицизма как воинской моральной философии в «Дневниках странной войны» / Д. Попов // Манускрипт: История. Философия. Искусствоведение: научный журнал том 12. 9/2019. – С. 76 – 80.
14. Резник, Р. Цыплячий суп – яд [Электронный ресурс] URL [https:// Статьи / Восточно–Европейский Гештальт Институт \(vegi.ru\)](https://Статьи/Восточно–ЕвропейскийГештальтИнститут(vegi.ru)) (дата обращения 14.07.2022)
15. Руководство по гештальт–терапии в традициях Дика Прайса / Под редакцией Джона Ф. Каллагана; пер. с англ.яз. В.Степаненко. – Киев.: Издатель Ростислав Бурлака, 2016. – 400с.
16. Тиллих, П. «Мужество быть». / П. Тиллих. – Киев.: Дух і Літера, 2013. – 200с.
17. Хломов, Д. Гештальт, Дао и Психоанализ / Д. Хломов // Философия гештальт–подхода. – М.: Библиотека гештальт–терапевта, 2015. – 200с.
18. Ясперс, К. Введение в философию. Философская автобиография / К. Ясперс. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. – 304с.

© Голдобин Евгений Станиславович (Eugen.goldobin@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РАННЕМ И ПОЗДНЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Гудименко Оксана Викторовна

кандидат психологических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения (ОмГУПС)
gudimenko.oksana@mail.ru

GENDER IDENTITY IN EARLY AND LATE ADOLESCENCE

O. Gudimenko

Summary: The problem of gender representations of a person about himself today attracts more and more attention of psychology. The relevance of this kind of research at the present stage of society's development is due to a number of problems: the rejection of traditional ideas and the uncertainty of reference stereotypes of masculinity and femininity; a decrease in the effectiveness of the young generation performing social, social, family and parental roles and functions; the aggravation of problems of marriage, divorce, loneliness; a drop in the birth rate, an increase in the number of abortions and children born out of wedlock; the growing number of such special psychological experiences of the individual as role conflict, the problem of dual identity, the crisis of masculinity, the fear of losing femininity, the crisis of failed masculinity, etc. This, in turn, actualizes and defines the problem of theoretical understanding of the dynamics of the relationship between gender identity and existentials of being from early adolescence to late.

Keywords: gender identity, muscularity, femininity, adolescence.

Аннотация: Проблема гендерных представлений личности о себе на сегодняшний день привлекает все большее внимание психологии. Актуальность такого рода исследований на современном этапе развития общества обусловлена целым рядом проблем: отказом от традиционных представлений и неопределенностью эталонных стереотипов мужественности и женственности; снижением эффективности выполнения молодым поколением социальных, общественных, семейных и родительских ролей и функций; обострением проблем брака, разводов, одиночества; падением рождаемости, ростом числа аборт и детей, родившихся вне брака; ростом числа таких особых психологических переживаний личности, как ролевой конфликт, проблема двойной идентичности, кризис маскулинности, страх потери феминности, кризис несостоявшейся маскулинности и т.д. Это, в свою очередь, актуализирует и определяет проблему, заключающуюся в теоретическом осмыслении динамики взаимосвязи гендерной идентичности и экзистенциалов бытия от раннего юношеского возраста к позднему.

Ключевые слова: гендерная идентичность, маскулинность, феминность, юношеский возраст.

Вопрос о гендерном становлении личности, ранее рассматривавшийся с точки зрения изучения половых различий, полового просвещения и семейных отношений, все чаще поднимается в науке с точки зрения исследования аспектов конструирования гендерной идентичности в отношении личности к осмыслению окружающего мира и стремлению к самореализации в контексте современной культуры.

За последнее десятилетие значительно усилился исследовательский интерес к анализу и определению роли и значения самой личности в процессе конструирования гендерной идентичности (Т.В. Бендас, Е.А. Здравомыслова, И.С. Клецина, И.С. Кон, Н.Ю. Флотская, П. Бергер, Т. Лукман, Л. Иригарэй, Р. Коннелл, Э. Сиксу, и др.) Большинство авторов в своих исследованиях делает акцент на изучении механизмов реализации и кризисов гендерной идентичности в различных пространствах жизнедеятельности личности в контексте современной культуры: профессиональной, семейной, политической, телесной и т.д.

Кроме того, в современных психологических исследованиях проблема личностной реализации рассматривается в контексте персональности, субъектности, аутентичности, самоактуализации, экзистенциальная ис-

полненности (К.А. Абульханова-Славская, Д.А. Леонтьев, А. Лэнгле, К. Роджерс, Ф. Франкл, И. Ялом и др.). Научные исследования, проводимые в данном направлении позволяют более детально определить одну из важнейших составляющих психической реальности личности – смысл жизни и личностный смысл как вершинные регуляторы, которые определяют процесс достижения баланса между внешним и внутренним в личности, а так же направляют ее деятельность и траекторию развития.

Юношеский возраст является ключевым периодом развития личности, и в психологических исследованиях как зарубежных, так и отечественных авторов, трактуется как возрастной этап изменения деткой зависимой позиции на самостоятельную, ответственную позицию. Именно в это период происходит становление мировоззрения, определяется жизненная позиция, формируется идеологическая и гражданская зрелость. По мнению многочисленных исследователей (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, М.Р. Гинзбург, Д.И. Рубинштейн, Д.И. Фельдштейн и др.) юношеский возраст характеризуется зарождением значимых новообразований, детерминирующих развитие значимых личностных структур и является во многом смысле судьбоносным для дальнейшей жизни человека. [5; 18]. По мнению большинства исследователей, главными психологическими новообразованиями

этого возрастного периода являются: ориентация на определение себя в профессии; планирование собственной жизни; стремление к самоопределению; устойчивое самосознание; наличие адекватной самооценки; стремление к самовоспитанию; определение жизненной позиции и т.д. Именно в этот период молодой человек открывает и начинает исследовать свой внутренний мир, а в последующем осмысливать временные перспективы структурируя свое настоящее и планируя будущее

В этот период возрастного развития молодые люди начинают впервые задумываться над экзистенциальными вопросами о смысле и цели своей жизни.

Развивая рефлексивно-регулятивный подход, А.С. Шаров вводит понятие чувство собственной значимости как базовый экзистенциальный феномен и основную детерминанту человеческого самоосуществления. Юношеский возраст является одним из основополагающих для поиска важного и значимого в процессе познания внутреннего мира, а основой для этого является активизация аффективной сферы, а именно повышение чувствительности, эмоциональной подвижности и процессов возбуждения и торможения.

Развитие самосознания и возрастающий интерес к собственному «Я» в юношеском возрасте обуславливается процессами полового созревания и вытекает непосредственно из процессов полового, и физического развития, которые являются неотъемлемыми атрибутами взросления, которое находится под пристальным вниманием окружения.

Одним из важнейших психологическое приобретений юности, является открытие своего внутреннего мира. В этот период молодые люди приобретают способность погружаться в себя, исследовать свои переживания, что позволяет им встречаться с новым чувственным опытом, через постижение красоты окружающего мира и новыми ощущениями себя в нем. В этот период начинают по-другому переживаться эмоции и чувства, они осознаются как часть целого собственного «Я», а объективная информация, поступающая из вне побуждает молодого человека к интроспекции.

Базовым компонентом самосознания выделяется осознание себя представителем определенного пола, которое формирует одну из сторон личностной идентичности - гендерную. Согласно И.С. Кону, гендерная идентичность, т.е. осознанная принадлежность к определенному полу, - это результат сложного биосоциального процесса, соединяющего онтогенез, половую социализацию и развитие самосознания [14]. Процесс осознания себя представителем определенного пола, начавшись в дошкольном возрасте, продолжается, и в подростковом, и в юношеском воз-

расте. Именно эти возрастные периоды в психологии определяются как переходные или кризисные. Именно в эти периоды происходит гендерная идентификация и принятие себя как представителя одного из двух полов.

По мнению многих авторов, формирование гендерной идентификации завершается в позднем юношеском возрасте. Именно в этот период для девушек резко повышается значимость собственной внешности, усиливается потребность нравиться, а самооценка определяется успехами у противоположного пола. У юношей же возрастает значимость силы и мужественности, именно на эти критерии они опираются оценивая себя и других.

Социальные стереотипы, сформированные обществом формируют у молодых людей эталоны гендерной привлекательности и оказывают существенное влияние на их самосознание и самооценку.

У современных юношей и девушек процесс гендерной идентификации проходит в крайне нестабильное время. Многие стереотипные представления, сформированные десятилетиями разрушаются, на смену им приходят трансформированные образцы маскулинности и феминности. Неопределенность в гендерных образах усложняет для молодых людей процесс гендерной идентификации, а следовательно, создает сложности в понимании функций половых ролей. Именно по этому сегодня потребность в прояснении гендерной идентичности в юношеском возрасте стоит гораздо острее, чем несколько лет назад.

Современные юноши и девушки нуждаются в самовыражении и собственном языке, это справедливо в равной степени для обоих полов. Параллельно с поисками себя идут поиски женственности и мужественности. Экспериментирование с ними в процессе нахождения собственных способов существования и переживания экзистенциалов бытия связано с поиском субъективности в стремлении к обретению смысла своей жизни и реализации ведущих мотивов личности.

Таким образом, изучение развития и становления личности в процессе перехода от раннего юношеского возраста к позднему, а также прослеживание динамики м гендерной идентичности, позволяет значительно расширить представление том, как человек научается взаимодействовать с самим собой и миром в процессе своего возрастного развития.

Исходя из актуальности заявленной проблемы, нами было организовано и проведено исследование гендерной идентичности в раннем и позднем юношеском возрасте.

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет».

Выборку составили 140 человек. Из них 76 респондентов в возрасте от 17 до 18 лет и 64 респондента в возрасте от 19 до 21 года. В связи с темой и целью исследования выборка формировалась с учетом равного количества испытуемых мужского и женского пола. Первую группу составили: 39 юношей и 37 девушек, вторую группу составили: 31 юноша и 33 девушки.

Для выявления типов гендерной идентичности и изучения выраженности, дифференциации и интеграции маскулинных и феминных представлений о себе респондентов нами применялась методика опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» О.Г. Лопуховой (ревалидизированная версия российского аналога опросника BSRI С. Бем).

Разработка аналога опросника BSRI С. Бем заключалась в переводе оригинала с соблюдением семантической эквивалентности, в проверке и коррекции содержательного наполнения шкал адекватно гендерным представлениям в российской культуре.

Основными шкалами с помощью которых определяется гендерная идентичность являются:

Шкалы «маскулинность/феминность» представлены следующими характеристиками личности:

маскулинность: смелость, сильная личность, напористость, способность руководить, готовность рисковать, доминирование, мужественность, склонность к лидерству, сила.

феминность: уступчивость, застенчивость, склонность к проявлению чувств, нежность, женственность, сострадательность, мягкость в высказываниях, стремление утешить, дружелюбие.

Результаты, полученные в ходе исследования с использованием данной методики, позволяют выявить степень выраженности, дифференциации и интеграции маскулинности и феминности в структуре гендерной идентичности и сделать заключение о гендерном типе или гендерной недифференцированности личности.

Полученные данные были проанализированы следующим образом: вначале на основе полученных данных с использованием суммарного метода были вычислены средние показатели маскулинности и феминности в структуре гендерной идентичности юношей и девушек в раннем и позднем юношеском возрасте. Полученные данные представлены в таблице 1.

Далее мы провели анализ структуры гендерной идентичности у юношей в раннем и позднем юношеском возрасте. Графически результаты представлены на рисунках 1, 2.

Сравнительный анализ полученных результатов позволил определить динамику развития гендерной идентичности внутри группы юношей, которая отразила, что у молодых людей по мере взросления значительно увеличиваются маскулинные представления о себе и снижаются феминные. Это свидетельствует о том, что от раннего к позднему юношескому возрасту молодые люди в большей степени определяют себя через такие качества личности, как смелость, сила, напористость, способность руководить, готовность рисковать, доминирование.

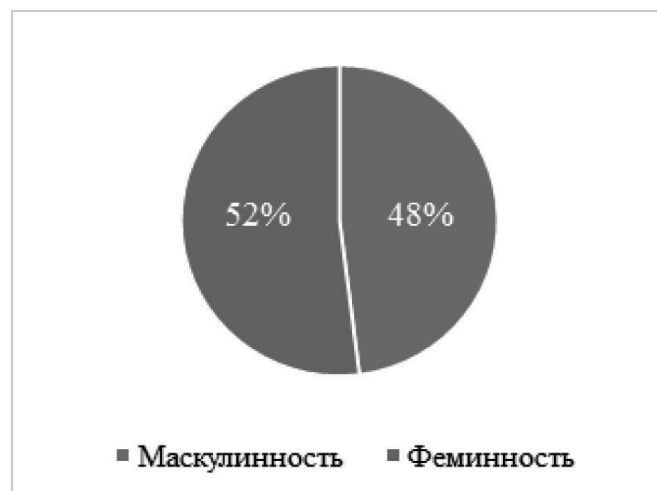

Рис. 1. Средние показатели маскулинности/феминности в структуре гендерной идентичности респондентов-юношей в раннем юношеском возрасте

Таблица 1.

Средние показатели маскулинности/феминности в структуре гендерной идентичности респондентов, %

Пол	Юноши		Девушки	
	Ранняя юность	Поздняя юность	Ранняя юность	Поздняя юность
Количество испытуемых (чел)	39	31	37	33
Шкала				
маскулинность	48%	62%	41%	44%
феминность	52%	38%	59%	56%

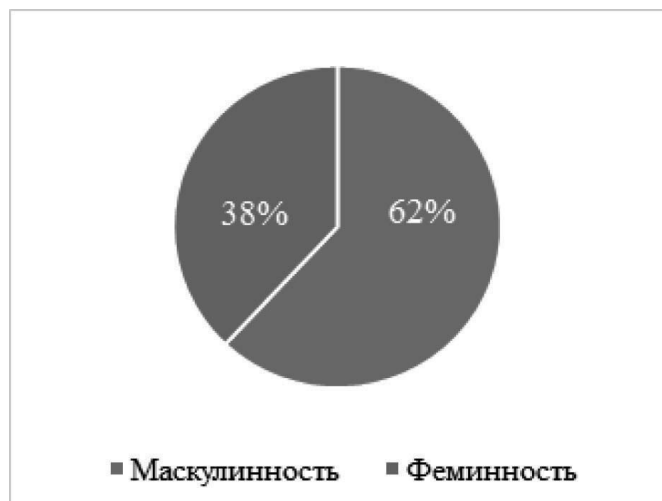

Рис. 2. Средние показатели маскулинности/феминности в структуре гендерной идентичности респондентов-юношей в позднем юношеском возрасте

Затем по аналогии мы провели анализ структуры гендерной идентичности у девушек в раннем и позднем юношеском возрасте. Графически результаты представлены на рисунках 3, 4.

Сравнительный анализ полученных результатов позволил определить динамику развития гендерной идентичности внутри группы испытуемых девушек, которая не отразила значительных изменений в структуре гендерной идентичности у испытуемых девушек: от раннего к позднему юношескому возрасту сохраняется преобладание феминных представлений о себе с незначительным понижением и возрастает количество маскулинных. Из чего следует, что по мере взросления девушки в большей мере представляют себя сквозь призму таких личностных качеств, как уступчивость, застенчивость, нежность, женственность, сострадательность, при этом у них актуализируется и развиваются такие представления о себе, как о смелой, сильной, мужественной, способной руководить и готовой рисковать личности.

Таким образом, нами были выявлена и описана динамика развития гендерной идентичности отдельно внутри групп испытуемых юношей и девушек. Обобщая сделанные выводы и сравнивая динамики развития гендерной идентичности респондентов с точки зрения половой принадлежности, мы считаем необходимым отметить, что

- у юношей и девушек по мере взросления актуализируются и развиваются маскулинные представления о себе;
- в структуре гендерной идентичности респондентов в позднем юношеском возрасте выявлено преобладание гендерных представлений о себе, соответствующих биологическому полу, тогда как в раннем юношеском возрасте у юношей мужского пола выражены как мужские, так и женские представления о себе.

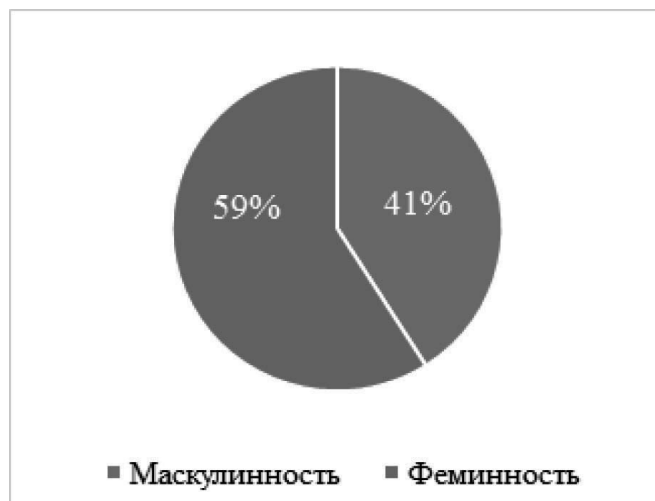

Рис. 3. Средние показатели маскулинности/феминности в структуре гендерной идентичности респондентов-девушек в раннем юношеском возрасте

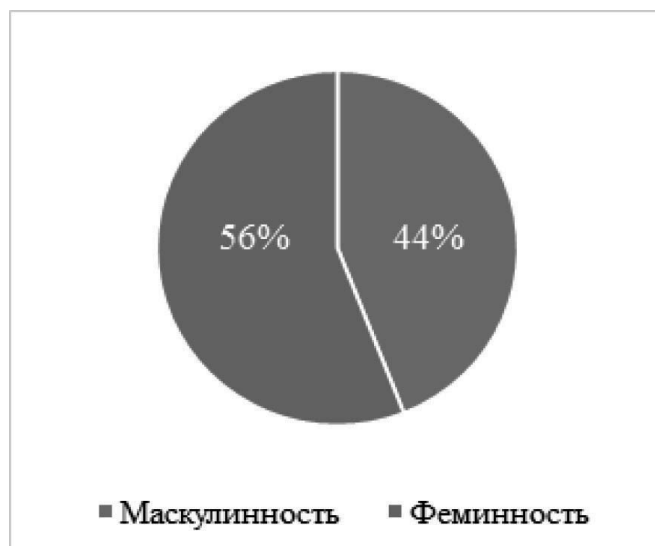

Рис. 4. Средние показатели маскулинности/феминности в структуре гендерной идентичности респондентов-девушек в позднем юношеском возрасте

В ходе дальнейшего анализа полученных данных нами были выявлены типы гендерной идентичности внутри группы респондентов в раннем и позднем юношеском возрасте. Полученные данные представлены в таблице 2.

- Полученные результаты отразили, что
- маскулинный тип гендерной идентичности (маскулинные представления о себе выражены, феминные не выражены) выявлен у 31% юношей и 5% девушек в раннем юношеском возрасте; 29% юношей и 3% девушек в позднем юношеском возрасте;
 - феминный тип гендерной идентичности (феминные представления о себе выражены, маскулинные не выражены) выявлен у 8% юношей и 51% де-

Таблица 2.

Типы гендерной идентичности внутри групп респондентов, %

Пол	Юноши		Девушки	
Возраст	Ранняя юность	Поздняя юность	Ранняя юность	Поздняя юность
Количество испытуемых (чел)	39	31	37	33
Тип гендерной идентичности				
маскулинные	31%	29%	5%	3%
феминные	8%	10%	51%	42%
андрогины	51%	39%	11%	33%
андрогины маскулинные	-	19%	-	6%
андрогины феминные	-	3%	33%	10%
недифференцированные	10%	-	-	6%

вушек в раннем юношеском возрасте; 10% юношей и 42% девушек в позднем юношеском возрасте;

- андрогинный тип гендерной идентичности (феминные и маскулинные представления о себе выражены в равной степени) выявлен у 51% юношей и 11% девушек в раннем юношеском возрасте; 39% юношей и 33% девушек в позднем юношеском возрасте;
- андрогинно-маскулиновый тип гендерной идентичности (феминные и маскулинные представления о себе выражены, при этом маскулинные значительно преобладают) не выявлен у юношей и девушек в раннем юношеском возрасте; выявлен у 19% юношей и 6% девушек в позднем юношеском возрасте;
- андрогинно-феминный тип гендерной идентичности (феминные и маскулинные представления о себе выражены, при этом феминные значительно преобладают) не выявлен у юношей и выявлен

у 33% девушек в раннем юношеском возрасте; выявлен у 3% юношей и 10% девушек в позднем юношеском возрасте;

- недифференцированный тип гендерной идентичности (феминные и маскулинные представления о себе не выражены) выявлен у 10% юношей и не выявлен у девушек в раннем юношеском возрасте; не выявлен у юношей и выявлен у 6% девушек в позднем юношеском возрасте.

Обобщая полученные данные и характеризуя развитие гендерной идентичности с точки зрения присутствия респондентов с разной степенью дифференциации и интеграции маскулинных и феминных представлений о себе внутри группы, мы пришли к выводу о том, что тенденция гендерной идентичности от раннего к позднему юношескому возрасту характеризуется направленностью от андрогинности к андрогинно-маскулинности у юношей, и от феминности к андрогинно-феминности у девушек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Проблема соотношения личности, индивидуальности и субъекта // Сб. Современная личность: Психологические исследования. Сер. «Труды Института психологии РАН» / ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. - Институт психологии РАН. Москва, 2012. С. 17-35.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. / Акад. пед. наук СССР. — М.: Педагогика, 1980. — (Труды действительных членов и членов-корреспондентов Акад. пед. наук СССР) Т. 1 / под ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова; сост. В.П. Лисенкова. — 1980. — 229 с.
3. Бендас, Т.В. Гендерные исследования лидерства / Т.В. Бендас // Вопросы психологии: издается с января 1955 год / Ред. Е.В. Щедрина. — 2000. — №1 январь-февраль 2000. — с. 87-96.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
5. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. — Москва: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1956. — 520 с.
6. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. №11. С. 15-23.
7. Каменская, Е.Н. Педагогическая теория тендерного подхода: основные понятия, принципы и методы / Е.Н. Каменская // Человек и вселенная, 2006, №3. - С.110-115.
8. Клецина И.С. От психологии пола — к тендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. — 2003. № 1. С. 62-78.
9. Клецина И.С. Психология тендерных отношений: Дисс. ... доктора психол. наук: СПб, 2004. — 460 с.
10. Клецина И.С. Тендерная социализация: Учебн. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ, 1998. — 245 с.

11. Клецина И.С. Самореализация личности и тендерные стереотипы. Вып. 2// Психологические проблемы самореализации личности/ Под ред. А.А. Реана, Л.А. Коростылевой. - СПб.: Алетейя, 1998. С. 188-202.
12. Кон И.С. Психология юношеского возраста. — М.: Просвещение, 2001. — 175 с.
13. Кон И.С. Психология половых различий// Вопросы психологии - 1981. № 2. С. 47-57.
14. Кон И.С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности: Сб. ст. / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. — СПб., 2002. С. 24-46
15. Курбанова Л.У. К проблеме гендерной идентичности: социокультурный аспект // Научные ведомости БелГУ. Белгород, БелГУ, 2011. С. 292-298.
16. Лэнгле А.А., Уколова Е.М., Шумский В.Б. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования. — М.:Логос, 2014. — 556 с.
17. Майнина И.Н., Васанов А.Ю. Стандартизация методики «шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер // Психологический журнал, 2010, том 31, № 1. С. 87-99
18. Фельдштейн Д.И. Психология развития человека как личности: избранные труды: в 2 томах. — М.; Воронеж: Изд-во Московского психолого-социально-го ин-та: МОДЭК, 2005. — 566 + 455 с.
19. Франкл В. Воля к смыслу / Виктор Франкл; Пер. с англ. — М.: Альпина нонфикшн, 2018. — 228 с.
20. Шаров А.С. Рефлексивная концепция «я» и сопряжение миров // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — Омск: Издательство ОмГПУ. 2017. - № 4 (17). — С. 39-42.
21. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ./ Общ. ред. Толстых А.В. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. — 344 с.
22. Boss, M. The unconscious: What is it? In K. Hoeller (Ed) Readings in Existential Psychology and Psychiatry. Seattle: Review of Existential Psychology and Psychiatry. Brenner H. The Self Understanding of the Psychotherapist Humanistic Psychologist, — Vol. 16, 1990. P. 141-152.
23. May, R. Dangers in the relation of existentialism to psychotherapy. Psychoanalysis and Existential Philosophy, New York: E.P. Dutton Co. 1962, pp. 178-187 Miles, M. Fundamental ontology and existential analysis in Heidegger's «Being and Time». International Philosophical Quarterly, — Vol. 34, 1994. P. 349-359
24. Van Tilburg M. Crying during adolescence: The role of gender, menarche, and empathy// British Journal of Developmental Psychology, — Vol. 20, 2002. P. 77-87.
25. Wilson M., Liu J. Social dominance orientation and gender: The moderating role of gender identity// British Journal of Psychology, — Vol. 42, 2003. P. 187-198.

© Гудименко Оксана Викторовна (gudimenko.oksana@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Омский государственный университет путей сообщения

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЙСТВИЕМ У СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Кадочникова Ирина Владимировна

Соискатель, Челябинский государственный университет

irishechkadraga@mail.ru

RESULTS ON THE CONTROL OVER THE ACTIONS OF EMPLOYEES OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS

I. Kadochnikova

Summary: The article discusses the features of self-control and self-regulation of employees of the penitentiary system in the construction of their activities. It is shown that the control over the actions of employees of correctional institutions is specific in relation to the specialization of professional activity and length of service. It has been established that employees who are in direct contact with the special contingent in the course of official activities differ in individual dispositions when building behavior from employees serving with firearms. This study shows how the volitional control of employees reflects the characteristics of the response to "aggressive" service conditions.

Keywords: penitentiary system, employees, control over the actions, volitional control.

Аннотация: В статье рассмотрены особенности самоконтроля сотрудников уголовно-исполнительной системы при построении своей деятельности. Показано, что контроль за действием у сотрудников исправительных учреждений специфичен относительно специализации профессиональной деятельности и стажа службы. Установлено, что сотрудники, непосредственно контактирующие в ходе служебной деятельности со спецконтингентом, отличаются в индивидуальных диспозициях при построении поведения от сотрудников, несущих службу с огнестрельным оружием. В настоящем исследовании показано, как волевой контроль сотрудников отражает особенности реагирования на «агрессивные» условия службы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, сотрудники, контроль за действием, волевой контроль.

Осуществление профессиональной деятельности в ситуациях повышенной стрессогенности ставит перед сотрудником уголовно-исполнительной системы главные задачи – построение и изменение своих поведенческих реакций в соответствии с постоянно изменяющимися условиями службы. При этом, внутренние ресурсы сотрудника, ответственные за проявление волевого контроля, позволяющие справляться с возникающими проблемами и на оптимальном уровне поддерживать уровень активности в ситуациях неопределенности, играют ключевую роль в эффективном выполнении служебно-профессиональных обязанностей и проявлении зрелых форм поведения (Сергиенко, 2009, 2011).

При рассмотрении сотрудника уголовно-исполнительной системы через призму его волевой регуляции, важно подчеркнуть тот факт, что одним из основных механизмов субъектной активности является самоконтроль.

В исследовании особенностей выполнения сотрудниками своей профессиональной деятельности, в частности, конкретных служебных задач, представляется возможным взять за основу концептуальные положения Ю. Куля относительно волевых процессов, которые рассматриваются как контроль субъекта за своим поведением на пути планирования, реализации и оценки выполненной деятельности (Шапкин, 1997). Основным предиктором эффективности контроля за действием является согласованность во взаимодействии психических функций,

обеспечивающих своевременный запуск стратегий, направленных на конструктивную и незамедлительную реализацию субъектом своей деятельности (Шапкин, 1997).

При этом, реализация полноценной деятельности происходит в результате формирования у субъекта намерения, которое отражает сложное взаимодействие в триаде «мотив-цель-способ достижения цели». При одномоментном удержании субъектом всех элементов «цепи» происходит полноценная реализация намерения, субъект является ориентированным на действие. При нарушении или выпадения какого-либо из звеньев, происходит «сбой» в реализации полноценной деятельности, и субъект оказывается ориентированным на свое субъективное состояние, затрачивая усилия не на преодоление возникающих препятствий объективного характера, а концентрируется на проработке негативных эмоциональных переживаний.

Выборку настоящего исследования составили сотрудники исправительных колоний строгого режима (Челябинская область). Общее число принявших участие в исследовании – 207 сотрудников, мужчины в возрасте от 19 до 44 лет. Сотрудники были распределены на три группы (периода) по стажу профессиональной деятельности: первый период – стаж от года до трех лет службы; второй период – от трех до семи лет службы; третий период – от семи лет службы и более. Дальше сотрудники были равномерно разделены на два отдела: отдел, где

непосредственно контактируют со спецконтингентом, и отдел, где несут службу с огнестрельным оружием.

Объект исследования – личность сотрудника исправительных учреждений.

Предмет – контроль за действием сотрудников исправительных учреждений.

Гипотеза исследования: при несении службы в стрессовых условиях сотрудники проявляют особенности в самоконтроле; контроль за действием сотрудников, непосредственно контактирующих в ходе служебной деятельности со спецконтингентом отличается от контроля за действием сотрудников, несущих службу с огнестрельным оружием.

Исследования особенностей контроля за действием сотрудников было проведено с помощью опросника «Шкала контроля за действием» (НАКЕМР-90), разработанным Ю. Кулем (в адаптации С.А. Шапкина) (Шапкин, 1997) (далее – «НАКЕМР-90»). Операции математического анализа были осуществлены на базе SPSS (версия 22.0; SPSS Inc., США).

Таблица 1. Достоверные различия контроля за действием сотрудников исправительных учреждений (Н-Краскела-Уоллеса, р)

«Опросник способов копинга» («Шкала контроля за действием» (НАКЕМР-90) (Ю. Куль)	
Сотрудники, непосредственно контактирующие со спецконтингентом	
Шкала «Контроль за действием при реализации с ориентацией на действие»	0,001
Сотрудники, несущие службу с оружием	
Шкала «Контроль за действием при реализации с ориентацией на состояние»	0,003

Таблица 2.

Достоверные различия контроля за действием сотрудников исправительных учреждений (λ-Уилкса, р)

«Опросник способов копинга» («Шкала контроля за действием» (НАКЕМР-90) (Ю. Куль)		
Сотрудники, непосредственно контактирующие со спецконтингентом		
Шкала «Контроль за действием при реализации с ориентацией на действие»	0,648	0,001
Сотрудники, несущие службу с оружием		
Шкала «Контроль за действием при реализации с ориентацией на состояние»	0,594	0,001

Результаты исследования контроля за действием сотрудников, непосредственно контактирующих со спецконтингентом

Согласно статистически значимым результатам,

представленным в таблицах 1,2 и на рисунке 1, следует, что у сотрудников, непосредственно контактирующих в ходе служебной деятельности со спецконтингентом, по мере увеличения стажа службы выявлен контроль за действием при реализации с ориентацией на действие (далее-КД(р)ОС).

Сотрудники, непосредственно контактирующие в ходе служебной деятельности со спецконтингентом, по мере увеличения стажа службы демонстрируют способность к быстрой перестройке доминирующей программы деятельности, при столкновении с решением сложных и противоречивых задач проявляют решительность, зачастую с импульсивными реакциями. Данный факт находит свое подтверждение в проведенном исследовании когнитивного контроля поведения у сотрудников (Красник, 2015), результаты которого свидетельствуют об отсутствии ригидности по когнитивному типу (Левитов, 1963). Сотрудники, непосредственно контактирующие со спецконтингентом, не демонстрируют когнитивной ригидности как стойкой черты личности в реализации основных программ деятельности; по мере увеличения стажа службы вырабатываются устоявшиеся модели не всегда в полной мере осмысленного профессионального поведения. Увеличение показателей по шкале КД(р)ОД может свидетельствовать о том, что при возникновении ситуации необходимости одномоментного решения профессиональных задач сотрудники не демонстрируют тщательного продумывания предстоящей деятельности.

Результаты исследования контроля за действием сотрудников, несущих службу с оружием

Согласно статистически значимым результатам, представленным в таблицах 1,2 и на рисунке 1, следует, что у сотрудников, несущих службу с оружием, по мере увеличения стажа службы выявлен контроль за действием при реализации с ориентацией на состояние (далее-КД(р)ОС).

У сотрудников, несущих службу с оружием, по мере увеличения стажа профессиональной деятельности выявлено усиление волевого самоконтроля. Усиление самоконтроля приводит к директивному гиперконтролю, который всегда проявляется через субъективные усилия и подавление актуального психоэмоционального состояния (Шапкин, 1997). С точки зрения Р. Лазаруса, при наличии вышеуказанных особенностей есть риски возникновения депрессивных состояний (Битюцкая, 2014).

Согласно полученным результатам, сотрудники, несущие службу с оружием, при ориентации на состояние демонстрируют усиление самоконтроля в силу необходимости следования алгоритмизированным действиям, отступление от которых не допускается; диапазон служебно-профессиональных операций и задач сотрудника, несущего службу с огнестрельным оружием, сводится к

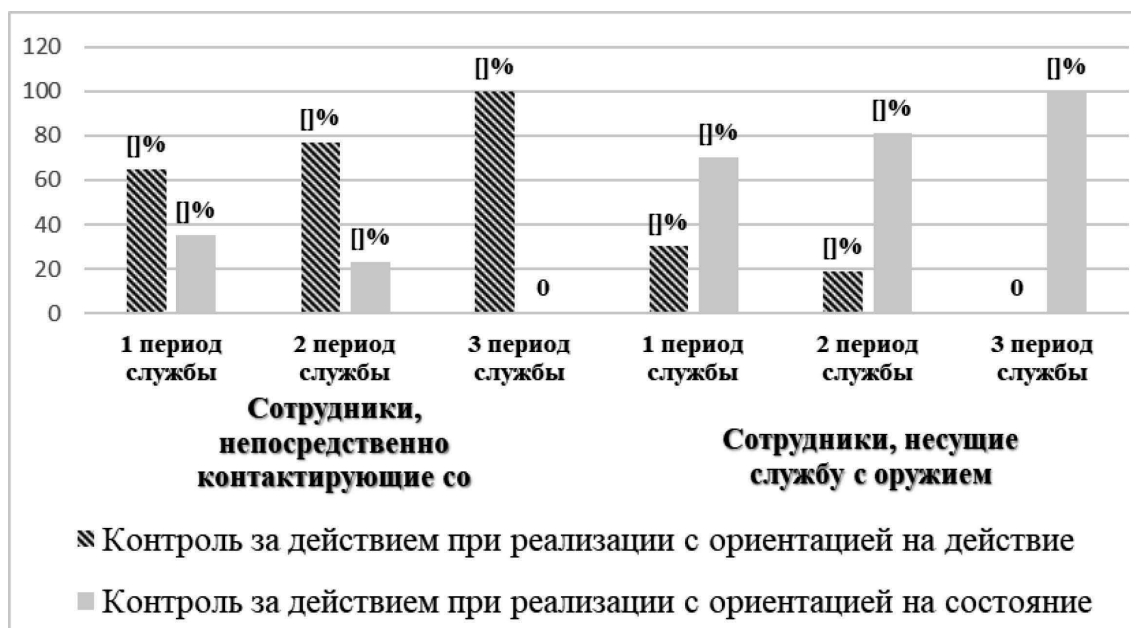

Рис. 1. Результаты исследования контроля за действием сотрудников исправительных учреждений («Шкала контроля за действием» (НАКЕМР-90) (Ю. Куль)

напряженному сознательному контролю своей активности. Непрерывное взаимодействие с оружием, пространственная изоляция («наблюдательный пост»), выполнение профессиональной деятельности преимущественно в обездвиженном состоянии и под видеонаблюдением, постоянная потребность в концентрации внимания, общей собранности и состоянии мобилизованности, повышенные требования к психофизиологическим ресурсам, наличие перечня запрещенных действий в момент несения службы, непрекращающиеся доклады в строго определенное время, – все это может способствовать повышению показателей самоконтроля сотрудников.

Таким образом, на определенном периоде службы у сотрудников исправительных учреждений происходят изменения в самоконтроле, а, соответственно, в волевой регуляции непосредственного поведения. При этом, контроль за действием при реализации деятельности у сотрудников, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, отличается ориентацией на активные действия по преодолению возникающих препятствий в деятельности, в то время, как у сотрудников, несущих службу с оружием, в большей степени представлена ориентированность на свое собственное состояние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергиенко Е.А. Континуально-генетический принцип становления субъекта//Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 50–67.
2. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива//Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 1. – С. 120–132
3. Левитов Н.Д. Психология труда/Н. Д. Левитов. – М: Государственное учебное педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1963. – 340 с.
4. Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов учебное пособие / С.А. Шапкин. – М.: Институт психологии РАН, 1997. – 140 с.
5. Красник В.С. Особенности эмоциональных состояний сотрудников уголовно-исполнительной системы в зависимости от стажа служебной деятельности/ В.С. Красник, И.В. Кадочникова //Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы юридической психологии в современной России». – 2011. – Челябинск: ООО «Фотохудожник» – С.111-116.
6. Битюцкая Е.В. Факторная структура русскоязычной версии методики «Опросник способов Копинга»/Е.В. Битюцкая// Вопросы психологии. – 2014. – № 5. – С. 138 –150.

© Кадочникова Ирина Владимировна (irishchkadraga@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИВЯЗАННОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА КОМПЛЕКСНОГО ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА (КПТС): ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ATTACHMENT AS A DETERMINANT OF COMPLEX POSTTRAUMATIC STRESS: THEORETICAL ASPECTS

**T. Kapustina
E. Rodnikova
E. Bolenkova**

Summary: The article presents the results of a theoretical analysis of the importance of attachment in the formation of a mentally healthy personality. As psychological practice shows, early childhood experience of relationships in the family is often the cause of the development of mental trauma. Individuals with childhood trauma develop a wide range of symptoms – emotional dysregulation, negative self-esteem, and difficulty with interpersonal interaction. These symptoms form a complex post-traumatic stress disorder. In this theoretical study, attachment is considered as a determinant of the development of complex post-traumatic stress, a comparison is made between types of attachment and symptoms of complex post-traumatic stress.

Keywords: attachment, types of attachment, complex post-traumatic stress, developmental trauma, symptoms of complex post-traumatic stress.

Капустина Татьяна Викторовна

канд. психол. наук., Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
12_archetypesplus@mail.ru

Родникова Екатерина Алексеевна

Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
katechca1999@mail.ru

Боленкова Елена Фёдоровна

старший преподаватель, Тихоокеанский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Владивосток)
bolenkova2004@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты теоретического анализа важности привязанности в формировании психически здоровой личности. Как показывает психологическая практика, ранний детский опыт взаимоотношений в семье часто является причиной развития психической травмы. У лиц, переживших травмирующие события в детстве, развивается широкий спектр симптомов, таких, как эмоциональная дисрегуляция, негативная самооценка, трудности с межличностным взаимодействием, которые лежат в основе комплексного посттравматического стресса. В настоящем теоретическом исследовании привязанность рассматривается как детерминанта развития комплексного посттравматического стресса, проводится сопоставление между типами привязанности и симптомами КПТС.

Ключевые слова: привязанность, типы привязанности, комплексный посттравматический стресс, травма развития, симптомы КПТС.

Введение

Насилие – является одной из основных опасностей для благополучия общества, которая вызывает все большую озабоченность. Детей, безусловно, можно назвать наиболее незащищенной категорией населения, когда речь заходит о насилии или жестоком обращении. Они наиболее уязвимы не только потому, что не могут защитить себя физически, но и потому, что само их выживание зависит от взрослых, и они сами не способны непосредственно защищать себя. В связи с этим именно дети часто становятся жертвами различных травм и вреда, наносимого их личности и развитию. Жестокое и пренебрежительное обращение с детьми – это типичное проявление насилия по отношению к ребенку, которое может оказать вредное воздействие на психическое развитие [1]. У многих переживших травмиру-

ющие события в детстве развивается широкий спектр симптомов, который включает типичные изменения, и называется комплексным посттравматическим стрессом (КПТС). Проявления КПТС сопоставимы с комплексным посттравматическим стрессовым расстройством, однако их проявления будут иметь менее выраженную интенсивность симптомов без психотического характера [2-4]. Травмирующие события детства могут заключаться не только в психологическом, физическом или сексуальном насилии, но и в переживании физического или эмоционального пренебрежения, все это – широкий спектр наносящих вред ребёнку действий со стороны людей, которые опекают ребёнка и заботятся о нём. Таким лицом для ребенка с самого рождения выступает мать. Способность ребенка устанавливать тесные и продолжительные отношения с близким окружением, в частности с матерью, называется привязанностью [5]. Как свидетель-

ствуют эмпирические и научные данные, ранний опыт взаимодействий матери и ребенка является матрицей всех последующих взаимоотношений человека. Сформированные в детстве модели внутренних объектных отношений определяют особенности межличностного взаимодействия взрослого человека на протяжении всей его жизни.

Актуальность данной работы заключается в том, что люди с ненадежными типами привязанности нередко подвергаются любого рода насилию со стороны близкого окружения, что может являться травмирующим, в результате чего вероятность возникновения КПТС повышается. А так как вредные переживания в детстве влияют на будущие взаимоотношения личности, изучив данное понятие можно более точно описать текущий опыт привязанности людей с КПТС.

Цель данного теоретического исследования – рассмотреть привязанность как детерминанту развития симптомов комплексного посттравматического стресса.

Привязанность как важный компонент психического развития личности

Привязанность является основным источником безопасности и стабильности в жизни ребенка, надежная эмоциональная связь между младенцем и матерью помогает ему справляться со стрессом, страхом, беспокойством, преодолевать трудности, что во взрослом возрасте позволяет построить гармоничные здоровые отношения [6]. Отсутствие надежной привязанности, как правило, приводит к затруднениям в развитии основных навыков саморегуляции и трудностям в межличностных отношениях, что также является одним из симптомов КПТС [7].

Понимание травмы привязанности основано на теории привязанности и оценке влияния ранних близких отношений (в первые два года жизни ребенка) на формирование самости и чувства безопасности, что требует тесной эмоциональной связи с высоким уровнем зависимости между ребенком и родителем [8-9]. Если отношения между ребенком и родителем становятся источником травмы, чувство привязанности серьезно нарушается. Когда опекун слишком занят, отдален, непредсказуем, эмоционально недоступен, и не может обеспечить безопасные отношения, дети легко впадают в депрессию и не могут научиться сотрудничать с другими, потому что их собственные внутренние ресурсы недостаточны. Это создает почву для многих проблем.

Многие дисфункциональные родители реагируют на жалобный призыв ребенка к привязанности и контакту реакцией презрения и пренебрежения. Такое отношение крайне травматично для детей. Презрение и пре-

небрежение – это психологическое и эмоциональное насилие, в результате которого ребенок может чувствовать унижение, гнев и отвращение. Ярость порождает страх, а отвращение вызывает у ребенка стыд, учит его воздерживаться от плача и вообще не привлекать к себе внимания. Вскоре ребенок перестает искать какую-либо помощь или вовсе отказывается от общения. Ставка ребенка на привязанность и принятие не оправдывается, и он остается страдать в пугающей безысходности отстраненности [10]. Это также является травматичным для ребенка, и может привести к возникновению КПТС.

В настоящей работе при сопоставлении симптомов комплексного посттравматического стресса и привязанности будет рассматриваться классическая классификация типов привязанности Дж. Боулби, дополненная М. Эйнсворт – надежный, амбивалентный, избегающий и дезорганизованный типы [5, 11].

Типы привязанности и симптомы КПТС

Взаимодействие с доступными объектами привязанности, и, как следствие, обретение чувства безопасности, создает основу для овладения конструктивными стратегиями эмоциональной регуляции. В отличие от людей, которые чувствуют себя в относительной безопасности, и имеющими надежный тип привязанности, люди с ненадежными типами предпочитают скрывать свои эмоции. В результате они склонны демонстрировать самообладание, но продолжают сдерживать тревогу, что подрывает их способность справляться с неизбежными невзгодами жизни. В частности, такое нарушение возможно при наличии длительных стрессовых переживаний, требующих активного совладания с проблемой, а также мобилизации внешних источников поддержки [12].

Повторяющаяся неудача в получении поддержки от объекта привязанности и сохранении чувства безопасности, приводит к опоре на вторичные стратегии привязанности (гиперактивация и деактивация), что препятствует приобретению социальных навыков и создает серьезные межличностные проблемы. Bartholomew и Horowitz, используя «Опросник межличностных проблем» («Inventory of Interpersonal Problems»), обнаружили, что дезорганизованная привязанность обычно связана с более широким набором межличностных проблем. У лиц, наделенных чувством безопасности, то есть с надежной привязанностью, не наблюдалось заметного увеличения ни в одном секторе спектра проблем, в то время как у избегающего типа обычно наблюдались проблемы в области заботливости (холодность, интроверсия или соперничество), а у амбивалентного – в области эмоциональности (например, чрезмерная экспрессивность) [13].

В обобщенном варианте можно говорить о том, что

симптомы КПТС характерны для ненадежных типов привязанности (амбивалентного и избегающего), это статистически подтверждено исследованиями, проведенными Е.С. Калмыковой и соавторами, а также для нарушенного варианта привязанности (дезорганизованного типа), что косвенно можно определить по ряду зарубежных исследований, проведенными зарубежными авторами, в частности, S. Isobel, M.G. Platt, I.M. Steine, A.K. Tassie [14-20]. Вредные детские переживания влияют на будущие отношения и приводят к эмоциональной уязвимости. Неспособность помочь младенцам справиться со своими эмоциями может привести к эмоциональной дисрегуляции в более позднем возрасте, и это является симптомом КПТС. Обратимся к анализу более подробно.

Так, в проведенном Е.С. Калмыковой и соавторами исследовании, изучалось проявление различных прототипов привязанности у респондентов, а также выраженность психопатологических симптомов (в том числе посттравматических). Корреляционный анализ показал, что надежный тип привязанности не имеет корреляционных связей с психопатологией, тогда как прототипы, относящиеся к ненадежным типам (амбивалентному и избегающему), имеют значимые связи с выраженностью психопатологической симптоматики (в том числе посттравматической) [14-15].

Основными симптомами КПТС являются навязчивые образы, мысли, ощущения, ночные кошмары, связанные с травмирующей ситуацией, с одной стороны, и попытки избежать раздражителей – мыслей, ощущений, действий, связанных с травмой, отчуждением от других – с другой. Эти аспекты КПТС очень схожи с характеристиками двух типов ненадежной привязанности, выявленными при обследовании детей и взрослых в работах М. Эйнсворт и Дж. Боулби. Одним из видов ненадежной привязанности у детей является *амбивалентная привязанность*. Этому типу привязанности соответствуют регулярные прорывы негативного аффекта по отношению к себе и близким, застревание в этом аффекте, невозможность переключиться на другой вид деятельности и отношений. Другой тип ненадежной привязанности – *избегающий* – характеризуется уходом от объекта привязанности, избеганием болезненных воспоминаний, эмоциональной отстраненностью, отказом от поддержки и утешения [21]. В поддержку данной гипотезы авторы приводят результаты исследования депрессии А. Бека, в которых говорилось, что после стрессовых событий, вследствие повышенной когнитивной уязвимости, в первую очередь, страдают от депрессии отчужденные (избегающий тип привязанности) и социотропные (амбивалентный тип привязанности) индивиды [21-22]. Поэтому можно предположить, что возникновение симптомов КПТС отчасти обусловлено активацией ненадежных типов привязанности при нарушении функционирования «надежной» рабочей модели травмированного индивида. Ответом на вопрос, почему

это происходит только у определенной части людей, может быть следующим: те, у кого надежная модель относительно слабо развита по сравнению с другими доступными им видами привязанности, испытывают после травмы большие трудности при восстановлении и достижении успеха, так что у них активируются ненадежные модели привязанности. Еще один вариант: модель работы индивида в целом характеризуется низкой пластичностью, поэтому ее трудно пересматривать и изменять, и, когда надежная модель нарушается вследствие травмы и перестает соответствовать реальному опыту индивида, в игру вступают другие типы привязанности — ненадежные, порождающие дезадаптивное поведение и посттравматические симптомы [15].

Среди первично нарушенных моделей наиболее проблематичной для социальной адаптации детей является *дезорганизованная привязанность* [20]. У детей младшего возраста дезорганизованные паттерны привязанности состоят из нерегулярного поведения по отношению к родителю: чередование цепляния, пренебрежения и агрессивности. У детей старшего возраста, подростков и взрослых, дезорганизованная привязанность проявляется в виде ригидного, экстремального или диссоциированного поведения, направленного на выживание [17, 23].

Травма предательства изначально определялась З. Фрейдом как переживание глубокого обмана, предательства со стороны близких, а также другого человека, которому он доверял и от которого зависел [17, 18]. Такая травма часто наблюдается в ситуациях внутрисемейного сексуального насилия, а это характерно для дезорганизованной привязанности, и в последующем негативно влияет как на развитие привязанности и любовных отношений, так и на процесс индивидуации, это, в свою очередь, также создает почву для появления симптомов КПТС [17-19].

М. Mikulincer и соавторы косвенно рассмотрели симптомы КПТС (негативная Я-концепция, эмоциональная дисрегуляция, трудности в межличностных взаимоотношениях) и связали их проявление с ненадежными типами привязанности. Итак, согласно теории привязанности и результатам данного исследования, отсутствие чуткости и отзывчивости родителей приводит к расстройствам самости, которые характеризуются отсутствием целостности «Я», неустойчивой самооценкой и чрезмерной зависимостью от одобрения окружающих [13]. Люди с ненадежной привязанностью склонны к чрезмерной самокритике, не уверены в себе, часто вынуждены бороться с чувствами никчемности и безысходности [25].

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного анализа, можно сделать вывод, что взаимосвязь между сим-

птоматикой КПТС и типами привязанности существует. Привязанность можно рассматривать как детерминанту комплексного посттравматического стресса. Обобщим проанализированные исследования в трех выводах:

1. Эмоциональная дисрегуляция, как симптом КПТС, возникает при отсутствии взаимодействия ребенка с объектом привязанности, в результате чего помощь, которая помогла бы ребенку справиться со своими эмоциями, не оказывалась, чувство безопасности не возникло, что и создало почву для овладения конструктивными стратегиями эмоциональной регуляции.
2. Негативная Я-концепция появляется вследствие отсутствия чуткости родителей, тесной эмоциональной связи и низкого уровня зависимости

между ребенком и родителем.

3. Последний симптом КПТС – трудности в межличностном взаимодействии возникает из-за неоднократных неудач в получении поддержки от объекта привязанности, что препятствует приобретению социальных навыков, они не могут научиться сотрудничать с другими, потому что их собственные внутренние ресурсы недостаточны. Можно также заметить, что большинство исследований проведено зарубежными авторами, а та малая часть, которая проведена в России, не является новой и требует проведение повторного исследования, что представляет собой перспективу дальнейших исследований авторами настоящей статьи в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А.А. Насилие в семье как социальная проблема современного общества // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы VI Международ. Науч. конф. г. Уфа. 2015. С. 1-3.
2. Екимова В.И., Лучникова Е.П. Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 50-61.
3. Кадыров Р.В., Венгер В.В. Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностика и психотерапия // Психолог. 2021. № 4. С. 45-60.
4. Ушаков В.Р., Кадыров Р.В. Комплексный посттравматический стресс у молодых людей // Научные исследования XXI века. 2021. №6 (14). С. 373 – 381.
5. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический Проект. 2004. 232 с.
6. Родникова Е.А., Капустина Т.В. Ненадежная привязанность как детерминанта личностных кризисов // Российская наука и образование сегодня: проблема и перспективы. 2021. №4. С. 58-63.
7. Van Nieuwenhove K., Meganck R., Cornelis S., Desmet M. Core conflict relationship patterns in complex trauma: A single-case study // Psychodynamic Practice. 2018. Vol. 24. № 3. P. 245-260.
8. Лаврова Н.А. Взаимосвязь между типом привязанности и нарушением пищевого поведения // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 32-46.
9. Кадыров Р.В., Ковалев И.А., Ильина И.С. Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики наркозависимых // Тихоокеанский медицинский журнал. 2016. № 4 (66). С. 66-69.
10. Уокер П. Комплексное ПТСР: руководство по восстановлению от детской травмы. Киев.: «Диалектика». 2020. 274 с.
11. Ainsworth M. Mary D. Salter Amsworth // O'Connell A., Russo N. (eds). Models of achievement reflections of eminent women in psychology. N.Y. 1983. P. 200-219.
12. Berant E, Mikulincer M, Shaver PR. Mothers' attachment style, their mental health, and their children's emotional vulnerabilities: a seven-year study of children with congenital heart disease // J Pers. 2008. Vol. 76. P. 31-66.
13. Mikulincer M., Phillip R. Shaver. A look at psychopathology from the point of view of attachment theory // World Psychiatry. 2012. Vol 11, P. 13-17.
14. Калмыкова Е.С. Комиссарова С.А., Падун М.А., Агарков В.А. Взаимосвязь типа привязанности и признаков посттравматического стресса // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 89 - 97.
15. Калмыкова Е.С., Падун М.А. Качество привязанности как фактор устойчивости к психической травме // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 1. С. 35-44.
16. Падун М.А. Нарушение регуляции эмоций после психической травмы // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 74-84.
17. Isobel S., Goodyear M., Foster K. Psychological trauma in the context of familial relationships: a concept analysis // Trauma, Violence and Abuse. 2017. Vol. 20. № 4. P. 549-559.
18. Platt M.G., Freyd J.J. Betray my trust, shame on me: Shame, dissociation, fear, and betrayal trauma // Psychological trauma: theory, research, practice, and policy. 2015. Vol. 7. № 4. P. 398-404.
19. Steine I.M. et al. Cumulative childhood maltreatment and its dose-response relation with adult symptomatology: findings in a sample of adult survivors of sexual abuse // Child Abuse & Neglect. 2017. Vol. 65. P. 99—111.
20. Tassie A.K. Vicarious resilience from attachment trauma: Reflections of long-term therapy with marginalized young people // Journal of Social Work Practice. 2015. Vol. 29. № 2. P. 191—204.
21. Симоненко И.А. Диагностика нарушения привязанности в диаде мать-ребенок в процессе психологического консультирования и психотерапии // Психология и психотехника. 2013. № 10 (61). С. 9998-1004.

22. Бек А. Когнитивная терапия депрессий // Московский психотерапевтический журнал. 1996. №4. С. 263-295.
23. Spinazzola J., van der Kolk B., Ford J.D. When nowhere is safe: Interpersonal Trauma and Attachment Adversity as antecedents of Posttraumatic Stress Disorder and Developmental Trauma Disorder // Journal of Traumatic Stress. 2018. Vol. 31. № 5. P. 631-642.
24. Green E. Treating Complex Trauma in Adolescents: A Phase-Based, Integrative Approach for Play Therapists // International Journal of Play Therapy. Vol. 23. 2014. № 3. 131-145 p.
25. Park LE, Crocker J, Mickelson KD. Attachment styles and contingencies of self-worth. Pers Soc Psychol. 2004 Vol. 30. P.1243-1254.

© Капустина Татьяна Викторовна (12_archetypesplus@mail.ru), Родникова Екатерина Алексеевна (katechca1999@mail.ru),
Боленкова Елена Фёдоровна (bolenkova2004@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ», ЕЕ КОМПОНЕНТЫ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Конаш Ольга Васильевна

аспирант, Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины, г. Гомель
psihologrucovoditel2016@mail.ru

THE CONCEPT MAINTENANCE "PROFESSIONAL IDENTITY", ITS COMPONENTS AND FORMATION FACTORS

O. Konash

Summary: In article process of identification and concept of identity are considered. The emphasis is placed on professional identification, its structural components and factors of its formation. In frameworks competent the approach correlation of concepts professional identity and professional competence is carried out. The concept of «the generated professional identity» is allocated.

Keywords: identification, identity, the approach, structure, competence, the professional, professional identity.

Аннотация: В статье рассматриваются процесс идентификации и понятие идентичности. Сделан акцент на профессиональной идентификации, ее структурных компонентах и факторах ее формирования. В рамках компетентного подхода осуществлено соотнесение понятий профессиональная идентичность и профессиональная компетентность. Выделено понятие «сформированной профессиональной идентичности».

Ключевые слова: идентификация, идентичность, подход, структура, компетентность, профессионал, профессиональная идентичность.

В настоящее время среди отечественных и зарубежных психологов наблюдается повышенный интерес к таким явлениям в психическом мире человека, как идентификация и идентичность. Специалисты-психологи, отталкиваясь от работ З. Фрейда, Э. Фромма [1], Э. Эриксона [2], в которых представлены содержательные характеристики этих явлений, стремятся продолжить и углубить их научный анализ, показать место и роль идентификации и идентичности в становлении человека как индивида, как личности и как субъекта деятельности.

Понятие «идентификация» было введено в науку З. Фрейдом и интерпретировалось как процесс эмоционального и иного самоотождествления какого-то конкретного человека с другим человеком, группой, образцом. В психоаналитической литературе в качестве моделей идентификации обычно фигурирует идентификация ребенка с родителями того или иного пола [1].

В социальной и социально-психологической литературе термин «идентификация» приобрел более широкое толкование, обозначая чаще всего процесс имитации, подражательного поведения и еще – особенно в исследовании личности – познавательное, эмоциональное и поведенческое «слияние» с объектом, а возникающий в результате такого «слияния» на субъективном уровне результат квалифицируется как полная или неполная, глубокая или поверхностная идентичность.

Концептуально в современной литературе описано, по меньшей мере, два подхода: первый трактует иден-

тичность относительно ее функционирования в структуре психологических систем, второй же – отражает социологическую характеристику. При первом подходе идентичность рассматривают как внутреннюю согласованность индивида «внутри себя» (с самим собой). Иначе говоря, идентичность выступает по большей части бессознательно протекающим процессом, оформляющимся в ходе развития личности. При втором подходе идентичность объясняется как набор (диапазон) символических средств самовыражения, с помощью которых индивид определяет свое отношение к таким социальным категориям, как, например, «пол», «национальность», «возраст», «класс» и т.д. Иными словами, понятие наполняется социальным контекстом. В то же время в достаточно распространенной современной трактовке понятие «идентичность» сосредоточивает в себе как психологические, так и социальные контрасты, формирование идентичности предстает в сумме этих двух компонентов [3, с. 49].

Процесс идентификации имеет различные формы. Вариативность форм идентификации объясняется тем, что он действует и взаимодействует в различных социальных системах, в которых неодинаково определяет себя. Выделяются разные типы идентичностей и соответственно процессов идентификации, которые перечисляет В.Н. Мухортова:

- социальная идентификация – процесс достижения социальной идентичности, которая представляет собой некую комплексную систему, передающую постоянство структур, зеркально отражающую принадлежность индивида к опре-

деленной социальной группе. Социальная идентичность отражает не только знание о группе, ее нормах, правилах, символических ритуалах, но и эмоциональный компонент членства в группе, который крайне важен;

- половая идентификация – процесс достижения половой идентичности, которая является еще одной формой, приобретаемой в процессе социализации индивида. Половая идентичность, рассматриваемая в контексте социальной идентичности, – относительно самостоятельный элемент, аналитически отличный от таких сходных, но несовпадающих понятий и явлений, как «биологический пол» или «половые практики»;
- культурная идентификация – процесс достижения культурной идентичности – представляет собой осознанное принятие человеком соответствующих культурных норм и образов поведения, ценностных ориентации и языка, понимание своего Я с позиции тех культурных характеристик, которые нормативно поощряются в данном социуме. Культурная идентичность выражается в самоотождествлении себя с культурным образующим стереотипом именно данного общества;
- этническая идентификация – процесс достижения этнической идентичности – ее достижение определяется разного рода этносоциальными доминантами, приобретаемыми в процессе личностной социализации;
- профессиональная идентификация – процесс достижения профессиональной идентичности – принятие на всех уровнях (социальном – с позиции ценностно-этической, психологическом – внутренних подструктур личности) индивидом профессиональных ценностных позиций, санкционированных в данном профессиональном пространстве [4].

Остановимся более подробно на такой разновидности идентификации, как профессиональная. В наиболее общем виде **профессиональная идентификация** определяется Л.Б. Шнейдером как процесс профессионального самоопределения, проявляющийся в объединении индивида с другими субъектами профессиональной деятельности или профессиональной группой на основании установившейся эмоциональной связи, а также включение в свой внутренний мир и принятие как собственных их норм, ценностей, образцов. В результате формируется профессиональная идентичность – многомерный и интегративный психологический феномен, обеспечивающий человеку целостность, тождественность и определенность в профессиональной деятельности. Л.Б. Шнейдер, определяя профессиональную идентичность как результат процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации, который проявляется в осознании себя представителем определенной про-

фессии и профессионального сообщества, определенная степень отождествления – дифференциации себя с делом и другими, проявляющаяся в когнитивных эмоционально-поведенческих самоописаниях Я [5]. Таким образом, профессиональная идентичность, по сути, рассматривается как аспект специфической интеграции личностной и социальной идентичности в профессиональной реальности, где в качестве исполнительного механизма выступают процессы идентификации – отчуждения.

Сущность профессионального развития человека, по мнению Ю.Б. Гиппенрейтер, заключается в формировании личности специалиста, опирающейся на научные знания, умения и навыки. Сама личность при этом раскрывается через систему смыслов и ценностей, являющихся стержнем любой, в том числе и профессиональной деятельности. При этом формирование профессиональной идентичности личности специалиста совпадает с такими важными этапами развития его самосознания, как формирование «социального слоя личности» и ее «духовного центра», отражающих ценностно-нравственное самоопределение субъекта профессиональной деятельности [6, с. 122].

Профессиональная идентификация также подразумевает наличие внутреннего совпадения представлений о себе в профессии у самого специалиста, с требованиями к нему со стороны общества и профессионального окружения, поскольку обладание идентичностью вносит вклад в стабильность функционирования личности и ее психическое здоровье. Ю.Б. Гиппенрейтер отмечает, что формирование профессиональной идентичности совпадает с важными этапами развития самосознания личности, а именно с этапом формирования «социального слоя личности» и с этапом формирования «духовного слоя личности» (совместно ценностно-нравственного самоопределения) [6].

Как указывают Н.С. Пряжников и Е.Ю. Пряжникова, центральной проблемой развития личности специалиста, созревания его адекватной профессиональной идентичности является развитие ценностно-профессиональной сферы, формирование готовности человека дать себе ответ на вопрос: «Ради чего я живу и работаю, зачем я вообще являюсь таким-то и таким-то профессионалом?» [7, с. 124].

Так Е.П. Ермолаева в концепции «профессиональной идентификации – профессионального маргинализма» исходит из того, что в основе профессионального становления лежат процессы идентификации, отражающие большое значение того, с чем и с кем идентифицирует себя человек, выбирающий или отвергающий тот или иной стиль профессиональной деятельности, какие именно жизненные задачи решает личность посредством профессии. Е.П. Ермолаева отмечает, что в социально-значимых профессиях в комплексе нормативных требований центральное место занимают этико-деонтологические требования к профессионалу [8, с. 22]. Авто-

ром подчеркивается, что с точки зрения профессиональной идентичности важны как гласные, формализованные этические нормы, так и негласные, неформальные, не зафиксированные в документах, но реально существующие и предъявляемые профессионалу его окружением.

Профессиональная идентификация как процесс имеет определенные **структурные компоненты**. Рассмотрим современную классификацию, которая описана в исследовании С.П. Мироновой:

- гносеологический – необходимые для профессиональной идентификации социальные и профессиональные знания;
- когнитивный – сформированные когнитивные модели и механизмы профессиональной идентификации;
- субъектный – психологический и духовно-мыслительный план деятельности личности. Субъективность оказывается важным аспектом деятельности человека, реализации его качеств, процессом переживания субъектом своей причастности социальному бытию, реализации субъектом своей самобытности;
- аксиологический – иерархия жизненных ценностей личности в профессиональной сфере;
- праксиологический – эффективность деятельности личности по профессиональной идентификации, определяющаяся применением технологии психолого-педагогического сопровождения [9, с. 84].

Профессиональная идентификация детерминирована рядом факторов

В частности, Г.В. Гарбузова выделила внешние и внутренние детерминанты процесса профессиональной идентификации студентов. Внешние детерминанты этого процесса можно разбить на две большие группы: учебный процесс и внеучебная деятельность. В качестве обобщенной внешней детерминанты формирования профессиональной идентичности в современных условиях можно назвать информационно насыщенную среду, которая является источником представлений о предмете труда, способах получения профессионального образования, требованиях профессии к человеку и т.д. На первых этапах формирования профессиональной идентичности внешние детерминанты играют приоритетную роль. Основой дальнейшего развития профессиональной идентичности становятся внутренние условия и детерминанты [10, с. 343].

Внутренними детерминантами процесса профессиональной идентификации у студентов являются:

- биопсихологические и индивидуально-типологические свойства личности: половые, возрастные особенности, свойства темперамента, характера, способностей;

- особенности психических процессов и свойств: ощущений, памяти, воображения, эмоций, чувств;
- опыт: знания, умения, навыки, привычки, стиль деятельности;
- особенности направленности: интересы, мотивы, идеалы, мировоззрение, убеждения [10, с. 344].

Приведенный перечень можно дополнить данными, которые приводит Л.Б. Шнейдер, который к внутренним источникам профессиональной идентификации относит следующие [5, с. 89]:

- эмоционально-положительный фон, на котором происходило получение информации о профессии;
- положительное восприятие себя в качестве субъекта профессиональной деятельности;
- эмоционально-позитивное принятие своей принадлежности к профессиональному сообществу;
- успешное усвоение (присвоение) прав и обязанностей, норм и правил профессиональной деятельности;
- готовность специалиста принять на себя профессиональную ответственность;
- характер выраженности и самопринятия экзистенциального и функционального Я;
- мотивационная активность к реализации себя на избранном профессиональном поприще.

Профессиональная идентичность определяет уровень профессионализма специалиста. Профессионализм может быть описан в качестве эффективного применения человеком имеющихся у него средств и эффективных способов реализации деятельности и он может быть описан рядом характеристик выполняемой деятельности, которые могут описать эффективность овладения имеющимися профессиональными навыками и технологиями. Профессионализм личности предполагает наличие имеющихся возможностей при формировании выраженных психических переживаний, а также развитие состояния фрустрации на основании возможности негативного варианта развития событий в профессиональной деятельности при наличии высокой значимости проблемы в эмоциональном плане.

В многообразии личных качеств профессиональной идентичности при высоком уровне профессионализма отдельное место занимает ответственность. Именно это качество оказывается одним из ведущих универсальных профессионально важных характеристик в любой профессиональной сфере. Ответственность анализируется исследователями в качестве базового свойства, которое описывает ориентацию человека на качественное выполнение своих профессиональных обязанностей. Это качество влияет и на конечный результат, а также на реализацию процесса профессиональной деятельности. Это происходит через определенное отношение к выполняемым профессиональным обязанностям, а также к

собственным профессиональным характеристикам.

Процесс совершенствования профессионально значимых качеств в целостном непрерывном процессе профессионализации реализуется крайне неравномерно. Динамика этого процесса определяется определенной стадией и этапом освоения профессии. В данном случае профессионализм оказывается набором знаний, приобретенных необходимых конкретных умений, а также навыков, которые помогают выполнять трудовые операции максимально эффективно. Более просто это можно описать как выраженную способность специалиста к проявлению имеющихся у него способностей и развитие собственной личностной компетентности [6, с. 52].

Профессионализм конкретно в данном смысле представляет собой набор знаний, сведений, сформированных навыков и умений, которые нужны для успешной реализации себя как профессионала.

А.К. Маркова описывает две взаимосвязанные стороны целостного компонента профессионализма:

- набор способностей, которые формируют навыки решения определенных вопросов;
- полученные знания, навыки. А также умение их эффективно применять и проводить в определенной ситуации. Это уже может быть определено как компетентность [11, с. 52].

В своей работе Н.Л. Иванова описывает набор критериев профессиональной идентичности: набор качеств, которые объединяют когнитивный компонент, объединяющий в себе умственные способности для осуществления анализа эмоций и сознательного их управления. Также включает в себя набор знаний, сформированных умений и навыков, а также стратегических реализаций интеллектуальной деятельности, которые могут иметь связь с процессом обработки полученной эмоциональной информации профессиональной деятельности [12, с. 58].

Близким к понятию «сформированной профессиональной идентичности» оказывается термин «компетентность». Понятие компетентности является обобщенным и интегрирует в себе набор знаний, а также сведения о возможных определенных последствиях при выборе некоторого метода для реализации воздействия, выделяемого уровня имеющихся сформированных навыков и развитого опыта их практического применения. В качестве обобщенной точки зрения на эту проблему оказывается анализ имеющихся знаний у специалиста. Эти знания оказываются некоторым потенциальным научным базисом. Однако он может быть выражен при имеющихся условиях при наличии дополнительных факторов. Поэтому, компетентность оказывается не только определенным набором сведений и опыта. Она также определяется как умения и навыки умело и в соответ-

ствии с условиями деятельности использовать полученные знания и приобретенные навыки [13].

При использовании компетентного подхода происходит качественное преобразование образовательных ресурсов и происходит постепенный переход от выраженной стратегии в передаче готовых знаний к переходу к активному освоению студентами необходимыми навыками при создании определенных условий в образовательном процессе. Эти условия в первую очередь направлены на достижение ряда компетенций. Эти компетенции описывают потенциал, сформированные навыки обучаемого в ходе реализации процесса адаптации к социальной и профессиональной среде

В ряде научных источников [14;15] описаны разные виды компетентности: коммуникативная компетентность, социально-психологическая компетентность; а также профессионально-педагогическая. Помимо этого, упоминаются специальная компетентность, так называемая методическая, а также аутопсихологическая компетентность.

В рамках данного исследования более подробно изучена именно профессиональная компетентность. Согласно подходу Е.М. Бабосова феномен компетентности включает в себя набор профессиональных, а также ряда научных качеств. И этот элемент требует специального образования. Помимо этого, специалист должен обладать общей, а также специальной эрудицией. Но немаловажно проведение постоянной работы над собой по развитию и совершенствованию собственного уровня профессиональной подготовки [15].

Изучение феномена профессиональной компетентности проводится по разным основаниям:

- изучаются особенности трансформирующихся качеств личности. Это может быть выражено посредством определенной способности, а также проявляться в виде мотивационной готовности, направленной на проявление профессиональных умений. Подобная характеристика человека может быть основана на ряде новых полученных знаний и приобретенном опыте в процессе специального обучения;
- проводится анализ содержательно-процессуальных характеристик. Этот процесс включает анализ ряда компетенций, в которых отражено личностное субъективное отношение непосредственно к профессиональной деятельности. Следовательно, этот аспект включает в себя изучение ценностных ориентаций в плане профессионального развития. Помимо этого, в данном разделе предполагается изучение перечня компетенций, которые предполагают анализ базовых знаний о закономерностях, принципах, а также использование полученных сведений в работе, помимо этого включены уме-

ния проводить анализ своих результатов выполняемой трудовой деятельности [15, с. 43].

Таким образом, в современной психологической научной литературе отсутствует однозначный подход к трактовке и реализации смысла понятия «профессиональная идентичность». Отдельными учеными это понятие описывается в терминах «профессионализм» либо «мастерство». Например, эти термины сводятся к одному смыслу и определяют их как синонимы, отдельные авторы понимают профессионализм в качестве достигнутого уровня, показателя степени сформированности умения. Отдельными авторами профессиональная идентичность рассматривается в качестве понятия «самообразование», а также «самовоспитание». В некоторых случаях профессионализм соотносится с определенной готовностью к процессу самосовершенствования.

Формирование набора индивидуальных качеств профессионала связан с деятельностью. К наиболее значимым можно отнести процесс постоянного стимулирования проведения рефлексии непрерывного процесса его творческой индивидуализации. Также можно отнести формирование ситуаций, в которых окажутся наиболее «востребованы» не только базовые профессиональные умения и навыки, но и важнейшие качества, описывающие творческую индивидуальность. Актуализация базового педагогического взаимодействия в системе. Создание благоприятного фона для реализации и проявления творческого потенциала. Введение набора

способов и различных форм организации профессиональных действий, которые позволяют человеку проявить его творческую индивидуальность. Организация конкретных видов деятельности, которые позволят не только интенсифицировать социализацию, но и интегрировать его творческую индивидуализацию в профессиональную деятельность; введение ряда вспомогательных способов и форм работы, которые обеспечат проявление творческой активности [12].

Таким образом, понятие профессиональной идентичности оказывается достаточно широким понятием по сравнению с готовностью к реализации профессиональной деятельности, потому что профессиональная идентичность является не готовностью, а итогом деятельности, показателем ее эффективности. На этой основе можно заключить, что психологическая готовность к реализации в профессиональной деятельности оказывается значимым структурным элементом профессиональной идентичности. А обозначенные компоненты готовности человека к выполнению профессиональной деятельности, оказываются значимыми факторами профессиональной идентичности. Персональные характеристики, которые включают в себя физические, индивидуальные особенности, черты характера, типологию личности и индивидуальный стиль принятия и реализации решений; социальные характеристики, некие символические характеристики: определенный набор качеств и черт, которые могут демонстрироваться человеком, чтобы провести актуализацию «нужные» архетипов в сознании окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фромм, Э. Величие и ограниченность теории З. Фрейда / Э. Фромм. - М.: АСТ, 2000. - 448 с.
2. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. - СПб.: Фонд «Университетская книга», 1996. - 592 с.
3. Аринушкина, Н.С. Об определении и типах идентичности / Н.С. Аринушкина // Мир психологии. - 2004. - № 2. - С. 48-53.
4. Мухортова, В.Н. Особенности социологического подхода к понятию «профессиональная идентичность» / В.Н. Мухортова // Социум и власть. - 2015. - №3. - С. 9-13.
5. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. - М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2007. - 466 с.
6. Гиппенрейтер Ю.Б. Психология мотиваций и эмоций. Хрестоматия / Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. - М.: АСТ: Астрель, 2009. - 704 с.
7. Пряжников, Н.С. Психология труда и человеческого достоинства / Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. - М.: Издательский центр «Академия», 2007. - 520 с.
8. Ермолаева, Е.П. Психология профессиональной реализации профессионала / Е.П. Ермолаева. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2008. - 347 с.
9. Миронова, С.П. Профессиональная идентификация личности: постановка проблемы и определение понятия / С.П. Миронова // Образование и наука. - 2008. - №4. - С. 81-90.
10. Гарбузова, Г.В. Процесс формирования профессиональной идентичности студентов / Г.В. Гарбузова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2007. - №44. - С. 340-344.
11. Барский, Ф.И. Представления об идентичности в рамках нарративного подхода / Ф.И. Барский, Д.А. Кутузова // Мир психологии. - 2004. - № 2. - С. 67-77.
12. Иванова, Н.Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа / Н.Л. Иванова // Психологический журнал. - 2004. - № 1. - С. 52-60.
13. Фатеева, А.Ю. Теоретико-методологический анализ проблемы развития ценностно-смысловой сферы личности в ранней взрослости // Сборник научных статей. - Минск: Изд-во Академии управления при президенте Республики Беларусь, 2015. - С. 177-178.
14. Кухарчук, А.М. Человек и его профессия / А.М. Кухарчук, В.В. Лях, А.Б. Широкова. - Минск: Современное слово, 2006. - 215 с.
15. Бабосов, Е.М. Человек в социальных системах / Е.М. Бабосов; Ин-т социологии Национальной акад. наук Беларуси. - Минск: Беларуская навука, 2013. - 481 с.

© Конош Ольга Васильевна (psihologrucovoditel2016@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРЕВОГА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Макарова Мария Владимировна

кандидат политических наук, ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет
m.v.makarova@spbu.ru

ANXIETY AND PSYCHOLOGICAL DEFENCES IN AN EXISTENTIAL-HUMANISTIC PERSPECTIVE

M. Makarova

Summary: The article provides an overview of fundamental works in existential philosophy and psychology on the nature and significance of human existence anxiety – Paul Tillich, Rollo May, Irwin Yalom, James Bugental, Tom Greening, Kirk Schneider. The development of ideas for working with existential anxiety and its significance in the formation of personality is shown in the frame of the American Existential-Humanistic Approach. An analysis of psychological defenses associated with avoiding existential questions of being is presented. The originality and novelty of the article lies in the systematization of ideas related to existential concerns and the psychological defences corresponding to them in Existential-Humanistic Approach.

Keywords: anxiety, existential anxiety, existential problems, existential concerns, psychological defense mechanisms, existential challenges, Existential-Humanistic Approach.

Аннотация: В статье приведен обзор фундаментальных работ по экзистенциальной философии и психологии о природе и значении тревоги человеческого существования – Пауля Тиллиха, Ролло Мэя, Ирвина Ялома, Джеймса Бьюджентала, Тома Грининга, Кирка Шнайдера. Показано развитие идей работы с экзистенциальной тревогой и ее значение в становлении личности в американском экзистенциально-гуманистическом направлении. Приведен анализ психологических защит, связанных с уклонением от столкновения с экзистенциальными вопросами бытия. Оригинальность и новизна статьи заключаются в систематизации представлений, связанных с экзистенциальными данностями и соответствующими им психологическими защитами в экзистенциально-гуманистическом направлении.

Ключевые слова: тревога, экзистенциальная тревога, экзистенциальные проблемы, данности существования, психологические защиты, экзистенциальные вызовы, экзистенциально-гуманистическое направление.

Введение

Экзистенциальные проблемы отличаются от типичных психологических проблем, с которыми сталкивается человек в повседневной жизни, поскольку связаны с глубиной погружения в проблему своего существования, универсальностью, неизбежностью и невозможностью разрешить их раз и навсегда [5]. Несмотря на присутствующую в современном дискурсе негативную коннотацию экзистенциальных проблем, осознание и столкновение с ними позволяет человеку пребывать в экзистенции, трансцендировать и быть связанным с чем-то большим [21]. В рамках экзистенциальной психологии тревога, возникающая при конфронтации с экзистенциальными проблемами, понимается иначе, чем в других подходах. Исследования в экзистенциальном понимании затрагивают широкое поле научной мысли: конструктивные аспекты экзистенциальной тревоги [11; 8], тревога в отношении отдельных данностей существования, например, смерти [9], экзистенциальная тревога в разных возрастных диапазонах [3], психическая боль, обусловленная экзистенциальной тревогой [16; 18], онтологический статус тревоги и ее звучание в разных модусах [6]; обзоры по защитным механизмам при экзистенциальной тревоге отдельных авторов [1]; экспериментальная экзистенци-

альная психология (многофакторная шкала измерения экзистенциальной тревоги [37]; опросник экзистенциальных беспокойств [34]) и другие.

Экзистенциальную психологию невозможно объединить в одну школу или в один психотерапевтический подход [19]. Тем не менее, экзистенциальное направление в США можно выделить в отдельную систему подходов, которая постулирует ряд основополагающих оснований сочетания психодинамической теории, гуманистической традиции и философского прагматизма У. Джеймса [25]. Поэтому представляется важным изложить базовые положения понимания тревоги в экзистенциальной психологии, а также выделить психологические защиты, которые человек использует в качестве копинг-стратегий в работах следующих авторов: Пауля Тиллиха, Ролло Мэя, Ирвина Ялома, Джеймса Бьюджентала, Тома Грининга и Кирка Шнайдера.

Понимание тревоги

В научной литературе в качестве философского и методологического оснований используются идеи, выдвинутые американско-германским философом Паулем Тиллихом и психологами Ролло Мэем и Ирвином Яломом [26; 28; 36 и др.].

Одна из первых цитируемых работ по экзистенциальной тревоге принадлежит Паулю Тиллиху и называется «Мужество быть» (1952), в которой он предлагает концепцию онтологического, в противовес этическому, мужества, связанного с понятием тревоги. Человек конечен и смертен, а тревога «это конечность, переживаемая человеком как его собственная конечность» [20, с.55]. Тревога является базовым чувством, возникающим в силу осознания собственного бытия в противовес небытию. Она не является неврозом или аномалией, и не является следствием влияния социокультурного фактора. Экзистенциальная тревога — это данность бытия, и мы не можем не испытывать этой тревоги, потому что сами являемся частью этого мира. Происхождение экзистенциальной тревоги заключается в самом факте конечности. По Тиллиху подобная тревога универсальна, а значит, от нее невозможно скрыться.

Тиллих выделяет три области человеческого бытия, которым угрожает экзистенциальная тревога: онтическая (существование), духовная и нравственная [20]. Этим областям соответствуют типы экзистенциальной тревоги — тревога судьбы и смерти, тревога вины и осуждения, тревога пустоты и бессмысленности (см. табл.1).

Таблица 1.

Типы экзистенциальной тревоги (Тиллих, 1952)

Область угрозы	онтическая	нравственная	духовная
Экзистенциальная тревога	Тревога судьбы и смерти	Тревога вины и осуждения	Тревога пустоты и бессмысленности
Характерная эпоха актуальности	Античность (концепции стоицизма, гедонизма, эпикуризма, зарождение христианства)	Средние века (грехопадение в искусстве, индульгенция)	Новое время (тревога пустоты и бессмысленности)
Психологическая защита	Надежность	Избегание	Авторитеты

Тревога судьбы и смерти связана с растущей индивидуализацией, поскольку быть частью сообщества представляется более надежным для человека. Человек смертен, а его дело будет существовать и после его смерти, воплощая символическое бессмертие. Тревога вины и осуждения связана с тем, какие выборы совершает человек в своей жизни, как он и другие воспринимают эти выборы. По сути, это ответ на вопрос, что человек из себя сделал. Тиллих включает в эту область даже те ситуации, в которых человек не сделал свой выбор – так происходит избегание. Эту идею развивал далее Р.Мэй через концепцию экзистенциальной вины [15]. Тревога пустоты и бессмысленности хорошо знакома по работам

Виктора Франкла (напр., «невроз выходного дня», [22]. Тиллих же связывает эту тревогу с утратой духовного центра человека; верования могут появляться и укрепляться в результате следования авторитетам и абсолютизацией универсального способа бытия (в терминах Карла Ясперса [24]).

Психологические защиты работают только временно, поскольку экзистенциальную тревогу невозможно устранить. Если избегать конфронтации с ней, то неизбежен невроз, так как, по Тиллиху, «невроз — это способ избавиться от небытия, избавившись от бытия» [20, с.135]. Это сходно со знаменитой фразой австрийского психолога Отто Ранка, писавшего, что «некоторые отказываются от кредита жизни, чтобы избежать расплаты смертью» [цит. по: 23]. Именно конфронтация с экзистенциальной тревогой является возможностью для становления. По сути, «пограничная ситуация» (в терминах Ясперса) продуцирует предельное отчаяние, которое приводит человека к трансформации. Отчаяние, как о нем писали Сёрен Кьеркегор и Фридрих Ницше, является актом человека, его волей, в котором тревога прерывает небытие.

В данном конкретном моменте у человека все же остается витальность, мужество с помощью которого можно противостоять небытию. Тиллих выделяет три типа мужества: мужество быть частью, мужество быть собой и мужество быть. Может возникнуть соблазн соотнести типы мужества и типы экзистенциальной тревоги, но они действуют в комплексе, поскольку для осознанного существования необходимы все три мужества в каждый момент времени [20].

Отметим, что в психологической науке предпринята операционализация понятия «мужество быть» Тиллиха через конструкт *hardiness*, предложенный Сальваторе Мадди [29], который в дальнейшем адаптирован на русскоязычной выборке Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой и получил название *жизнестойкость*. Однако экзистенциальная тревога по Мадди [30] является лишь частным случаем экзистенциальной тревоги судьбы и смерти [10].

Дальнейшее исследование экзистенциальной тревоги можно увидеть в работах Ролло Мэя, ученика Тиллиха. Следует отметить, что многое из того, что он пишет о тревоге, скорее, основано на концепции «небытия» Кьеркегора, согласно которой идея смерти вызывает ужас у человека и означает прекращение существования [13]. Так, он трактует тревогу смерти как универсальную и базовую тревогу у человека. Она предполагает не только физическую смерть, но и потерю духовных и психологических атрибутов, с которыми человек себя ассоциирует — это страх потери идентичности и смысла [32]. Мэй выделяет два типа тревоги, в том числе по поводу смерти и потери целостности, нормальную и не-

вротическую (парализующую) тревогу (см.табл. 2). В отличие от Тиллиха, Мэй видит тревогу более обобщенно, основываясь на психоаналитической парадигме: «опасения, вызванные угрозой какой-то ценности, которую индивид считает существенной для своего существования как личности» [13, с. 72].

Таблица 2.
Понятия нормальной и невротической тревоги
(Мэй, 1996)

Нормальная тревога	Невротическая тревога
Реакция адекватна объективной угрозе	Реакция на угрозу, которая неадекватна объективной опасности
не запускает механизм вытеснения или другие механизмы, связанные с интрапсихическим конфликтом	включает в себя вытеснение (диссоциацию) и другие проявления интрапсихического конфликта
человек справляется с тревогой без помощи невротических защитных механизмов	человек ограничивает какие-то свои действия или сужает поле своего сознания с помощью различных механизмов — подавления, развития симптома и других невротических защитных механизмов
Человек может конструктивно обращаться с тревогой на сознательном уровне или же тревога снижается, когда меняется объективная ситуация	парализует человека, поэтому не способствует конструктивной и творческой деятельности

Нормальную тревогу, по словам Мэя, можно конструктивно использовать – например, принять факт того, что рано или поздно близкие покинут тебя и, тем самым, укрепить свои связи с людьми прямо сейчас. Нормальная тревога заставляет людей относиться ответственнее к своему времени [31]. В то же время нормальную тревогу достаточно сложно диагностировать — она может быть и невротической. Опасность невротической тревоги Мэй описывает так: вытеснение создает внутреннее противоречие и делает психологическое равновесие неустойчивым. Затем, из-за вытеснения человеку сложнее видеть реальную опасность, и, в конечном счете, «вытеснение усиливает чувство беспомощности, поскольку человек вынужден сокращать границы своей автономии, ставить себе внутренние ограничения и отказываться от использования своей силы» [13, с.274]. Таким образом, подавляя тревогу, человек неосознанно формирует у себя будущие реакции – панические атаки и агрессию, а также формирует неадекватное поведение или физические реакции, например, изоляцию, избегание важных действий, потерю аппетита, крайнюю нервозность [7]. В своей другой книге «Искусство психологического консультирования» Мэй описывает своих клиентов, которые скрываются под защитными масками. Особенно он выделяет две неаутентичные роли, несущие жизненные осложнения, связанные с расстройством употребления

алкоголя и сексуальным расстройством. Для автора это типичные формы ухода от себя [14]. Таким образом, попытки ухода от тревоги приводят человека к уходу от реальности, в том числе повседневной.

Экзистенциальные проблемы

Экзистенциальная тревога в психологической литературе связана с осознанием особого рода проблем – экзистенциальных данностей. Одна из формулировок экзистенциальных проблем принадлежит Ялому (1980). Принципиальная схема, предложенная автором изображена на рисунке 1. Ялом не публикует тексты в научной периодике, а передает свое экзистенциальное мировоззрение и опыт экзистенциального консультирования в художественных текстах. Тем не менее, его фундаментальная книга «Экзистенциальная психотерапия» стала основополагающей в психологической науке.

Ялом анализирует экзистенциальные переживания с психотерапевтической позиции, используя феноменологический подход [23]. Он определяет экзистенциальный подход в психологии как подход, основанный на конфликте, возникающим из-за конфронтации индивида с конечными данностями существования, присутствующими в жизни каждого человека. Они возникают в процессе рефлексии, когда человек отстраняется от мира повседневности и начинает исследовать собственное бытие, свои возможности, мотивы, ценности. Другим катализатором подобной конфронтации, согласно Ялому, может стать экстремальный опыт, который Карл Ясперс называл пограничными ситуациями [24], когда индивид сталкивается с крахом собственной системы смыслов, теряет жизненную ориентацию, когда возникают угрозы его жизни и существованию [23].

Именно так Ялом и определяет экзистенциальные проблемы человека — как конфронтацию личности с конечными данностями бытия.

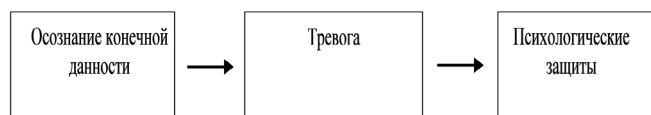

Рис. 1. Схема возникновения тревоги (Ялом, 1980)

Ялом отмечает, что страх перед конечной данностью бытия порождает соответствующую экзистенциальную тревогу. Таким образом, экзистенциальные проблемы имеют в своей основе страх, направленный на одну из конечных данностей: проблема времени, жизни и смерти (данность смерти), проблема свободы, ответственности и выбора (данность свободы), проблема общения, любви и одиночества (данность изоляции) и проблема смысла и бессмысленности существования (данность бессмысленности).

Данность смерти. Представляет собой осознание индивидом конечности собственного существования и, как следствие, возникновением страха за собственную жизнь. «*Противостояние между сознанием неизбежности смерти и желанием продолжать жить — это центральный экзистенциальный конфликт*» [23 с.12].

Данность свободы. Под этим обобщенным понятием Ялом подразумевает отсутствие внешней структуры, когда индивид «заброшен» в мир (в терминах Хайдеггера), в котором нет определённого плана. Отсутствие заранее заданной структуры, «почвы» под ногами вызывает конфликт, связанный с потребностью всё упорядочивать, что приводит к переживанию ужаса [23]. Человеку приходится создавать собственную структуру и собственные смыслы, тем самым совершая выбор и принимая ответственность за этот выбор. Невыбранные альтернативы могут формировать у индивида онтологическую или экзистенциальную вину, которую Мэй определяет как «*отрицание или неисполнение собственного потенциала*» или, говоря иначе, осознание упущенных возможностей в жизни [31]. Возможность действовать или не-действовать, совершать выбор или не-совершать, определяется, в том числе и желаниями индивида, которые могут присутствовать или отсутствовать, что также составляет часть процесса переживания свободы.

Данность изоляции. Ялом выделяет три типа изоляции индивида: *внутреннюю* или интрапсихическую, связанную с отказом от принятия личностью некоторых своих черт и, как следствие, их отделение от сознательного опыта; *межличностную*, интерпсихическую изоляцию или просто одиночество, как социальное отчуждение, или субъективно ощущаемую нехватку контактов, а также *экзистенциальную* изоляцию или одиночество (в терминах Гришиной, [4]). Экзистенциальная изоляция, которая отражает фундаментальное эпистемологическое (невозможно понять субъективный опыт другого или мира) и онтологическое (принципиальная отделённость личности от Другого или от мира) расстояние человека от других людей или мира, в отличие от двух других видов изоляции, относится Яломом к экзистенциальным проблемам.

Данность бессмысленности. Представляет собой осознание индивидом того факта, что во Вселенной какой бы то ни было априорный смысл отсутствует. Именно переживание бессмысленности порождает экзистенциальную фрустрацию или экзистенциальный вакуум (термин Виктора Франкла, [22]) — переживание скуки, апатии, пустоты, депрессии, недовольства людьми, не имеющими смысла. Ялом так формулирует экзистенциальную проблему бессмысленности: «*этот экзистенциальный динамический конфликт порождён дилеммой, стоящей перед ищущей смысла тварью,*

брошенной в бессмысленный мир» [23 с.13].

Одним из следствий из фундаментальности и универсальности экзистенциальных проблем является возможность прогнозирования переживаний и поведения индивида, сталкивающегося с этими проблемами. Ялом, Франкл, Мэй, Гришина и другие авторы приводят ряд наиболее типичных реакций. Психологические защиты можно подразделить на несколько классов: (1) универсальные, которые могут одновременно противодействовать не одной, а нескольким данностям; (2) специальные, направленные против одной данности; (3) конкретные, которые являются способом реализации универсальной защиты [17].

Следует отметить, что подобное деление является условным; более того, часто защиты сложно отделить друг от друга в силу их смыслового сходства. Однако само по себе их описание, основанное на эмпирических и теоретических предположениях, даёт возможность строить гипотезы о причинах поведения индивида в экзистенциальном контексте. Полный список представлен в таблице.

В своей известной книге «Искусство психотерапевта» Джеймс Бьюдженталь предлагает пять данностей существования, с которыми неизбежно сталкивается каждый человек, и которые, в итоге определяют его способы бытия [2]. Конфронтация с данностями позволяет встретить экзистенциальную тревогу «насколько возможно стойко, а затем включить в свое бытие» [2, с.226]. См.табл.4.

Встреча с экзистенциальной тревогой

Отметим, что указанные Яломом конечные данности бытия, как узловые проблемы экзистенциальной психологии, были названы «экзистенциальными вызовами» с легкой руки Тома Грининга, американского психолога и ученика Бьюдженталя [27]. Он видоизменил их и соотнес с тремя возможными реакциями человека (см.табл.5): упрощённо оптимистической (позитивный акцент в виде триумфа, ложной победы над трудностями); упрощённо пессимистической (негативный акцент и фатализм); экзистенциальной (трансценденция, преодоление оппозиции через диалектическую конфронтацию негативного и позитивного). Мы видим, что с тревогой, вызванной столкновениями с экзистенциальными данностями, человек может справляться на разных уровнях, но только один из которых, по сути, является экзистенциальным.

По мнению Грининга, в любой момент времени один из четырех экзистенциальных вызовов может быть актуализирован, а остальные представлены в разной степени приоритетности, что также подразумевает различные комбинации патологических, нормальных и креативных

Способы конфронтации с конечными данностями бытия (Ялом, 1980)

Обозначения столбцов 3–6: «См» — данность смерти, «И» — изоляции, «Св» — свободы, «Б» — бессмысленности. Знак «+» означает, что указанная защита может применяться при конфронтации с соответствующей данностью. В столбце 3 указаны типы защит: «У» — универсальная, «С» — специальная, «К» — конкретная (в скобках указана универсальная защита, к которой относится данная конкретная защита).

№	Название защиты	Тип	См	И	Св	Б
1	Вера в собственную исключительность	У	+	+	+	+
2	Вера в конечного спасителя	У	+	+	+	+
3	Следование обычаям и верованиям группы	К (2)	+	+	+	+
4	Вегетативность и прокрастинация	К (1)	+	+	+	+
5	Компульсивный трудоголизм	К (2)	+	+	+	+
6	Компульсивный героизм	К (1)	+	+	+	+
7	Компульсивная сексуальная активность	К (2)	+	+	+	+
8	«Магическая» защита	К (2)	+	+	+	+
9	Отказ от жизни	К (1)	+	+	+	+
10	Мазохизм и садизм	К (1/2)	+	+	+	+
11	Слияние	К (2)	+	+	+	+
12	Компульсивность	С	–	–	+	+
13	Перенос ответственности	С	–	–	+	–
14	Невинная жертва обстоятельств	С	–	–	+	–
15	Потеря контроля	С	–	–	+	–
16	Избегание автономного поведения	С	–	–	+	–
17	Расстройства в сфере желаний	С	–	–	+	–
18	Уклонение от принятия решений	С	–	–	+	–
19	Войти в отношения	С	–	+	–	–
20	Мистицизм	С	–	+	–	–
21	Творческая деятельность	С	+	+	–	–
22	Оргиастические состояния	С	+	+	–	–
23	Крассадерство	С	–	–	–	+
24	Нигилизм	С	–	–	–	+
25	Вегетативность	С	+	–	–	+
26	Вовлечённость в жизнь	С	–	–	–	+
27	Выявление смысла	С	–	–	–	+
28	Деревлексия	С	–	–	–	+
29	Альтруизм	С	–	–	–	+
30	Гедонизм	С	–	–	–	+

ответов на каждый из этих вызовов [27].

Кирк Шнайдер, яркий последователь и представитель американского экзистенциально-гуманистического направления, внес существенный вклад в развитие психотерапии (а частности, экзистенциально-интегрированной). Он отмечает, что процесс внутреннего поиска помогает личности стать более близкой к своей субъективной реальности, однако по мере этого личность не-

избежно испытывает тревогу подлинности и осуществляет попытки сопротивления, которые блокируют или искажают осознание [32]. Шнайдер разработал интегрированную модель экзистенциальных тревог и сопротивления, опираясь на экзистенциальную философию Кьеркегора и экзистенциальную психологию Мэйя [32; 33]. Автор предполагает, что весь человеческий опыт существует на основе полярности «сужение – экспансия» (the constrictive-expansive polarity) (см.табл.6).

Таблица 4.

Базовые данности бытия (Бьюдженталь, 1987)

Данность	Конфронтация	Уход и невротическая реакция
Укорененность	Изменение	Попытка остановить время, настоять на неизменности
Конечность	Неопределенность	Невозможность сделать и узнать всё, что нужно – трудность определения результатов наших усилий
Способность действовать или не действовать	Ответственность	Отказ брать ответственность за свою жизнь и совершать выбор
Возможность выбора	Отказ	Неспособность выбирать из имеющегося репертуара возможностей, непринятие необходимости от чего-то отказываться
Отдельность-но-связанность	Причастность	Непринятие своего одиночества и факта связанности с другими

Таблица 5.

Экзистенциальные вызовы и ответы на них (Greening, 1992)

	Упрощенно оптимистическая реакция	Упрощенно пессимистическая реакция	Экзистенциальная реакция
Вызов жизни и смерти	Поиск бессмертия, культ красоты, богатства; конترفобия рискованного спорта, наступательной войны, сексуальные эксперименты, избыточное инвестирование в научные исследования	Болезненная одержимость смертью; покорность, фатализм; суицид, склонность к несчастным случаям, пренебрежение к здоровью; негативистская озабоченность скоротечностью бытия	Торжество жизни и принятие всех ее стадий и фаз, зная о том, что у нее будет конец; осознания и утверждения жизненного цикла; противостояние смерти и эфемерного физического бытия; выбор жизни перед лицом смерти
Вызов смысла и абсурда	Истинно верующие, экзальтация рациональной мысли и эмпирической науки, или слепой судьбы; фанатичная преданность, компульсивное построение системы, схоластика, сциентизм; убежденность в том, что смысл один и неизменен, и другие должны приобщиться к нему; приверженность культам и гуру	Компульсивное иконоборчество; антиинтеллектуализм; отрицание всякого смысла и даже поиска смысла; отказ от убеждений; воинствующий атеизм, нигилизм; высмеивание верующих; отчаяние, наркозависимость; провозглашение бессмысленности жизни, хаоса и абсурда	Наслаждение своим осознанием без фиксации на постоянстве; гибкость восприятия разных форм, способность переключаться, отсутствие страха потерять цель; открытость опыту и убеждениям других; восприимчивость и любопытство; способность удерживать противоречие идей и совершать выбор
Вызов свободы и детерминизма	Утверждение свободы без границ, требование самовыражения без запретов; смешение прав и свобод; безудержная индивидуалистическая самореализация, превращенная в религию или идеологию, без мысли о других людях	Бегство от свободы и выбора; отречение, капитуляция перед тиранами, самопорабощение, судьба, созависимость, злоупотребление психоактивными веществами; жизнь – тюрьма; вывод о том, что детерминизм, или социально-экономические условия, или геополитические силы объясняют причины всех человеческих событий	Расширение свободы через осознание контекста и условий свободы; самоутверждение со смирением к своей и чужой ограниченности и возможностям; признание поступков, в которых мужество и свобода противостоят трудностям
Вызов общения и одиночества	Отрицание изоляции, чрезмерная общительность, стадность, созависимость; самоотверженность; сверхвовлеченность в массовые мероприятия; мазохизм в служении другим; многодетность и окружение семьи с целью избежать одиночества	Уход в одиночество; мизантропия, снобизм как дистанция, избегание риска разочароваться в близких контактах; подгон идеологической системы, где одиночество является добродетелью; защитные барьеры от непредсказуемости и интимности; обидчивость и отказ от прощения	Готовность рискнуть и вступить в отношения, осознавая все риски интимности; открытость и смелость вступления в контакт, испытывая сострадания к своим и чужим страхам и обидам

Шнайдер также предполагает, что эти страхи часто развиваются как следствие опыта раннего детства (имплицитная травма) [33]. Психологически здоровый человек – это тот, кто готов противостоять, а не избегать обоих концов континуума и способен свободно двигаться вдоль него. Именно на это и направлен «анализ парадоксов» (в терминах Шнайдера), который составляет цель экзистенциально-гуманистической терапии.

Критика Экзистенциально-гуманистического направления

Экзистенциально-гуманистический подход, развиваемый в США, более экзистенциален по содержанию, чем по психотерапевтической практике [35; 25]. В целом сами авторы (Ялом, Мэй) утверждают, что их практика – это не экзистенциальная терапия, а терапевтический подход,

Полюсы «сужение – экспансия» в человеческом опыте (Schneider, 1999)

	Полюс сужения	Полюс экспансии
Переживание	переживание малости, ограниченности и «оттягивания» мыслей, чувств и ощущений	переживание величия, «вырывающихся вперед» мыслей, чувств и ощущений
Ключевые слова	отступление, уменьшение, очищение, падение, опустошение, замедление	усиление, расширение, рассеивание, восхождение, наполнение, ускорение
Психопатология	агорафобия, депрессия и зависимые черты личности	мания, импульсивность и клаустрофобия
Предельный страх	Например, люди, страдающие от депрессии, могут бояться, что последствия открытия себя миру будут катастрофическими: их самость будет расколота нуждами и требованиями других	Например, люди, страдающие клаустрофобией, могут бояться, что, оказавшись запертыми в помещении, они исчезнут в небытии

основанный на экзистенциальных проблемах (терапевтическая «специя» в терминах Ялома). В то же время, ряд авторов критикует экзистенциально-гуманистический подход за недостаток философской глубины и тенденцию сводить онтологические понятия к онтическому уровню [35; 25]. Влияние психодинамического подхода выражается в чрезмерном внимании к детскому опыту и патологизации (Шнайдер); включение понятия «бессознательная работа» как независимой интрапсихической сферы, которая никак не объясняется (Мэй). Влияние гуманистического направления особо заметно в ярких акцентах на субъективности (Мэй, Бьюдженталь); представлении о терапевтическом процессе, как о линейном, однонаправленном росте клиента [35]; стремлении к аутентичности и представлении о неаутентичности как о болезни (Бьюдженталь, Шнайдер).

Тем не менее, из всех экзистенциальных терапий экзистенциально-гуманистический подход сделал больше всего для того, чтобы очертить природу экзистенциальных терапевтических отношений, и представил уникально полное и последовательное описание видов экзистенциальных проблем, с которыми могут столкнуться клиенты [25]. Именно идея психологических защит: избегание, отрицание и сопротивление данностям существования описаны в рамках американской школы, что несомненно делает понятным и доступным идеи экзистенциальной психологии специалистам всех направлений.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что экзистенциальные данности вносят вклад в формирование тревоги и обеспокоенности человека, они являются теми условиями, которые дают человеку максимальное переживание включенности в свою жизнь. В представленной работе впервые были собраны и систематизированы описания конфронтаций, психологических защит и типов реакций, связанных с экзистенциальной тревогой, собранные на основе работ разных авторов: Пауля Тиллиха, Ролло Мэя, Ирвина Ялома, Джеймса Бьюджентала, Тома Грининга, Кирка Шнайдера. Особенностью экзистенциального подхода является предпосылка о том, что экзистенциальные проблемы являются фундаментальными и основополагающими компонентами повседневного существования человека. Несмотря на переживаемую неожиданность конфронтации индивида с этими данностями бытия, они всегда присутствуют в нашей жизни. Способы справиться с экзистенциальной тревогой могут относиться к разным уровням существования, которые не всегда являются экзистенциальными. Осведомленность в том, как быть с экзистенциальной тревогой и при этом не быть парализованным и выключенным из жизни, позволяет человеку получить доступ к чему-то для выхода за пределы себя и своей повседневности, не редуцируя собственный мир до пределов, создаваемых неврозом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Е.В. Защитные механизмы при экзистенциальной тревоге // Science Time. 2015. №5 (17).
2. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб., 2001
3. Григорова, И.Р. Экзистенциальная тревога в юношеском возрасте / И.Р. Григорова, А.Ш. Меннанова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2017. – № 4(10). – С. 53-56
4. Гришина Н.В. (2018). Экзистенциальная психология: учебник. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
5. Гришина Н.В. Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. №4.
6. Ефремова О.Н. Ностальгия, скука и тошнота как модусы экзистенциальной тревоги // Манускрипт. 2016. №9 (71).
7. Исагулова, Е.Ю. Понятие экзистенциальной тревоги в работах Ролло Мэя и ее значение в экзистенциальной психотерапии пациентов с посттравматическим стрессовым расстройством / Е.Ю. Исагулова // World science: problems and innovations: Сборник статей XLV Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 августа 2020 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 232-241. – EDN SHIDDA.

8. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт: отчаяние и надежда. *Философские науки*. 2016;(10):54-67.
9. Копылова О.Ю., Позднякова О.А. Исследование экзистенциальной тревоги и отношения к смерти в психологической науке // *Вестник Московского гуманитарно-экономического института*. 2018. № 2. С. 144-147
10. Кричевец А.Н., Солодушкина М.В. Мужество быть. Жизнестойкость и вера // *Консультативная психология и психотерапия*. 2014. Том 22. № 5. С. 103–117. DOI: 10.17759/cpp.2014220505
11. Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // *Консультативная психология и психотерапия*. 2003. Том 11. № 2. С. 107–119
12. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. — М.: Смысл, 2006. 63 с.
13. Мэй Р. (1996а/1967). Смысл тревоги. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2016
14. Мэй Р. Искусство психологического консультирования / пер. с англ. Т. К. Кругловой. — М.: Независимая фирма «Класс», 1999
15. Мэй Р. Открытие бытия. М., 2004
16. Попова О.Ф. Экзистенциальный анализ в работе с пищевой зависимостью: трансформация страдания и тревоги в ценности и смысл // *Акмеология*. 2014. №3 (51)
17. Смирнов Е.А. Из личной переписки (не опубликовано). 2021
18. Старовойтов В.В. Тревога и способы ее преодоления // *История философии*. 2015. №1. С. 151-168
19. Теория и практика экзистенциальной психологии / Р. Мэй, А. Маслоу, К.Р. Роджерс; ред. С. Римский. 2-е изд. (эл.). — Москва : Ин-т общегуманит. исследований, 2016
20. Тиллих П. Мужество быть. P.Tillich. The courage to be. N.Y., 1952. В кн.: П. Тиллих. Избранное. М.: «Юрист», 1995
21. Франкл В. Воля к смыслу, Москва. ООО «Альпина нон-фикшн», 2018
22. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия / Пер. с нем. — СПб.: Речь, 2000
23. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. (1980) / пер. с англ Т. С. Драбкиной. — М.: «Класс», 1999
24. Ясперс К. Духовная ситуация времени. - М: АСТ, 2013.
25. Cooper M. (2017) *Existential Therapies*. 2nd edn, SAGE
26. Greenberg, J., Koole, S. L. & Pyszczynski, T. (2004). *Handbook of experimental existential psychology*. New York, NY: The Guilford Press.
27. Greening T. Existential challenges and responses // *The Humanistic Psychologist*, 1992, vol. 20, N 1, pp.111-115
28. Koole, S. L., Greenberg, J. & Pyszczynski, T. (2006). Introducing science to the psychology of the soul: Experimental existential psychology. *Curr. Dir. Psychol. Sci.* 15 (5), 212—216.
29. Maddi S.R. (2004) Hardiness: An Operationalization of Existential Courage // *Journal of Humanistic Psychology*. Vol. 44(3). P. 279—298. doi:10.1177/0022167804266101
30. Maddi S.R., Khoshaba D.M., Harvey R.H., Fazel M., Resurreccion N. The Personality Construct of Hardiness. Relationships With the Construction of Existential Meaning in Life // *Journal of Humanistic Psychology*. 2011. Vol. 51(3). P. 369—388. doi:10.1177/0022167810388941
31. May R. (1996b). *Psychology and the human dilemma*. New York: Norton
32. Schneider K.J., May, R. (1995). *The psychology of existence: An integrative, clinical perspective*. New York: McGraw-Hill
33. Schneider, K.J. (1999) *The Paradoxical Self: Towards an Understanding of Our Contradictory Nature*. (2nd edn) Amherst, NY: Humanities Books.
34. Van Bruggen, V., Klooster, P., Westerhof, G., Vos, J., De Kleine, E., Bohlmeijer, E. & Glas, G. (2017). The Existential Concerns Questionnaire (ECQ) — Development and Initial Validation of a New Existential Anxiety Scale in a Nonclinical and Clinical Sample. *J. Clin. Psychol.* 73(12), 1692—1703.
35. Van Deurzen, E. (1991) 'The paradoxical self: towards an understanding of our contradictory nature, by Kirk J. Schneider – book review', *Journal of the Society for Existential Analysis*, 2: 71–3.
36. Van Pachterbeke, M., Keller, J. & Saroglou, V. (2012). Flexibility in Existential Beliefs and Worldviews. *J. Individ. Differ.* 33 (1), 2—16.
37. Weems, C. F., Costa, N. M., Dehon, C. & Berman, S. L. (2004). Paul Tillich's theory of existential anxiety: A preliminary conceptual and empirical examination. *Anxiety, Stress Coping*, 17 (4), 383— 399.

© Макарова Мария Владимировна (m.v.makarova@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА БАЛАНСА РАБОТЫ И СЕМЬИ НА ЭТАПЕ СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ У СПЕЦИАЛИСТОВ, ЗАДЕЙСТВОВАННЫХ В ТОРГОВЛЕ

Пикта Владимир Александрович

Аспирант, Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина
pikta.v.a@yandex.ru

PROBLEMS OF WORK-FAMILY BALANCE AT THE STAGE OF MIDDLE ADULTHOOD OF TRADE EMPLOYEES

V. Pikta

Summary: The article analyzes the problems of work-family balance at the stage of middle adulthood of trade workers. The main characteristics of the features of the period of middle adulthood, as well as the sphere of trade, are presented. The main professions in the field of trade, which most often contribute to the imbalance between work and family, are characterized. This article fills a gap in research on the impact of work-family balance on work engagement, both directly and through individual ideas about the support of work-family balance on the part of the employer.

Keywords: psychological development of personality, balance, work, family, middle adulthood, trade employees, professional activity, age-related psychology, developmental psychology.

Аннотация: В статье проведен анализ проблемы баланса работы и семьи на этапе средней зрелости работников торговли. Представлены основные характеристики особенностей периода средней зрелости, а также сферы торговли. Охарактеризованы основные профессии в сфере торговли, которые наиболее часто способствуют нарушению баланса между работой и семьей. Данная статья восполняет пробел в исследованиях влияния баланса между работой и семьей на вовлеченность в работу, как напрямую, так и через индивидуальные представления о поддержке баланса между работой и семьей со стороны работодателя.

Ключевые слова: психологическое развитие личности, баланс, работа, семья, средняя зрелость, сотрудники, занятые в сфере торговли, профессиональная деятельность, возрастная психология, психология развития.

В сегодняшнем динамически изменяющемся мире люди часто сталкиваются с проблемой поддержания баланса между личной жизнью и профессиональной деятельностью. Конфликт работы и семьи является отражением изменений в ролях в зависимости от пола или экономической активности человека. Сегодня упомянутый выше баланс перестает быть индивидуальной проблемой, выходя на социальный и институциональный уровень. Наиболее часто с данной проблемой сталкиваются люди, достигшие возраста средней зрелости. Согласно Э. Эриксону, этот жизненный этап, именуемый также зрелостью, охватывает период от 25 до 65 лет [8, с. 201]. Теоретически баланс между работой и семьей приобретает все большее значение, но практика показывает, что все еще существуют трудности в осуществление определенных прав, связанных с балансом между работой и семьей, и что многие организации, особенно в сфере торговли, все еще не признают важность совмещения работы и семейной жизни [3, с. 95].

Можно выделить два основных понятия, описывающие поиск баланса между работой и другими жизненными ролями:

1. баланс между работой и личной жизнью;
2. баланс между работой и семьей.

Баланс между работой и личной жизнью – это концеп-

ция, поддерживающая усилия людей по распределению своего времени и энергии между работой и другими важными социальными ролями и обязанностями в их жизни, такими как семья, друзья, сообщество, духовность, личностный рост, хобби и другие личные занятия [5, с. 18]. С другой стороны, баланс между работой и семьей – это выполнение связанных с ролью ожиданий, согласованных и разделяемых между индивидом и его или ее партнерами по работе и семье, связанными с социальной ролью [5, с. 19]. Термины схожи, но не идентичны, поскольку понятие баланса между работой и личной жизнью более широкое и ёмкое. Концепция баланса между работой и семьей в основном используется для описания стабильности и равновесия между обязанностями, связанными с данными социальными институтами. Он понимается, как стремление человека иметь достаточно времени и энергии, чтобы посвятить их семье, эффективно выполняя при этом все задачи на своем рабочем месте.

Недавний всплеск интереса к взаимодействию между данными доминирующими сферами жизни породил ряд популярных концепций, среди которых:

- конфликт между работой и семьей;
- обогащение между работой и семьей;
- интеграция между работой и семьей;
- и другие.

Баланс между работой и семьей часто подразумевает сокращение внимания к первому для удаления большего времени последнему. Поиск равновесия в данной сфере показывает ориентацию человека на разные жизненные роли и явление взаимосвязи. Не смотря на преобладающее мнения о том, что индивид неизбежно организует для себя иерархию значимости, многие из нас демонстрируют сопоставимую приверженность различным жизненным ролям, придерживаясь сбалансированной ориентации. Ролевой баланс можно охарактеризовать, как тенденцию быть полностью вовлеченным в выполнение каждой роли в общей ролевой системе, подходить к каждой типичной роли и ролевому партнеру со вниманием и заботой [1, с. 125]. Баланс между работой и семьей можно также охарактеризовать как удовлетворение и хорошее функционирование на работе и дома при минимуме ролевых конфликтов [4, с. 9].

Исходными данными для поддержания этого равновесия на этапе средней зрелости являются личные ресурсы, которые применяются к каждой роли. Быть сбалансированным – значит подходить как работе, так и к семье, с сопоставимым уровнем внимания, времени, вовлеченности или приверженности. При этом можно выделить:

- Положительный баланс.
Предполагает одинаково высокий уровень внимания, уделяемого времени и приверженности.
- Отрицательный баланс.
Предполагает одинаково низкий уровень по упомянутым показателям.

Эти входные данные отражают уровень психологической вовлеченности индивида с точки зрения времени, посвященного каждой роли.

Другой компонент баланса относится к итоговым результатам, наблюдаемым в рабочих и семейных ролях, одним из которых, часто является удовлетворенность [6, с. 403]. Положительный баланс подразумевает одинаково высокий, а отрицательный - одинаково низкий уровень удовлетворенности каждой из них. Фактически, один из показателей положительного баланса оценивает степень, в которой индивид одинаково удовлетворен всеми жизненными ролями. Поскольку вовлеченность, в данном случае, делится на временную и психологическую, можно выделить три компонента баланса между работой и семьей [10, с. 22]:

1. Баланс времени: равное количество времени, посвященное работе и семейным ролям.
2. Баланс вовлеченности: равный уровень психологической вовлеченности в рабочие и семейные роли.
3. Баланс удовлетворенности: равный уровень удовлетворенности работой и семейными ролями.

Считается, что баланс между работой и семьей способствует благополучию, а его отсутствие вызывает высокий уровень стресса, снижает качество жизни и, в конечном счете, приводит к падению трудовых показателей. Участие в нескольких ролях защищает или буферизует человека от последствий негативного опыта в какой-либо одной роли. Помимо данного эффекта, считается, что баланс между работой и семьей способствует благополучию более прямым образом [12, с. 164]. Сотрудники испытывают низкий уровень стресса и меньшую перегрузку, большую легкость в исполнении ролей и меньшую депрессию, предположительно, потому что они участвуют в характерной для себя деятельности.

Более того баланс между работой и семьей способствует снижению хронического конфликта между данными социальными институтами. Уравновешенные люди полностью вовлечены в обе роли и не позволяют ситуационным обстоятельствам хронически стоять у себя на пути. Они разрабатывают распорядок дня, позволяющий удовлетворять долгосрочные требования обеих сфер, нивелируя обширный конфликт между ними.

В целом, сбалансированное участие в работе и семейных ролях, как ожидается, связано с индивидуальным благополучием, поскольку такой баланс уменьшает конфликты между работой и семьей и стресс, оба из которых умаляют благополучие [10, с. 27]. Таким образом, можно с уверенностью говорить, о позитивном воздействии подобного равновесия на общее качество жизни человека.

Меняющиеся с годами модели ведения коммерческой деятельности оказали значительное влияние, как на семейную, так и на социальную жизнь работающих индивидов в период средней зрелости [2]. При ограниченном 24-часовом временном ресурсе, доступном в день, взрослый человек может столкнуться со многими проблемами, среди которых:

- ограниченные сроки выполнения профессиональных задач,
- финансовые обязательства,
- неотложные семейные дела,
- и другие.

Подобная ситуация может создать ролевой конфликт, способный повлиять на уровень вовлеченности в работу, семью и социальную жизнь [2-4]. Некоторые ученые предполагают, что более высокие требования, предъявляемые к домашней деятельности, препятствуют установлению баланса [2, 3]. Конфликт между работой и личной жизнью сотрудников сферы торговли указывает на то же. Это явление частично объясняется увеличением доли женщин в профессиональной среде и растущим участием мужчин в выполнении домашней работы, включая уход за детьми и семейные хлопоты.

Конфликт между работой и личной жизнью может возникнуть, на почве ролевой неудовлетворенности и неспособности достичь баланса между этими областями. Его формирование и развитие способно оказывать негативное воздействие на здоровье людей. Известно, что конфликт между работой и личной жизнью среди сотрудников связан со многими проблемами со здоровьем, включая неудовлетворительное физическое здоровье, плохое самочувствие, психологический стресс, неудовлетворенность жизнью [11, с. 403].

Гендер играет ключевую роль в понимании того, как распределяется совместная деятельность мужчин и женщин в основных социальных институтах. Этот термин не статичен, а скорее представляет собой явление, при котором идентичность постоянно пересматривается. Данные свидетельствуют о том, что традиционные и общественные ожидания от поведения различаются следующим образом:

- женщины на этапе средней взрослости несут ответственность за уход, семейные мероприятия и другие виды домашней деятельности;
- мужчины в этот же период берут на себя основную роль в оплачиваемой трудовой деятельности [12, с. 167].

В своем исследовании К. Браунер и другие [9, с. 103] отметили, что долгий рабочий день, психологическая вовлеченность в профессию, негибкое распределение времени, отсутствие ясности в трудовых функциях и ролевая перегрузка являются показателями, влияющими на конфликт между работой и личной жизнью характерный сотрудникам сферы торговли. Гендерное неравенство в конфликте между данными сферами может быть связано с социально-экономической политикой. Так, например, отпуск по уходу за ребенком, поддержка ухода за детьми и престарелыми, строгое регулирование труда и медицинское обслуживание являются факторами, которые оказывают прямое воздействие, как на профессиональную деятельность, так и личную жизнь большинства людей.

Сфера торговли включает в себя множество специальностей, однако среди них можно выделить те, которые потенциально нарушают баланс между работой и семьей сотрудника, к ним относятся профессии:

- продавца;
- брокера;
- маркетолога;
- торгового представителя;
- и другие.

В Таблице 1 представлены риски данных профессий в сфере баланса между работой и семьей, исходя из которых, можно сделать вывод, что для специалистов, задействованных в сфере торговли характерно:

- эмоциональное и нервное напряжение;
- подверженность эмоциональному выгоранию;
- нестабильная заработная плата;
- ненормированный и напряженный рабочий график.

Данной тематики касаются В.А. Пикта и С.В. Марихин в своей статье «Особенности эмоционального выгорания сотрудников, занятых в сфере торговли» [7].

Таблица 1.

Риски профессий в сфере торговли, оказывающие влияние на отсутствие баланса между работой и семьей

Профессия	Риски
Продавец	Эмоциональное и нервное напряжение (холодные продажи), напряженный рабочий график, сдельная оплата труда (заработная плата зависит от количества продаж или заключенных сделок), нестабильная заработная плата, работа с людьми, подверженность сотрудников эмоциональному выгоранию
Брокер	Эмоциональное и нервное напряжение, подверженность сотрудников эмоциональному выгоранию, стрессовые ситуации, нестабильная заработная плата, высокий уровень ответственности, ненормированный рабочий график
Маркетолог	Умение быстро переключаться с задачи на задачу, изменчивость рынка и потребительского поведения, ненормированный или напряженный рабочий график, большая ответственность
Торговый представитель	Частые разъезды, ненормированный или напряженный рабочий график, нестабильность, готовность к переменам (в том числе – места жительства), отсутствие бытовых удобств

Перечисленные факторы способны оказывать негативное влияние на баланс между работой и семьей. Их продолжительное воздействие с высокой долей вероятности приводит к психологическим проблемам, среди которых депрессия, замкнутость, упадок сил, различные кризисные состояния, аддитивное поведение (злоупотребление алкоголем, наркотиками и т.д.).

На этапе средней взрослости люди, как правило, образуют семью, в которой рождаются дети, что, определенно, накладывает следующие требования:

- повышенная ответственность;
- вовлеченности в жизнь партнера;
- наличие свободного времени не только для личного отдыха, но и для проведения его с семьей;
- и другие.

В сфере торговли наиболее уязвимой категорией являются родители-одиночки – им сложнее всего соблюдать баланс между семьей и работой. Не говоря даже о рисках перечисленных выше, предусмотренное профессией активное взаимодействие с людьми требует

повышенной отдачи энергии, которой часто не остается для близких, как следствие, страдает личная и семейная жизнь. Напряженный рабочий график смещает баланс между семьей и работой в пользу последнего. Нестабильная заработная плата также может оказать негативное влияние на взаимоотношения партнеров в семье, бытовые ссоры и даже угрозу развода.

В дополнение к проблеме баланса между работой и семьей существуют вопросы, остро стоящие на уровне работодателя. Сюда можно отнести профессиональную самореализацию и карьерные ожидания сотрудников, при недостаточной вовлеченности в трудовую жизнь. Современному коммерческому предприятию нужны энергичные специалисты преданные своему делу вовлеченные и продуктивные. Причем вовлеченность, в данном случае, определяется как позитивное состояние, связанное с работой, характеризующееся энергией, целеустремленностью и поглощенностью. Бодрость во время работы может свидетельствовать о психической устойчивости. Преданность делу проявляется в ответственности и энтузиазме, а также ощущении важности профессии и собственного труда. Поглощенность означает, что человек полностью погружен в работу с минимальными ошибками. [5, с. 18].

Таким образом, вовлеченность в работу – это относительно постоянное состояние ума с одновременным вложением личной энергии в развитие предприятия и профессии. Она включает в себя эмоциональные и психологические отношения между сотрудниками и их организацией, которые могут трансформироваться в негативное или позитивное поведение последних на рабочем месте.

Успешный баланс между работой и семьей также оказывает влияние на вовлеченность отдельных людей в работу. Его восприятие связано с ощущением индивидуальной собственной ценности для организации и поддержки со стороны руководства. Другая причина заключается в том, что сотрудники, несущие ответственность за свою семью, постоянно страдают от нехватки времени и энергии. В подобной ситуации чрезмерная вовлеченность в работу может перерасти в эмоциональное выгорание, что, в свою очередь, означает меньшую вовлеченность в работу в долгосрочной перспективе [2].

Наиболее значимое смещение приоритетов между работой и семьей в пользу последнего наблюдается у женщин. Исследование вовлеченности в различные роли [9] показало, что у них больше связей между рабо-

той и семьей, чем у мужчин. Здесь можно говорить об исторически сложившемся образе «добытчика» и «хранительницы очага». Сотрудники, ощущающие корпоративную поддержку в сохранении баланса между работой и семьей, удовлетворены, целеустремленны и успешно справляются с трудовой нагрузкой, более того отдельные исследования [10-12] показывают у них высокий уровень вовлеченности в профессиональную деятельность.

В завершении отмечу, что для того, чтобы говорить о влиянии положительного и отрицательного баланса между работой и семьей на качество жизни необходимо различать сотрудников торговли, демонстрирующих высокий и низкий уровень вовлеченности в свои роли в каждом из этих социальных институтов. Люди, посвящающие значительное время своим обязанностям в обеих сферах и распределяющие его поровну, демонстрируют положительный баланс времени. И напротив – удаление в равной степени ограниченного внимания семье и работе свидетельствует об отрицательном балансе времени. Аналогичным образом, люди, вкладывающие значительную долю психологической вовлеченности в свои объединенные роли и равномерно распределяющие ее между работой и семьей, демонстрируют положительный баланс вовлеченности, в то время как в обратном случае можно говорить об отрицательном балансе вовлеченности.

Эпоха высоких технологий и доступность информационных ресурсов открывают широкий спектр возможностей. Каждый самостоятельно выстраивает иерархию приоритетов. В современном обществе мы можем наблюдать как низкую, так и высокую вовлеченность в социальные роли задаваемые работой и семьей. При этом опираясь на настоящее исследование можно с высокой долей уверенности говорить о том, что положительный баланс оказывает более позитивное воздействие на качество жизни, чем отрицательный.

Когда сотрудники, задействованные в торговле, начинают уделять время работе и семье, в равной степени распределяя его между ними, возрастает и запас доступных им эмоционально-психологических ресурсов, которые могут быть направлены на упомянутые социальные институты. Формируется позитивное подкрепление и ощущение принадлежности к группе, закрывающее одну из основных психических потребностей индивида. Ситуация же дисбаланса способна спровоцировать обширный конфликт между работой и семьей, которому сопутствует стресс и снижение качества жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскакова М.Е., Соболева И.В. (2018). Баланс семьи и работы: новые возможности в условиях цифровой экономики // Народонаселение. – Т. 21. – № 3. – С. 122-135.

2. Белехова Г.В. Баланс между работой и личной жизнью: субъективная оценка и влияние на трудовой потенциал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42799983>
3. Зонова О.В., Нехода Е.В. Методический подход к измерению качества трудовой жизни работников: региональный аспект // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 46. – С. 92-107.
4. Миляева Л.Г. Теоретические вопросы и методики комплексного анализа качества трудовой жизни // Социально-трудовые исследования. – 2019. – № 1 (34). – С. 6-18.
5. Разумова Т.О., Серпухова М.А. Баланс «семья–работа» в системе управления социально трудовыми отношениями: вопросы теории и практики // Проблемы теории и практики управления. – 2020. – № 5. – С. 15-25.
6. Разумова Т.О., Серпухова М.А. Достижение баланса семья–работа в Российской Федерации: теоретические основы и современные тенденции // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2019. – С. 401-415.
7. Пикта В.А., Марихин С.В. Особенности эмоционального выгорания сотрудников, занятых в сфере торговли / XXV юбилейные Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции Т. III. СПб, 2021. С. 190-194.
8. Эриксон Э.Г. Идентичность // Психология самосознания: Хрестоматия. – Самара, 2003. – 533 с.
9. Brauner C., Wohrmann A.M., Frank K., Michel A. Health and work-life balance across types of work schedules: A latent class analysis. Applied Ergonomics. – 2019. – №81. – p. 102-109.
10. Eldor L., Harpaz I., Westman M., The Work/Nonwork Spillover: The Enrichment Role of Work Engagement. Journal of Leadership & Organizational Studies. – 2020. – №27(1). – p. 21-34.
11. Gender and career success: A typology and analysis of dual paradigms / Katherine A. Frear, Samantha C. Paustian-Underdahl, Eric D. Heggstad, Lisa Slattery Walker // Journal of Organizational Behavior. – 2019. – Vol. 40, № 4. – p. 400-416.
12. Matilla-Santander N., Lido'n-Moyano C., Gonza'lez-Marro'na A., Buncha K., Marti'n-Sa'nchez J.C., Marti'nez-Sa'nchez J.M. Attitudes toward working conditions: are European Union workers satisfied with their working hours and work-life balance? Gaceta Sanitaria. – 2019. – №33(2). – p. 162-168.

© Пикта Владимир Александрович (pikta.v.a@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

ТРУДНОСТИ ПОНИМАНИЯ СОБСТВЕННЫХ ЭМОЦИЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СИТУАЦИЯХ У МОЛОДЕЖИ

DIFFICULTIES OF RECOGNIZING OWN EMOTIONS IN ECOLOGICAL SITUATIONS AMONG THE YOUNG POPULATION

S. Savchenko

Summary: Various ecological situations cause an emotional response in people. However, not all people know how to recognize and name their emotions. This condition is called alexithymia. This study revealed the difficulty of understanding and naming their feelings among young people. Alexithymic manifestations make it difficult to form ecological consciousness. The development of emotional intelligence and empathy will contribute to the development of the emotional component of ecological consciousness and ecological compassion.

Keywords: emotional intelligence, empathy, alexithymia, ecological consciousness, ecological compassion.

Савченко Светлана Николаевна

Аспирант, Волгоградский институт
управления – филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
savchenko-svet-lana@yandex.ru

Аннотация: Различные экологические ситуации вызывают у людей эмоциональный отклик. Однако не все люди умеют осознавать и называть свои эмоции. Это состояние называется алекситимией. Данное исследование выявило трудности понимания и названия своих чувств у молодежи. Алекситимические проявления затрудняют формирование экологического сознания. Развитие эмоционального интеллекта и эмпатии будет способствовать развитию эмоционального компонента экологического сознания и экологического сострадания.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмпатия, алекситимия, экологическое сознание, экологическое сострадание.

Эмоциональные реакции сопровождают всю психическую деятельность человека. Они отражают актуальное состояние потребностей, оказывают формирующее воздействие на ценностные ориентации, определяют отношение к тем или иным явлениям действительности [5, с. 99].

Умение распознавать, называть и реагировать как на собственные, так и на чужие эмоциональные проявления напрямую связано с социальной успешностью. Это называется эмоциональным интеллектом. Он помогает ориентироваться в многообразии переменных общественной жизни и окружающей среды [1, с. 44]. Еще одним психологическим феноменом, связывающим эмоции, человека и социум, является эмпатия – не только понимание переживаний другого, но и эмоциональный отклик на них [5, с. 365]. Близким к нему является понятие сострадания: помимо прочего, оно имеет практический аспект, ощущение «я должен что-то сделать».

Трудности распознавание эмоций называются алекситимией. Это понятие было предложено П. Сифнеосом и подразумевает нечувствительность к собственным переживаниям, сложностям вербализации внутренних состояний [2, с. 23].

Эмоциональные переживания относительно природных объектов и явлений являются важными составляющими экологического сознания наряду со знаниями,

установками, ценностями и целеполаганием деятельности [6, с. 19]. Являясь частью сложного образования, эмоции играют значительную роль в формировании ценностных ориентиров, установок и отношения к экологическим объектам и явлениям. Эмоции помогают накапливать знания и побуждают к реальным действиям. [5, с. 104, 123]

Однако у современной молодежи возникают трудности идентификации собственных эмоций в экологических ситуациях. Такой вывод можно сделать на основе ответов, полученных методом полуструктурированного интервью, проведенного с молодежью Волгоградского региона. Это интервью – часть исследования, направленного на изучение содержания экологического сознания. В рамках интервью обсуждалась взаимосвязь экологии с различными сферами жизни человека, а также эмоциональные реакции на экологические ситуации и когнитивные конструкты в отношении них. Число проведенных интервью было ограничено 11, так как была достигнута информационная насыщенность.

Трудности понимания эмоций в экологических ситуациях были обнаружены у молодых людей, проходивших интервью в рамках исследования содержания экологического сознания. В ходе интервью молодым людям предстояло отвечать на вопросы касательно их мыслей, действий и чувств относительно различных экологических проблем.

Так, один из вопросов звучал следующим образом: «Какие чувства вы испытываете, если узнаете из новостей о лесных пожарах, загрязнении водоемов, животных, попавших в неволю?». Респонденты давали следующие ответы: «Ты понимаешь, что губишь это, а тебе еще жить на это планете, детям, внукам твоим»; «Надо найти виновных»; «Халатность какая-то»; «Не надо устраивать пожары и разливать нефть»; «Это наша природа, наше будущее. Это даст свой отклик. Мы приносим вред».

В приведенных примерах эмоции не названы напрямую, однако можно заметить наличие эмоционального фона, равнодушие респондентов относительно обсуждаемой проблемы.

Еще один вопрос из интервью: «Давайте пофантазируем. Представим, что вы оказались где-то на мусорном полигоне. Какие чувства у вас вызывает такая картина?». На примере этого вопроса можно разобрать многообразие ответов и реакций, которые демонстрировали респонденты.

Здесь также преобладают ответы, не называющие эмоции напрямую. У 2 из 11 респондентов в ответе содержатся указания на поведенческие реакции. Например: «Хочу уйти. Не хочу находиться в таком месте, первое, что приходит в голову, это вонь, это грязь, не хочется находиться в такой грязи».

Чаще всего – в 4 случаях из 11 – название эмоций подменяется когнициями. Например: «Я думаю, что свалки должны быть подальше от человека».

Встречаются оценочные суждения, несущие в себе эмоциональный заряд. Это зафиксировано в 2 случаях из 11. Например: «Свалки – это плохо».

Помимо этого, в ответах описываются телесные реакции. Например: «У меня кулаки сжимаются». Такой ответ был дан 1 раз за 11 интервью.

Ответы, содержащие прямое название эмоций, были получены в 2 из 11 случаях. Например: «Мне становится очень тоскливо, грустно».

Если респондент давал ответ, не содержащий прямого названия эмоций, ему задавался уточняющий вопрос: «Эта мысль такая приходит, а чувствуешь что?» или «Это так тело реагирует. Если кулаки сжимаются, значит, какую эмоцию мы испытываем?». В случае с этим вопросом в 3 интервью из 9 уточняющие вопросы помогали дифференцировать прочие реакции от эмоциональных и дать название своему переживанию. В остальных случаях уточняющие вопросы не помогали.

Поскольку в ходе интервью было установлено на-

личие эмоционального фона, то подобные уточняющие вопросы, повторение подразумеваемых чувств и перефразирование не только помогали подвести респондента к ответу, но и способствовали налаживанию контакта, устанавливали атмосферу доверия. Такие условия проведения интервью дают понять респонденту, что его чувства принимаются, поощряются дальнейшие высказывания [7, с. 33].

Еще один вопрос интервью, требующий ответа про эмоции: «Что чувствует экологически пассивный и экологически активный человек?». Этот вопрос закрывал блок обсуждения различных позиций людей относительно экологических проблем. Здесь мы также сталкиваемся со сложностями описания своих и чужих эмоций. Например: «Пассивный как-то механически чувствует, а активный... он это любит»; «Не знаю, у меня прагматичная точка зрения».

Всего интервью содержало 3 вопроса, требующих ответа относительно эмоциональной реакции. В Таблице 1 представлено количество ответов в каждой из категорий для всех 11 респондентов в сумме.

Таблица 1.

Тип ответов	Количество	%
Эмоция	7	21%
Когниция	12	37%
Телесная реакция	4	12%
Оценочное суждение	5	15%
Готовность к действию	5	15%
Всего	33	100%

Таким образом, в большинстве случаев вопросы касательно эмоциональных реакций на экологические ситуации не получают ответов с указанием эмоций.

Такого рода «эмоциональная глухота» по отношению к собственным реакциям может иметь различные корни. Можно предположить, что у респондентов была готовность отвечать на вопросы относительно своего мнения, а не переживаний, сработала установка обсудить мысли и суждения, а не эмоции.

Зачастую ответы, лишённые эмоциональной составляющей, свидетельствуют о плохом контакте, отсутствии установления доверия между исследователем и респондентом. Однако свобода рассуждений и отсутствие социально-желательных ответов говорит о достаточном уровне доверия к интервьюеру.

Еще один из возможных вариантов – наличие алекситимических проявлений у респондентов. Однако подобные выводы стоит делать, лишь проведя комплексное

психологическое исследование, включающее клиническую беседу и специализированные методики для диагностики алекситимии.

Этот вариант представляется наиболее вероятным, но с некоторыми оговорками. Поскольку алекситимия подразумевает нечувствительность к внешним объектам, в том числе к интервьюеру и содержанию разговора, а в исследовании отмечена личная заинтересованность, неравнодушие к теме беседы, то использовать этот термин было бы не совсем корректно [3, с. 47]. Респонденты испытывают аффективные переживания, их ответы эмоционально окрашены. Наличие ответов относительно телесных реакций и оценочных суждений говорит о существовании внутреннего напряжения, которое сложно описать в терминах эмоциональных реакций. Скорее всего, здесь имеют место алекситимические проявления когнитивного типа по классификации Б. Бермонда. Этот тип характеризуется слабой рефлексией чувств при их наличии [9, с. 305].

Возвращаясь к вопросу изучения содержания экологического сознания, на основании этих результатов

можно сделать вывод, что проблемы экологии не имеют развитого эмоционального компонента в сознании молодежи, что может отразиться не только на их мыслях и отношении к экологии, но и на практическом аспекте. Слабо осознаваемый эмоциональный заряд не приведет к волевому усилию, достаточному для поведенческого акта [4, с. 322, 8, с. 563]. Таким образом, работа в плане развития экологического сознания и активизации экологического поведения должна включать в себя развитие эмоциональной чувствительности, эмоциональной рефлексии, то есть – эмоционального интеллекта.

Эмпатия и сострадание к людям связаны с эмоциональным интеллектом. На основании этого исследования можно предположить о связи эмоционального интеллекта с экологическим сознанием: то есть люди, способные к пониманию своих эмоций и эмоций других людей, будут в большей степени сопереживать природе. Можно использовать понятие «экологическое сострадание», которое будет характеризовать меру эмоциональной вовлеченности в экологические проблемы и влияния на реальное поведение людей в этом вопросе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И.Н. Азбука эмоционального интеллекта. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 288 с.
2. Андреева, И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта / И.Н. Андреева // Социально-психологические проблемы ментальности: 6-я Международная научно-практическая конференция. Смоленск: СГПУ, 2004. Ч. 1. С. 22–26.
3. Былкина Н.Д. Алекситимия (аналитический обзор зарубежных исследований) // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1995. № 1. С. 43–53.
4. Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 199. 368 с.
5. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
6. Макарова Л.М. Экологическая психология и педагогика: учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2014. 123 с.
7. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью. М.: Институт молодежи, 1991. 106 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
9. Moormann, P.P., Bermond, B., Albach, F., Lamprini, S. Alexithymia types and empathy. Current developments in alexithymia: A cognitive and affective deficit. Nova Science Publishers, 2018. Pp. 289–311.

© Савченко Светлана Николаевна (savchenko-svet-lana@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛУШАРНО-КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ И ВИДЫ МЫШЛЕНИЯ В АСПЕКТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ядрищевская Татьяна Васильевна

К.б.н., доцент, Тихоокеанский государственный
университет, г. Хабаровск
tagir.on-line@mail.ru

HEMISPHERE-COGNITIVE STYLES AND TYPES OF THINKING IN THE ASPECT OF EDUCATIONAL ACTIVITY

T. Yadrishenskaya

Summary: The article discusses the relationship of hemispheric-cognitive thinking styles with types of thinking and some personal characteristics of PNU students. The absence of reliable values of the correlation coefficient between hemispheric-cognitive strategies of thinking according to the method of E. Torrance and types of thinking according to the method of G.V. Rezapkina and to the Ken-Rozanov method, which indicates the partial and relatively dynamic nature of the organization of interhemispheric psychophysiological processes. Reliable correlative values were found between certain types of thinking and motivational personal components - cognitive interest and the level of claims. The results obtained on group characteristics of hemispheric-cognitive styles and types of thinking in students can be used to optimize educational technologies, taking into account the relationship between the individual and the typical.

Keywords: hemispheric-cognitive styles of thinking, types of thinking, intensity of cognitive processes, correlative relationships, educational activities.

Аннотация: В статье рассматриваются взаимоотношения полушарно-когнитивных стилей мышления с видами и типами мышления, а также некоторыми личностными особенностями у студентов ТОГУ. Установлено отсутствие достоверных значений коэффициента корреляции между полушарно-когнитивными стратегиями мышления по методике Е. Торренса, видами мышления по методике Г.В. Резапкиной и типами мышления по методике Кена-Розанова, что указывает на парциальный и относительно динамический характер организации межполушарных психофизиологических процессов. Достоверные коррелятивные значения были обнаружены между некоторыми видами мышления и мотивационными личностными компонентами – познавательным интересом и уровнем притязаний. Полученные результаты по групповым особенностям полушарно-когнитивных стилей, видов и типов мышления у студентов можно использовать для оптимизации образовательных технологий с учетом взаимосвязи индивидуального и типического.

Ключевые слова: полушарно-когнитивные стили мышления, виды мышления, типы мышления, интенсивность познавательных процессов, коррелятивные отношения, образовательная деятельность.

Введение

Когнитивный стиль – это особенности познавательной деятельности человека, которые проявляются в своеобразии восприятия, анализа, категоризации и воспроизведения информации [6]. Стиль мышления – характерное сочетание функций, направленных на производство и развитие новообразований, которое проявляется в динамике и направленности мыслительной деятельности человека [2]. Полушарно-когнитивные стили мышления можно рассматривать как индивидуально-типологические особенности человека, проявляющиеся в устойчивом предпочтении использования определенных способов восприятия и переработки информации, связанные с преимущественной активацией правого или левого полушарий мозга. У каждого человека существует свой предпочтительный стиль когнитивной переработки информации, что предполагает устойчивую доминирующую активность левого или правого полушария в различных видах деятельности [3]. При этом необходимо отметить, что с позиции системно-динамического подхода к организации психических функций проблема доминантности предстает не как

вопрос о преимуществе того или другого полушария в осуществлении психофизиологического процесса, а как проблема специфики «вклада» каждого полушария в процессы реализации целостной функции [1].

Методика Е. Торренса позволяет выделить четыре основных когнитивных типа [3]:

- левополушарный когнитивный тип (левополушарный стиль) – при котором основную роль играет логический анализ. Человек с таким когнитивным типом преимущественно использует вербально-логический подход и способность решать конкретные задачи. При принятии решений личность такого типа предпочитает организованность, реалистически оправданные цели, уделяет большое значение деталям [2].
- правополушарный когнитивный тип (правополушарный стиль) – отличается преобладающим использованием интуиции. Люди такого типа предпочитают решать проблемы, прибегая к пространственному (вовлеченному во взаимодействие) и интуитивному подходу, стремятся к деятельности, направленной на людей [2].
- смешанный когнитивный тип (смешанный

стиль) – при котором в зависимости от ситуации происходит быстрый переход от правополушарной к левополушарной стратегии, или наоборот.

- интегрированный когнитивный тип (интегрированный стиль) – при котором совмещены в активном взаимодействии правополушарные и левополушарные стратегии мышления. Личность такого типа активно использует одновременно оба полушария головного мозга для организации мыслительного процесса в конкретной ситуации, не отдавая предпочтения ни одному из них. Но при этом стиле мышления значительно возрастают энергетические затраты, необходимые для организации мозговой деятельности такого типа [2].

Полушарно-когнитивные стили мышления являются индивидуально-типологическими характеристиками формально-динамической сферы латеральной организации функций мозга, следовательно, представляет интерес изучение их взаимосвязи с другими полушарно-когнитивными мыслительными и мотивационными компонентами – интенсивностью познавательных процессов и уровнем притязаний.

Цель нашего исследования – оценка групповых показателей полушарно-когнитивных стилей, видов и типов мышления, некоторых личностных мотивационных особенностей и определение между ними корреляционных взаимодействий.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 173 студента ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» очной формы гуманитарных (65% студентов от общего числа тестируемых) и естественнонаучных (35% студентов от общего числа тестируемых) профилей обучения, в возрасте от 18 до 23 лет. Гуманитарные профили: логопедия, дефектология, начальное образование, психология. Естественнонаучные профили подготовки: биология, химия, экология.

Определение изучаемых показателей проводилась с использованием методик:

1. Ассоциативный эксперимент Кена–Розанова – оценка психической асимметрии на выявление типа ассоциативного мышления – художественного, мыслительного или смешанного.
2. Методика «Оценка типов мышления» Г.В. Резапкиной – опросник по выявлению преобладающих видов мышления на основе преимущественного их применения в учебной и других видов деятельности респондентов.
3. Методика Е. Торренса «Выбор сторон» – оценка полушарно-когнитивных стилей мышления.
4. Тест для оценки уровня притязаний – И.Ю. Соколова, Г.П. Кабанов.

5. Опросник для определения уровня интенсивности познавательных процессов – В.С. Юркевич.
6. Математические и статистические (коэффициент корреляции с проверкой на значимость) методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Результаты исследования по выявлению ведущих типов мышления по методике Г.В. Резапкиной показывают, что у студентов в большей степени, по их мнению, развито и, соответственно, активнее используется в процессе образовательной и других видов деятельности предметно-действенное и наглядно-образное мышление (таблица 1). Словесно-логическое и, особенно абстрактно-символическое мышление, значительно «уступает» другим видам мышления выявляемых с помощью опросника у респондируемых студентов. С одной стороны, такая «картина» соотношения предпочитаемых видов мышления у студентов может быть объяснена тем, что в нашем тестировании преимущественно (65 %) участвовали студенты гуманитарных профилей подготовки. Тем не менее, тенденция к преимущественному использованию и развитию наглядно-образного и предметно-действенного мышления свидетельствует в определенной степени об изменении способов интеллектуальной деятельности молодежи в эпоху цифровизации.

Таблица 1.

Уровни актуализации типов мышления в % в студенческих группах ТОГУ (n=173)

Тип мышления	Уровни актуализации в %		
	высокий	средний	низкий
Предметно-действенное	62	36	2
Абстрактно-символическое	7	42	51
Словесно-логическое	30	52	18
Наглядно-образное	71	26	3
Креативность (творческое)	64	34	2

Снижение мнестических способностей, но при этом необходимость переработки большого количества информации приводит к тому, что главным процессом при работе с базами учебных данных (или другого рода информации) становится визуальное выделение наиболее значимого содержимого, определенных сенсорных образов, при этом часто теряется суть самого контента, его системность, логичность, взаимосвязанность. Таким образом, знания становятся поверхностными, не глубокими, не системными, плохо структурированными. Формирование таких знаний и опосредует развитие определенных видов мышления: гипертрофирование наглядно-образного и манипуляторного – предметно-действенного типов мышления и определенное редуцирование словесно-логического и абстрактно-символического типов мышления. Таким образом, согласно закономер-

ностям онтогенеза: адаптивности, биологической надежности, экономичности и противоречивости, происходит непрерывное совершенствование развития наиболее востребованных функциональных систем мышления школьников и студентов в условиях среды, насыщенной информационными технологиями, при замедлении формирования других распределенных систем, менее востребованных и, соответственно, менее задействованных.

Анализ результатов распределения тестируемых студентов по ассоциативному эксперименту показал относительно небольшое преобладание в этих группах художественного типа – 45 % студентов. Мыслительный тип был представлен в количестве 43 % студентов, смешанный – 12 % студентов. Известно, что обучающиеся с преимущественно художественным стилем мышления затрудняются выполнять работу без наглядной опоры. Именно для них необходимо преобразование словесной информации в «визуальную» форму, например, использование для объяснения и подготовки к учебным занятиям рисунков, чертежей, графиков, схем, диаграмм, таблиц. Обучающиеся с логической доминантой мышления обычно обладают определенным преимуществом в отечественной системе образования, ориентированной на речь и логику рассуждений.

Анализ результатов тестирования полушарно-когнитивных стилей мышления с использованием опросника Е. Торренса у студентов ТОГУ показывает, что смешанный полушарно-когнитивный стиль явно преобладает над остальными (рис.1). Такой тип позволяет студентам в зависимости от ситуации использовать разные мыслительные стратегии (левополушарные и правополушарные). На втором месте находятся обследуемые студенты с интегрированным когнитивным стилем мышления. У таких людей выражена способность к одновременному использованию разных подходов в обработке поступающей информации, что помогает им при решении наиболее сложных задач и повышает эффективность усвоения учебного материала.

На третьем месте в нашем исследовании оказались

обучающиеся с правополушарным когнитивным стилем мышления. Эти люди предпочитают интуитивный и чувственный подход к проблемам, логичная стратегия используется ими только в случае крайней необходимости. Е. Торренс отмечает, что в личностном плане такие «стратеги» не любят иметь над собой начальство, ценят собственную инициативу, для них очень важны отношения с окружающими людьми [3]. Меньшее процентное значение в исследуемой группе студентов показывает «левополушарный» когнитивный стиль мышления. Люди с таким типом мышления активно берутся за возникающие проблемы и решают их логично, рационально, охотно обсуждая и «проговаривая» эти проблемы [2].

Учитывая особенности разных видов и полушарно-когнитивных стилей мышления, наиболее оптимальной технологией будет рациональное применение способов и методов обучения, соответствующих смешанному и интегрированному стилям мышления, при котором «правополушарное» восприятие и переработка информации обеспечивает широкое видение проблемы (темы) и энтузиазм, а «левополушарное» – знание структуры изучаемого вопроса и поэтапное планирование действий.

Оценка коэффициента корреляции между полушарно-когнитивными стилями мышления по Е. Торренсу, видами мышления по методике Г.В. Резапкиной и типами ассоциативного мышления по методике Кена-Розанова не показала его достоверных значений [4], что указывает на парциальность латерального профиля функциональной организации мозга в отношении процессов мышления. «Разные виды латеральных предпочтений могут не составлять единообразную картину» [7, С.24]

Оценка коэффициента корреляции между личностными мотивационными компонентами (уровень притязаний и интенсивность познавательных процессов), полушарно-когнитивными стилями и видами мышления позволила обнаружить достоверные значения коэффициента корреляции между следующими характеристиками (таблица 2).

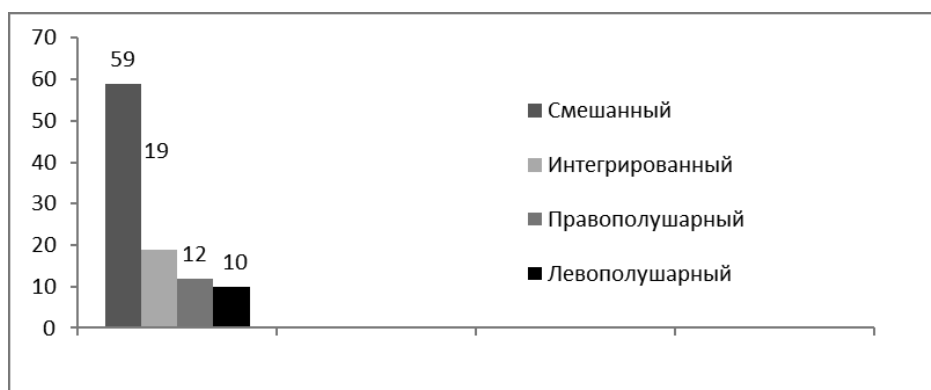

Рис 1. Процентное соотношение стратегий мышления (когнитивных типов) у студентов ТОГУ (n=173)

Таблица 2.

Показатели	познавательный интерес	уровень притязаний
Предметно-действенное	0,269*	—
Наглядно-образное	0,255*	—
Словесно-логическое	—	0,290*
Абстрактно-символическое	0,393*	0,216

* – при $p < 0,05$.

Таким образом, установлено, что такой мотивационный компонент как познавательный интерес имеет достаточно разносторонние взаимодействия с различными видами мышления. Полученные результаты еще раз подчеркивают значение мотивации в обучении, что необходимо использовать преподавателям в ходе образовательной деятельности, стимулируя учебную и другие виды активности обучающихся через включения в образовательный процесс исследовательских задач, практико-ориентированных примеров и заданий, учебных и научных экспериментов, проблемных постановок вопросов, эмоциональной «подажи» учебного материала.

Заключение

Результаты нашего исследования показывают, что респондируемая группа студентов имеет следующие обобщенные характеристики мышления: полушарно-когнитивные стили мышления – преимущественно смешанные и интегрированные; виды мышления – наглядно-образное и предметно-действенное, типы ассоциативного мышления – разные. Такая «картина» в значительной степени отражает современную тенденцию к «распространению» среди молодежи клипового мышления, которое характеризуется умением быстро переключаться

на новый, незнакомый раздражитель, высокой скоростью восприятия информации, многозадачностью как способностью одновременно решать задачи различных модальностей (слушать, смотреть, писать, осуществлять моторную активность), восприятием мира через короткие яркие образы и сообщения (ленты новостей, небольшие тексты, короткие видеоклипы) [5].

С системно-динамической точки зрения значение функциональной асимметрии мозга в отношении мыслительных функций «меняется под влиянием как онтогенеза, так и в связи с обучением, с развитием каждой познавательной функции и перестройкой связей между ними, с изменением психологической структуры деятельности в связи с решаемой задачей. При этом наблюдаются как межполушарные, так и внутриполушарные перестройки – как в связи с возрастом, так и в результате обучения» [1, с.106].

Теоретическое значение системного подхода заключается в изучении психофизиологических взаимодействий на уровне центральных механизмов, теоретической структуризации психофизиологической организации мозга. Практический интерес направлен на рассмотрение проявления личностных психофизиологических характеристик в деятельностном аспекте, когда личность с её многоплановыми и многомерными проявлениями создаёт для себя оптимальную профессиональную (образовательную) среду а, с другой стороны, среда оказывает существенное влияние на развитие и проявление личностных качеств и свойств. Этот фактор необходимо учитывать при создании или модификации образовательных технологий, направленных на повышение эффективности результатов образования и развитие личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова, Е.А. Межполушарное взаимодействие у человека / Е.А. Азарова, Б.С. Котик-Фридгут. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2021. – 158 с.
2. Белоусова, А.К. Стил мышления. Учебное пособие / А.К. Белоусова, В.И. Пищик. – Ростов-на-Дону, 2010. – 152 с.
3. Дикая, Л.А., Т.Ю. Синченко. Психологический практикум: Методики диагностики мышления и воображения / Л.А. Дикая, Т.Ю. Синченко. – Ростов-на-Дону, 2001. – С.34–42.
4. Ефремова, А.А. Изучение стратегий мышления и функциональной асимметрии мозга у школьников и студентов ТОГУ / А.А. Ефремова, Т.В. Ядрищенская // Материалы секционных заседаний 62-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ: Материалы конференции, Хабаровск, 01–31 мая 2022 года. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2022. – С. 247-251.
5. Старицына, О.А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? / О.А. Старицына // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – № 2(23). – С. 270-274.
6. Холодная, М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М.А. Холодная. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2044. – 384 с.
7. Черниговская, Т.В. Сенсомоторный и когнитивный латеральный профиль / Т.В. Черниговская, Т.А. Гаврилова, А.В. Воинов, К.Н. Стрельников // Физиология человека. – Т.31. – №2. – 2005 г. – С.24-33.

© Ядрищенская Татьяна Васильевна (tagir.on-line@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ПОМЕЩЕНИЕ В БЕЗДНУ» КАК ИГРА РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ: МИЗНАБИМ В КАРТИНЕ Д. ВЕЛАСКЕСА «МЕНИНЫ»

Большакова Анастасия Сергеевна

Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого
nastyia_b00@inbox.ru

**"ACCOMMODATION IN THE ABYSS"
AS A GAME OF REPRESENTATIONS:
MISE EN ABYME IN D. VELASQUEZ'S
"LAS MENINAS"**

A. Bolshakova

Summary: The article proposes an interpretation of Diego Velazquez's painting by the Spanish painter "Las Meninas" as a phenomenon of introspection, in which the observer (viewer contemplating the canvas) gets the opportunity to reconstruct the image of his Self, to look at it from a different angle. The concept of misanabim, a recursive artistic technique, literally translated as "accommodation in the abyss", in this case is not "a picture in a picture", but "a game in a game". Velasquez's work is a process of creating a (self) representation, reminiscent of a psychotherapeutic session in which the artist who portrays himself is a doctor, and anyone looking at the work acts as a patient - it is a kind of game of escaping reality, a game controlled, guided. Control by the authorities (personified in the picture by the figure of the chamberlain-supervisor in the background), constant surveillance deprive the subject of identity, thereby making the free activity of the game relative.

Keywords: game, misanabim, D. Velasquez "Las Meninas", self-image, self-representation, observation.

Аннотация: В статье предлагается интерпретация картины испанского живописца Диего Веласкеса «Менины» как явление интроспекции, при которой наблюдатель (зритель, созерцающий полотно), получает возможность реконструировать образ своего Я, посмотреть на него под другим углом. Понятие мизанабим, рекурсивная художественная техника, дословно переводящееся как «помещение в бездну», в данном случае – не «картина в картине», а «игра в игре». Работа Веласкеса представляет собой процесс создания (само)репрезентации, напоминающий психотерапевтический сеанс, при котором художник, изобразивший себя, является врачом, а в роли пациента выступает любой смотрящий на произведение – это своеобразная игра ускользания от реальности, игра управляемая, контролируемая. Контроль со стороны власти (олицетворённый в картине фигурой гофмейстера-надзирателя на заднем плане), постоянное наблюдение лишают субъекта идентичности, делая тем самым свободную деятельность игры относительной.

Ключевые слова: игра, мизанабим, Д. Веласкес «Менины», образ Я, саморепрезентация, наблюдение.

«Всякая Игра есть прежде всего и в первую очередь свободное действие [10]»,

Й. Хейзинга

«Пишут или рисуют, высекают, лепят, строят и выдумывают все, только чтобы вырваться наконец из ада [1]»,

А. Арто

Феномен Игры – многофакторное понятие, находящееся на стыке психологии, философии, социологии и истории, он всегда существовал в различных обществах и цивилизациях. Игра была сопряжена с риском, ставкой, вызывала желание, восхищение и отвращение, приносила удовольствие, выражалась в практиках, поведении, обрядах и переживаниях, ритуализированных действиях. «Мы можем назвать игру, с точки зрения формы, некоей свободной деятельностью, которая осознается как «ненастоящая», не связанная с обыденной жизнью и тем не менее могущая полностью захватить играющего; которая не обуславливается никакими ближайшими материальными интересами или доставляемой пользой; которая протекает в особо от-

веденном пространстве и времени, упорядоченно и в соответствии с определенными правилами и вызывает к жизни общественные объединения, стремящиеся окружать себя тайной или подчеркивать свою необычность по отношению к прочему миру своеобразной одеждой и обликом [10]», - писал Й. Хейзинга в книге «Homo ludens. Человек играющий». Игра – это всегда процесс (динамика, длительность, действие), который побуждает, если не заставляет человека отчуждать свое Я – иными словами, участие в игровом действии - это вынесение себя за скобки обычного существования, выход за пределы ограничений (и в этом - присутствие трансгрессивного элемента). Игра продуцирует особую среду, другую реальность, в которой становится возможным восприятие, постижение и завершение смыслов (что особо подчеркивается искусством (живопись, перформанс, архитектура, литература, музыка, кинематограф), так как оно втягивает наблюдателя (читателя, зрителя) в Действие), намечаются (зарождаются) которые в реальной действительности (т.е. в пространстве, во времени). Игра же воспроизводит другое пространство и время (отличное от реального, но неразрывно с ним связанное), для существования которых необходима постоянная вовле-

ченность (восприятие, присутствие, участие) человека в «свободной» деятельности, о которой писал Хейзинга. В данной статье нам бы хотелось подробнее остановиться на рассмотрении процесса, при котором человек, оказываясь втянутым в Игру (само)репрезентации, оказывается частично лишенным своего образа (идентичности, Я).

На наш взгляд, ярким примером вовлечения человека в Игру служит вид металеписа («подвижная, но священная граница между двумя мирами – тем, в котором идет повествование и тем, о котором идет повествование [4]») – мизанабим («помещение в бездну») в искусстве: «картина в картине», «фильм в фильме», «текст в тексте». Вероятно, наиболее артикулировано данную концепцию освещает М. Фуко во введении к «Словам и вещам», анализируя полотно Д. Веласкеса «Менины». На картине изображена сцена написания художником портретов испанского короля Филиппа IV с его супругой, которых мы видим только в зеркале. Зеркало, согласно Фуко, символизирует то, чего «недостает каждому взгляду: взгляду художника – модели, которую воспроизводит там, на картине, его изображенный двойник; взгляду короля – его портрета, завершающегося на той стороне полотна, которая не видна ему с его места; взгляду зрителя – реального центра сцены, место которого он занял как бы насильственно. Но, возможно, это великодушное зеркало является мнимым; возможно, оно скрывает столько же и даже больше, чем раскрывает. Место, где находятся король и его супруга, является в равной мере местом художника и местом зрителя: в глубине зеркала могли бы появиться – должны были бы появиться – безымянное лицо прохожего и лицо Веласкеса, так как функция этого отражения состоит в привлечении внутрь картины того, что ей, по существу, чуждо: взгляда, который ее создал, и взгляда, которому она предстает [9]». Совпадение двух подразумеваемых на полотне взглядов (художника и зрителя) открывают поле для новой саморепрезентации наблюдателя, пространственная организация картины направлена на то, чтобы вызвать трансформацию в представлении человека о своем Я. Если встать на позицию психоаналитической теории, мы можем вести речь о том, что картина Веласкеса интроспективна – подобный механизм (открытие недостающего взгляду элемента) – своеобразное прозрение от самослепоты (selfblindness). В психоанализе слепота пациента по отношению к фактам/событиям своей личной биографии, истории – первооснова любой психоаналитической практики. В концепции Фрейда такая слепота является результатом работы интрапсихического авторитета, который диктует субъекту задачу – не видеть (скрывать, всячески маскировать, преобразовать) тот или иной элемент его внешней или внутренней реальности [7]. Ж.-П. Сартр, также рассуждая над проблемой сокрытия, частичного искажения индивидом своего личного опыта, приписывает данный процесс «недобросовестности» субъекта, который при определенных обстоятельствах предпочитает не брать

на себя ответственность, «овеществлять себя», не быть свободным – не видеть определенных вещей [6]. Согласно мысли Ж. Лакана, постулирующего, что бессознательное устроено как язык (оно имплицировано во всем, что человек проговаривает), субъект не может видеть себя настоящего (своего Я, спрятанного в бессознательном, которое всегда опосредовано языком), так как, пытаясь выразить это бессознательное, мы его теряем – теряем настоящих себя [5]. Какими бы ни были детерминанты «незрячести» субъекта в вопросах само-понимания, неизменен тот факт, что такое явление есть, и, можно предположить, что оно поддерживается (возможно, и зарождается за счет этого) постоянным ограничением поля человеческого восприятия. Каждый человек отмечен во времени и пространстве определенной позицией: социальной ролью, профессией, деятельностью, как правило, скорее статичной, чем изменчивой, и этой же позицией ограничен. Посмотреть на сложившуюся ситуацию (на свое настоящее Я) глобально, будучи в замкнутом «пространстве», невозможно (так, например, художник не может вместить в холст весь увиденный им пейзаж; актер в театре не может увидеть всех зрителей со сцены). Разумеется, в данных примерах речь идет буквально об ограниченности нашего поля зрения – зрения как физиологической особенности. Но, если мы сведем эту ограниченность к метафоре, сделав слепоту психической (психоаналитической), подобно той, которую преодолевает Эдип (зрячий, но не видящий в начале трагедии; самоослепленный, но прозревший в конце), можно проследить, как эту метафору передает Веласкес в «Менинах». Для того, чтобы узнать что-либо (в том числе себя), иногда необходимо изменение занимаемой позиции, которое высветит до этого невидимые области. Итак, преобразование пространственного устройства способствует изменению представлений о себе, возникновению новых репрезентаций. Картина испанского живописца – это игра («способ бытия самого произведения искусства» по Гадамеру [2]), так как на полотне мы видим не портрет, пейзаж, натюрморт (предметы), а метод (благодаря которому любые предметы можно изобразить). Иными словами, мы видим не саморепрезентацию, а процесс создания саморепрезентации. Образ себя-художника за мольбертом, запечатленный Веласкесом, можно сравнить с психотерапевтом, наблюдающим пациента. В роли пациента, в свою очередь, выступает любой зритель, созерцающий картину, и именно на него направлены некоторые взгляды изображенных персонажей. Есть определенное сходство между тем, как модель, позирующая для художника в мастерской, открыта для взгляда мастера, и тем, как пациент на психотерапевтическом сеансе подвергается интерпретации врача. В обоих случаях личность человека всячески исследуется, находясь в центре внимания, подвергается тщательному изучению в самых труднодоступных аспектах (в этом смысле Веласкес сильно опережает свое время, так как жанр психологического портрета возник значительно позже, когда

художники уже не ставили первостепенной задачей реалистичную передачу внешнего сходства). В ходе сеанса психотерапии пациент ставит себя в уязвимую, зависимую позицию с целью извлечь из этого что-либо значимое: через взгляд другого подтвердить свою наличность, ощутить себя существующим, ответить на вечный вопрос «Кто я такой?», вскрыть глубинные, сокрытые компоненты своего Я. «Ловушка» Веласкеса, втягивающая зрителя в игру самоинтерпретаций, демонстрирует, что человек, подчиняющийся внешнему взгляду, извлекает для себя определенную выгоду из сложившейся ситуации, ведь представление о себе подпитывается взглядами других. Но на то она и «ловушка», ведь закрывается она на том моменте, когда субъект захвачен взглядами других, находится под наблюдением, и у него не остается выбора быть ненаблюдаемым, избежать этого. Невозможность ускользнуть от взгляда Другого описывает Ж.-П. Сартр в работе «Бытие и ничто», рассуждая о том, что взгляд Другого объективирует субъекта. «“Быть-увиденным-другим” является истиной “видеть-другого” [6]» - постулирует французский философ, но этот тезис может быть и немного иным: быть-увиденным-другим – значит, уже не видеть себя. Сходно тому, как Сартр описывает появление взгляда другого в замочной скважине, когда субъект «внезапно затронут в своем бытии», застигнут врасплох, Веласкес захватывает зрителя в заложники, заставляя реконструировать, переосмыслить образ Я – и, вероятно, и терять его.

Стоит особенно подчеркнуть то, что художник на полотне, ловя взглядом наблюдателя, также и сам захвачен его взглядом – ему приходится прервать процесс создания картины. Веласкес изобразил тайну – ни наблюдатель (в нашей аналогии – пациент), ни художник (врач) в выхваченном моменте не видит картину. Такое раздвоение мыслительных процессов (невозможность одновременно быть вовлеченным в акт создания полотна и в акт наблюдения за зрителем) в полной мере накладывается на метафору психотерапевтического сеанса: терапевт всегда испытывает эту двойственность, необходимость держать пациента в поле своего зрения, наблюдать за ним, улавливая мельчайшие изменения его поведения/мимики/взгляда, слышать его и т.д. (иными словами, быть доступным, открытым, быть в постоянном контакте с целью выработать наиболее полный, объективный «эскиз» проблемы, чтобы затем воплотить его в «картину» лечения), и в то же время – быть в себе, сконцентрированным на своих мыслях, на анализе, на рефлексии, в отрыве от пациента (вероятно, набрасывая тот самый «эскиз»). Проблема данной двойственности состоит в том, что есть риск либо быть втянутым в шаткий, размытый разговор с пациентом (отвлечься от анализа), либо погрязнуть в своих мыслях (упуская из виду важную достоверность и открытость). Тогда появляется вопрос, для кого же на самом деле предназначена ловушка Веласкеса, кто в нее попадет, кто чьим взглядом захвачен: па-

циент-зритель взглядом врача-художника, или все-таки наоборот? В этом и есть игра.

Внимание необходимо уделить и остальным персонажам картины. Если представить, что они также участники психотерапевтической сессии, перед которыми наблюдатель раскрывается, стоит отметить, что (почти) никто из них не смотрит на полотно, от которого отвлекся художник, хотя такая возможность у них есть (оно находится в поле их зрения, но взгляд каждого направлен в разные стороны), они, тем самым, не участвуют в процессе репрезентации. Недоверчивый и гордый взор инфанты Маргариты направлен на наблюдателя; Мария Барбола, придворная карлица-шут, смотрит как бы сквозь зрителя; донья Исабель де Веласко, собирающаяся сделать реверанс, схвачена в моменте отвода взгляда; карлик Николас Пертусато заинтересован скорее сонной собакой, чем участием в действе; донья Мария Агустина Сармьенто де Сотомайор, как и подобает фрейлине, отдается заботе об инфанте, ее взгляд направлен на нее; компаньонка инфанты донья Марсела де Уйоа с её личным охранником, изображенные позади, в тени, беседуют, как будто нарочито, искусственно стараются направить взгляд куда угодно, но не на полотно, не на наблюдателя. Итак, каждый из них не посягает на тайну – на холст, от которого отвлекся даже сам художник. Но на картине представлен еще один загадочный персонаж, про которого нельзя сказать, что в процессе репрезентации он не участвует: на заднем плане в дверях изображен гофмейстер королевы дон Хосе Ньето Веласкес, его фигура контрастирует со светлым фоном, позволяя нам увидеть, что ему с панорамной точки зрения доступны как наблюдатель, фрейлины, придворные, так и творение на холсте, и именно он, единственный из всех участников действия, смотрит прямо на создаваемое полотно. Он надзиратель, который подчеркивает – игра может быть игрой, но от постоянного наблюдения и самонаблюдения никто не спрячется. М. Фуко, который уже упоминался выше в связи с анализом «Менин», в своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» описывает метафору идеальной тюрьмы Бентама, паноптикум, разработанный изначально для того, чтобы незаметно и мягко осуществлять тактику управления и непрерывного наблюдения [8]. Так и гофмейстер, которому, как кажется, известно больше других, призванный регулировать за счет своей позиции (на краю картины, одновременно и внутри происходящего, и снаружи) весь протекающий процесс, только подчеркивает управляемость игры. В современных условиях (если, опять же, проводить параллель с сеансом), его место могла бы занять камера видеонаблюдения (ты вроде бы в безопасности и можешь быть открытым, но за тобой наблюдают). Игра, от ее управляемости и мнимости, игрой как таковой быть перестает, но все еще служит элементом ускользания от давящей реальности: и реальность эту на картине подчеркивает собака. Ж. Деррида, рассматривая понятие деконструкции, пишет,

что в каждом знаке присутствует различие, ни один знак не идентичен выраженному этим знаком. Знаки отсутствуют сами в себе («под знаком стирания» (*sousrature*)), обретая значение только в соотношении с другим знаком, который тоже отсутствует. Различание (*différance*) осуществляется как своеобразная «игра отсутствия» [3]. Персонажи «Менин» также по отдельности отсутствуют, собираясь воедино только в игре, и взгляд мастифа, безразличный к игре, обреченно опущенный вниз, проявляет границы человеческого мира, показывая, что игра взгляда – игра вообще – бессильна против власти (олицетворенной надсмотрщиком-гофмейстером), под наблюдением которой субъект оказывается лишенным своего образа. Метафору властных отношений подтверждает и факт, что портрет, создаваемый художником – это все-таки портрет королевской четы Испании, а любые формы власти и подавления невозможны без закрепления их в образе, в картине/фотографии, с которой их направлен-

ный прямо на зрителей взгляд напоминает о постоянном наблюдении – а представление о себе и есть продукт наблюдения, заставляющего высвечивать одни аспекты Я и затемнять другие. Но нельзя не отметить, что мизанабим «Менин» состоит не столько во включении портретов испанских правителей (и автопортрет самого художника) в канву действия картины, сколько в реальности игровой действительности, противопоставленной повседневному человеческому бытию (и реальность игры более осязаемая и длительная в сравнении с привычной – это скорее не «картина в картине», а «игра в игре» - игра репрезентаций, взглядов, наблюдения, отсутствия в игре свободной).

Таким образом, на картине Веласкеса представлен сложный и многослойный акт игры, при котором субъект-наблюдатель доверяет представлять себя другим, тем самым лишаясь своего Я и проигрывая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арто А. Ван Гог. Самоубитый обществом. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 80 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. - 704 с.
3. Деррида Ж. Голос и феномен. - СПб.: Алетейя, 1999. - 208 с.
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Фигуры. - М.: Изд-во Сабашниковых, 1998. – 944 с.
5. Лакан Ж. Четыре основных понятия психоанализа. Семинары: Книга XI, 1964. – М.: Гнозис, 2004. – С. 25.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — 639 с.
7. Фрейд З. Я и Оно. - М.: Эксмо-Пресс, 2012. – 160 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ad Marginem, 1999. — С. 304.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. - СПб.: А-Сад, 1994. - с. 41 - 53.
10. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. - СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. - 416 с.

© Большакова Анастасия Сергеевна (nastya_b00@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ГЕНЕЗИСА НЕОЕВРАЗИЙСТВА

Кочарский Лев Савельевич

Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки «Федеральный исследовательский центр
«Субтропический научный центр Российской академии
наук» младший научный сотрудник лаборатории
этносоциальных исследований Института
пространственного развития регионов, г. Сочи
lum.mas@yandex.ru

Зимовец Людмила Григорьевна

доктор философских наук, профессор, Сочинский
государственный университет
наука-rgsu-s@mail.ru

A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE EMERGENCE OF NEO-EURASIANISM

**L. Kocharsky
L. Zimovets**

Summary: This article presents a socio-philosophical analysis of the work of the genesis of Neo-Eurasianism. The socio-political concept of Neo-Eurasianism seeks to simplify and improve the lives of citizens living in the Eurasian region. This study draws on the ideas of philosophy, political science and sociology. The article considers the main stages in the genesis of neo-Eurasianism in modern science. The authors put forward their own periodization, which includes the modern stage in the development of neo-Eurasianism since February 24, 2022. Finally, the authors analyze its impact on society and culture, as well as some of its potential future implications. The study concludes that Neo-Eurasianism can provide a path toward a more united and prosperous Russia in the coming years.

Keywords: Eurasianism, Neourasianism, social philosophy, geopolitics, ideology.

Аннотация: В данной статье представлен социально-философский анализ работы генезиса неоевразийства. Социально-политическая концепция неоевразийства стремится упростить и улучшить жизнь граждан, проживающих в Евразийском регионе. Данное исследование опирается на идеи философии, политологии и социологии, чтобы обеспечить междисциплинарный характер исследования. В статье рассмотрены основные этапы генезиса неоевразийства в современной науке. Авторами выдвинута своя периодизация включающий современный этап развития неоевразийства с 24 февраля 2022 года. Наконец, авторы анализируют его влияние на общество и культуру, а также некоторые из его потенциальных будущих последствий. В исследовании делается вывод, что некоторые аспекты неоевразийства, способны обеспечить путь к более единой и процветающей России в ближайшие годы.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, социальная философия, геополитика, идеология.

Глобализация сегодняшнего дня поставила нас перед острой необходимостью рассмотрения новых моделей цивилизационного развития. В связи с актуальными проблемами в России и вокруг нее, Украина и коллективный Запад, социально-философский анализ неоевразийства приобретает повышенную актуальность. Идея, лежащая в основе неоевразийства, может стать платформой для новой модели развития, которая будет лучше соответствовать современным глобальным условиям.

Неоевразийство, одним из идеологов которого считается российский политолог Александр Дугин, является альтернативой традиционным евроатлантическим моделям. А. Дугин отмечает – «ближе всего к теории многополярности располагается неоевразийство [1, с. 62]. Оно основано на концепции многополярности, которая стремится обеспечить более инклюзивное и эффективное решение глобальных проблем.

Неоевразийство придерживается идеи о том, что в мире должно существовать множество центров власти, а не только те, которые диктуются евроатлантически-

ми интересами. Таким образом, оно стремится создать более равноправный и справедливый международный порядок. Устанавливая в своей концепции, более сбалансированный и справедливый мировой порядок, неоевразийство стремится создать среду, в которой все народы, культуры и нации будут уважаться, цениться и способны сосуществовать в гармонии.

Неоевразийская парадигма имеет потенциал для борьбы с западной однополярностью, что делает ее еще более необходимой в настоящее время. Этот подход основывается на геополитике и в первую очередь работает с концепцией «Россия-Евразия» (как Heartland), но также охватывает широкий спектр перспектив, от философии и социологии до политологии [2, с. 32]. Опираясь на эту многогранную перспективу, неоевразийские идеи могут быть эффективно реализованы в следующих целях противостоять односторонним амбициям западных стран США, Англии, Франции, Германии и т.д. Для того чтобы понимать саму сущность неоевразийства и ее дальнейшее применение, необходимо обратиться к истории этого социально-философского явления.

В конце 1980-х годов ситуация в СССР все больше соответствовала прогнозам неоевразийцев. Как сформулировал Н.Н. Алексеев в статье «Евразийцы и государство» писал, ожидалось, что однопартийное коммунистическое правительство уйдет с политической сцены и заменится многопартийной системой, характерной для Запада. Этот сдвиг рассматривался как эволюционный прогресс, который был то, к чему давно стремились демократы. В итоге эти прогнозы оказались верными, и СССР принял многопартийную систему, основанную на западных моделях [3, с. 67]. Анализируя развитие неоевразийства, российский ученый А.В. Белошапко предлагает выделить ряд этапов в его развитии, которые представлены на рис. 1 [5].

Эти этапы иллюстрируют эволюцию неоевразийства от его возникновения до наших дней. Каждый этап отражает изменения в его основных идеях, сохраняя при этом общую евразийскую направленность на евразийство. Эволюция неоевразийства подчеркивает способность адаптироваться, чтобы оставаться актуальными в быстро меняющемся мире.

Периоды развития неоевразийства

Первый период С 1985 по 1990 год

Правое евразийство было в авангарде национально-консервативных движений. Введение Гласности и Перестройка в России позволила провести еще более тщательное изучение евразийской концепции. В этот период произошли такие ключевые события, как: доступ к закрытым архивам, исследования и изучение истории российского зарубежья, а также насыщенные дебаты о сохранении национального и культурного достояния.

В 1989 году в периодическом издании «Вопросы философии» появилась статья исследователя С.С. Хоружего о Л.П. Карсавине. В то же время неоевразийские публикации распространялись в «Советской литературе», а несколько статей были помещены в оппозиционной прессе. Кроме того, был выпущен альманах «Континент-Россия». Год спустя, в 1990 году, проведена Евразийская

конференция в Институте философии под руководством А. В. Соболева состоялось обсуждение идей Л.П. Карсавина [4, с. 88].

Несмотря на негативное и зачастую предвзятое изображение евразийства в патриотических пособиях и публикациях, все больше людей начинают интересоваться концепцией. Эта тенденция будет продолжаться, поскольку все больше людей узнают об идеологии и ее потенциальных последствиях для политики и общества. Неоевразийское движение не считает себя прямым потомком евразийских идей Льва Гумилева. Хотя его последователи могут рассматривать себя как продолжателей его наследия, неоевразийцы придерживаются самостоятельной идеологии на этом этапе.

Период № II (1991-1993)

Неоевразийство сместило свое внимание на посткоммунистические политические организации и партии, такие как: Коммунистическая инициатива, Марксистская платформа КПСС и КПРФ. В это время сторонники коммунизма стремились переосмыслить свою идеологию в соответствии с новой реальностью. Идеи, сформулированные А. Прохановым в статье газеты «Завтра», были подхвачены «группой красно-белой оппозиции» [5, с. 48]. На этом этапе сторонники неоевразийства стремились использовать эти новые концепции для построения более прогрессивной идеологии. Появилось множество новых убеждений, теорий и политических программ, которые были направлены на решение проблем, связанных с изменением геополитической ситуации.

Движение «Новые правые», возглавляемое А. Прохановым и А. Дугиним, выдвинуло идею нового образа Евразии в своих публикациях в еженедельниках «День» и «Элементы», выступая против западных устремлений Советского Союза [1, с. 66]. Эти двое были в авангарде неоевразийского движения, выступающее за создание новой евразийской империи. Это движение рассматривалось как мощная интеллектуальная и политическая сила в России.

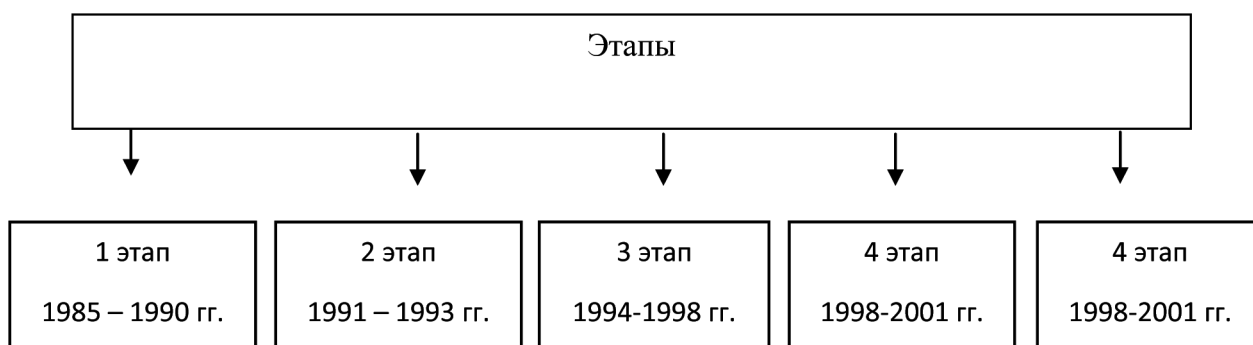

Рис. 1.

Третий период (1994–1998 гг.)

Утвердилась ортодоксальность левого евразийства. Издательство «Аграф» переиздало ключевые работы современной неоевразийской идеологии, такие как работы Савицкого, Вернадского, Трубецкого и Алексеев. В этот период были опубликованы «Основы геополитики» и «Евразийские тайны», а также активное продвижение евразийских сайтов в интернете. Книги и сайты помогли распространить неоевразийство.

В этот период А.С. Панарин и Б.С. Ерасов находятся в авангарде нового явления, известного как неоевразийство академического толка. Это концепция, которая была разработана в ответ на растущую интенсивность и распространение антилиберальных, антиглобалистских, антизападных и антимондиалистских перспективы [6, с. 82].

В начале постсоветской эпохи такие партии, как КПРФ, НДР и ЛДПР (представляющие правые, центр и левые идеологии) предложили свою концепцию евразийства. Их программные документы передавали идеи и принципы этого движения. Эти партии формировали свои манифесты вокруг идеи евразийства, направленные на продвижение сильного чувства идентичности в рамках новых реалий. При этом они стремились объединить различные культуры и народы, входившие в состав Советского Союза.

Четвертый период (1998–2001 гг.)

Неоевразийство превратилось из побочного партийного явления и политико-культурного события в самостоятельное направление. Этот период был отмечен появлением все более четко очерченного евразийства, которое было самосознающим и отличным от других идеологий. Оно стремилось переосмыслить евразийство для современного мира и создало новые предложения, которые лучше справлялись бы с современными проблемами.

На этом этапе премьер-министр Е. Примаков укрепил центристские позиции в государственном управлении. Между тем, А. Дугин - известный теоретик неоевразийства, был назначен советником спикера Государственной думы Г. Селезнева. Для дальнейшего продвижения евразийства в качестве приложения к газете «Завтра» был выпущен специальный бюллетень. На этом этапе произошел фундаментальный сдвиг в геополитике [7, с. 22].

Новая ориентация на евразийство заложила основу для многих направлений современной политики России и помогла сформировать ее политический ландшафт. С 1998 по 2000 год на радио «Свободная Россия» транслировались радиопрограммы по геополитике и неоевразийству. В их число входили: «Русская вещь» и колонки

в «Независимой газете» и «Московских новостях». В это время идея современного неоевразийства начало обретать форму. Этот период был значимым в обсуждении, пропаганде и развитии неоевразийства как теоретической концепции.

Пятый этап 2001–2022

В 2002 году к движению присоединился шейх-уль-ислам Талгат Таджуддин, который дал большой толчок его развитию. В том же году был создан «Радикальный центр», а евразийство переориентировалось в политическую партию. Публикации Э. Хара-Давана и Дж. Бромберга были переизданы, а на круглом столе состоялась дискуссия на тему «Угроза исламу - риск неоевразийства для ислама?» [8, с. 93]. В 2003 году «Евразия» была официально зарегистрирована как политическая партия, после чего на некоторое время прекратила свою деятельность. Однако в 2014 г, партия была возрождена и вновь вышла на политическую арену.

Во время выборов президента и Федерального Собрания 2012 года ведущие политические силы – «Единая Россия», СР, ЛДПР и КПРФ - активно выступали за неоевразийское направление в реализации национальной и международной политики России. Их кампании отражали их приверженность этому новому пути. Официальное формирование Евразийского экономического союза в 2014 году стало одной из самых значительных вех в современном неоевразийстве. Во время встречи глав таможенного союза президент России Владимир Путин сделал историческое заявление о том, что «Россия является евразийской страной» [9, с. 66].

Шестой этап. 2022 – н. в.

В рамках настоящего исследования мы выделили данный этап, как новую веху генезиса неоевразийства. События 24 февраля 2022 года оказали глубокое влияние на международную политику, что стало очередным импульсом развития неоевразийства. В августе 2022 года была совершена попытка покушения на идеолога неоевразийства Александра Дугина. Это событие стало важным фактором в развитии данной политической идеологии, предоставив возможность обсудить альтернативы традиционной демократии западного образца. Покушение на убийство было четким сигналом того, что Российское государство было готово к внедрению нового подхода - того, который можно назвать неоевразийством. Президент Путин, часто цитируя в своих выступлениях известного историка-евразийца Л.Н. Гумилева, решительно продвигает поворот на Восток», имеет лояльное отношение к этой социально-политической концепции и активно участвует в ее развитии [10, с.42-43]. Данная социально-политическая концепция, может радикально изменить глобальный геополитический

ландшафт, переопределив отношения между национальными государствами, регионами и их гражданами. Она способна выступить современной идеологией новой России, заменив собой пагубные идеологические парадигмы стран Запада.

Одной из составляющих неоевразийства на данном этапе является идея, предложенная Сергеем Степашиным, председателем Ассоциации юристов России - создать беспристрастный Евразийский суд по правам человека. Идея состоит в том, чтобы суд принимал жалобы не только из России и стран СНГ, но и жалобы, связанные с ЛНР и ДНР, Абхазией. «С 16 марта 2022 года Россия была исключена из Совета Европы, что означало выход России из-под юрисдикции ЕСПЧ. После этого ЕСПЧ приостановил рассмотрение всех жалоб, поданных про-

тив России, — до рассмотрения правовых последствий решения Комитета министров Совета Европы об исключении России из Совета Европы» [11].

В свою очередь, в научной среде существуют и иные подходы к периодизации процесса становления неоевразийства. Так, О. В. Лушников предлагает периодизацию развития евразийской идеи на современном этапе, представленную на рис. 2 [7].

Осуществляя ретроспективный анализ процесса становления неоевразийства, является необходимым также отметить такой сформировавшийся в современной науке подход, сущность которого заключается в том, что сам феномен власти во всей нашей истории был самодостаточной доминантой. Исследуя этапы

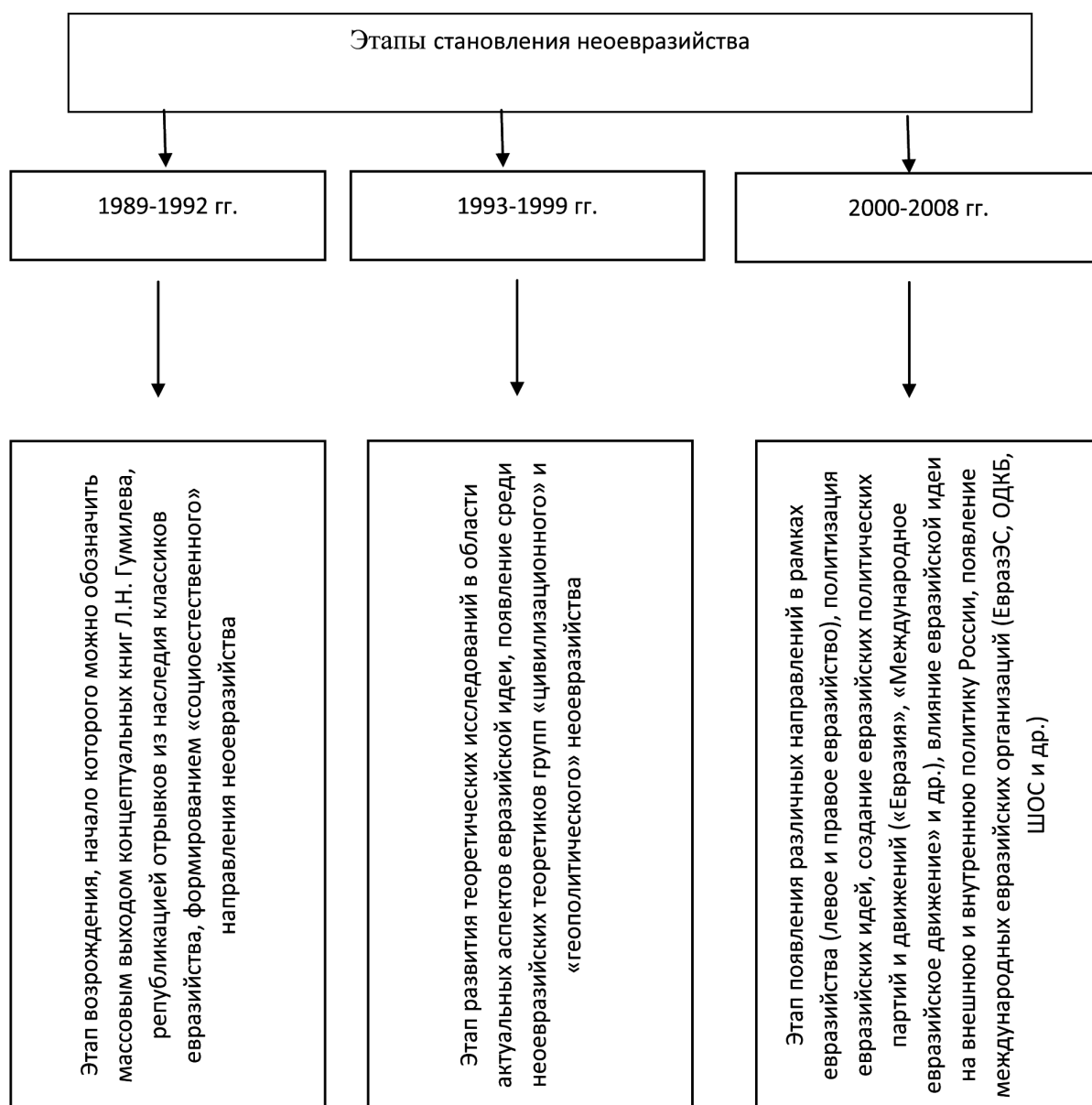

Рис. 2. Периодизация евразийских идей.

становления и развития неоевразийского, течения следует отметить, что в научной среде отсутствует единый подход к периодизации данного процесса. Неоевразийство продолжает развиваться и оказывать влияние на современный мир. Сейчас оно как никогда актуально и необходимо для практического применения в социально-политической сфере.

Сегодня назрел вопрос о трансформации политической системы России от либерально-демократического типа к совершенно новой концепции - евразийской федерации. Этот подход отражает мировоззренческие и фило-

софские идеалы современного неоевразийства, а также его практическое применение в социально-политической сфере. Не стоит забывать, что после событий 24 февраля 2022 года, у нас нет возможности ориентироваться на Запад. Например, В. В. Жириновский несколько десятилетий ориентировал нашу внешнюю политику на Восток, активно агитировал на поддержку Ирана, Ливии, Ирака и Сирии, но его попытки были тщетны. При новом подходе с внедрением неоевразийских идей в практическое русло и полноценной ориентацией на Восток, Россия может стать более влиятельной мировой державой, в то время также расширяя международное сотрудничество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М: Евразийское движение, 2017. 532 с.
2. Панарин А.С. Атлантизм и евразийство: два сценария для России // Россия: опыт национальногосударственной идеологии. М: 1994. 325 с.
3. Bassin Mark. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://www.cambridge.org/core/journals/slavicreview/article/abs/russia-between-europe-and-asia> (дата обращения: 13.03.2021).
4. Marlène Laruelle. L'idéologie eurasiste ou comment penser l'empire. Paris, L'Harmattan. Paris. 2018. 425 p.
5. Белошапко А.В. Социокультурная концепция русского евразийства: зарождение и эволюция доктрины: дис. канд. филос. наук: 20.00.01. – М.: РГБ, 2006. – 145 с.
6. Путин В. Россия: новые восточные перспективы // Независимая газета. 14 ноября 2000. – С. 22–25.
7. Лушников О.В. Евразийская идея на современном этапе: цивилизационный, геополитический и геоэкономический аспекты // - Эхо веков. 2019. №4
8. Цимбаев Н.И. Опасная мечта (Евразийство: за и против, вчера и сегодня. Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1995. № 6. - С. 102-115.
9. Дугин А.Г. Евразийская платформа. Национальная идея является из живого чрева истории // Независимая газета. 2000. 25 ноября. 15 с.
10. Laruelle M. Alexander Dugin: A Russian Version of the European Radical Right? // Kennan Institute Occasional Papers. No. 294 (2006). p. 1–26.
11. The European Court of Human Rights. Some Facts and Figures. Strasbourg: Council of Europe, 2022.

© Кочарский Лев Савельевич (lum.mas@yandex.ru), Зимовец Людмила Григорьевна (nauka-rgsu-s@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

THE PROCESS OF TRANSFORMATION OF GENDER RELATIONS IN MODERN SOCIETY

I. Malimonov
I. Sinkovskaya
L. Korol
D. Rakhinsky
Ju. Shepeleva

Summary: The article describes the gender relations that have developed in modern society. The reasons for the transformation of standard gender roles are given. Masculinity and femininity are determined by the presence of certain socio-cultural and socio-economic conditions. The problem of the formation of the egalitarian status of a modern woman is substantiated. The article shows the change of traditional gender stereotypes, assuming a clear, structured distribution of male and female responsibilities to modern ones: blurred and economically oriented.

Keywords: gender, gender roles, expressive and instrumental roles, double employment, gender stereotypes, egalitarianization, gender equality, gender conflict.

Малимонов Игорь Васильевич

старший преподаватель, Сибирский федеральный университет (Красноярск);
 доцент, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии г. Красноярск
 igonet70@mail.com

Синьковская Ирина Георгиевна

кандидат социологических наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М.Ф. Решетнева г. Красноярск
 доцент, Сибирский федеральный университет г. Красноярск
 iranet.75@mail.ru

Король Людмила Геннадьевна

кандидат биологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет г. Красноярск;
 доцент, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого
 kinghouse@yandex.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович

доктор философских наук, профессор, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого;
 профессор, Красноярский государственный аграрный университет
 siridar@mail.ru

Шепелева Юлия Сергеевна

старший преподаватель, Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого
 lady-bomg@yandex.ru

Аннотация: В статье представлено описание гендерных отношений, сложившихся в современном обществе. Приводятся причины трансформации стандартных гендерных ролей. Маскулинность и феминность определяется наличием определённых социально-культурных и социально-экономических условий. Обоснована проблема формирования эгалитарного статуса современной женщины. Показана смена традиционных гендерных стереотипов, предполагающих чёткое, структурированное распределение мужских и женских обязанностей на современные: размытые и экономически ориентированные.

Ключевые слова: гендер, гендерные роли, экспрессивные и инструментальные роли, двойная занятость, гендерные стереотипы, эгалитаризация, гендерное равенство, гендерный конфликт.

Анализируя состояние проблемы гендера в современном постиндустриальном обществе, основанном на господстве информации, следует отметить, что дифференцируемый, компьютеризированный, производительный труд сделал возможным для женщины

нашего времени достижение гендерного равенства, вследствие чего произошли серьёзные изменения содержания мужской и женской ролей и уменьшение привычного мужского доминирования. Одним из ярких примеров таких изменений содержания женских ролей

является проявление у современной молодой женщины отрицания материнства, отмеченного, например, в исследованиях А.П. Багировой: «Ядро негативного образа будущего родительства составляют представления о детях как о препятствии, затрудняющем экономическую активность личности. 34% девушек считают, что наличие детей затрудняет самореализацию в работе, а 33% – что дети обременительны в экономическом смысле» [1, 128].

Как уже ранее отмечали авторы: «Традиционное общество формировало семью как гендерную систему, построенную на жестких принципах господства (мужчина) и подчинения (женщины и дети), но гарантирующую заботу и понимание своего предназначения, а также защиту от одиночества» [6, 30]. Инструментальные (мужские) и экспрессивные (женские) и гендерные роли, присваивают мужу и жене стандартные качества, которые актуальны в реализации свойственных им социальных функций. Так, В. Шубарт отмечал, что: «Мужской склад – это воля к власти, доминирование идеи права над идеей любви, действия над созерцанием, рассудка над чувством. Женский склад – самоотдача, благоговение, смирение, терпение. Мужчине свойственны критика, рационализм. Женщине – интуиция, восприимчивость к внушению, вера» [8, 179].

Однако в современной социально-производственной сфере возникла необходимость вовлечения в неё всё большего и большего количества женщин, что, в свою очередь, существенно сократило мужское влияние. Определённые отрасли современной экономики (сфера услуг, система образования и воспитания и др.), связанные с выполнением экспрессивной функции, закрепляют и делают женщину востребованной, конкурентоспособной на рынке труда. И в этой ситуации массового включения женщин в экономику, ставится под угрозу статус мужчины как субъекта управленческой деятельности, а соответственно и источник его владычества, и даже его физического существования.

Но мужчина не отдаёт свою власть добровольно. Он сопротивляется, стремясь к привычным лёгкости бытия и выгодам от данного положения дел. Ярким подтверждением этого является приватная сфера (семья), в которой, в отличие от публичной, мужчина имеет возможность доминировать над женщиной. Данное доминирование, зачастую основанное на экономической власти (спонсор, кормилец), способствующей поддержанию социального статуса. И, несмотря на существующее в публичной сфере равноправие полов, в приватной сфере мы видим сохранение контроля мужчины. Прекрасным примером подобного неравноправия является двойная занятость женщин. Ведь совмещение инструментальной (мужской) роли никоим образом не освободило современную женщину от необходимости выполнения и экспрессивной (женской) роли в семейном быту.

Это объясняется тем, что гендерные отношения в приватной сфере определяются не только влиянием макроэкономических факторов, но и спецификой первичной социализации, в ходе которой формируются и закрепляются традиционные гендерные стереотипы. Последние представляют собой устойчивые схематические представления о социально-психологических различиях и функциях мужчин и женщин. Значимость традиционных гендерных стереотипов в жизни современной женщины отмечается А.К. Кубановой: «Женщина получила возможность работать, но это не освободило её от домашнего труда, который предписан традиционным поведением. В быту она несла и несёт воз домашнего труда...» [4, 76]. В большей части вынужденное, но и одновременно знакомое, одобряемое, привычное (получаемое в результате процесса первичной социализации) совмещение ролей порождает проблему двойной нагрузки женщин, усиливая противоречия между традиционными семейными и профессиональными ролями. Следствиями этого являются:

- рост количества разводов;
- падение уровня рождаемости;
- увеличение количества одиноких людей.

Но традиционные гендерные стереотипы, предполагающие чёткое, структурированное распределение мужских и женских обязанностей постепенно сменяются современными, размытыми, экономически ориентированными. Социально-экономические причины, так или иначе, разрушают отношение социума к оценке выгоды разделения домашнего труда – гораздо выгоднее распределить семейные роли и функции по-иному. И поэтому, как уже было отмечено ранее: «Современные экономические условия, выражающие в преобладание умственного труда над физическим, позволили женщине превратиться из «кухарки и прачки» в конкурентоспособную единицу на рынке занятости и заставили пересмотреть обычное распределение труда между полами» [9, 629]. Продолжение вхождения женщин на рынок труда способствует их эгалитаризмами и составляет, по мнению Е.В. Базуевой и М.В. Радионовой «скрытый резерв развития экономики регионов России, ... и является необходимым условием их устойчивого и сбалансированного развития в будущем» [2, 127].

Таким образом, на уровне семьи можно констатировать тенденцию эгалитаризации, проявляющуюся в стремлении супругов к равноправию. По мнению П. Сорокина, эгалитаризация порождается двумя значимыми факторами – потерей религиозной основы брака и эмансипацией женщин: «... освобождение женщины совершается с поступательным ходом истории, что она завоевывает всё больше и больше прав, ... весь уклад современной жизни ведет к распаду семьи, и остановить последний – значит изменить в корне всю организацию современного общества и вернуть ее на несколько веков назад – задача очевидно невозможная [7].

Соглашаясь с мнением П.А. Сорокина, авторы ранее отмечали: «По данным исследователей эгалитаризация глубоко проникла в сознание современных людей, что сопровождается возрастанием свободы партнёров в конструировании форм и норм семейно-брачных отношений с одновременным ослаблением социального контроля над молодыми семьями» [5, 64].

Такая противоречивая внешняя ситуация порождает внутриличностную проблему выбора между семьей и карьерой у большинства современных женщин. Это, в свою очередь, начинает проявляться на уровне женского поведения в форме конфликта между коллективистской семейно-ориентированной стратегией и стратегией индивидуального успеха. Как считает О.М. Здравомыслова:

«Этот конфликт разнонаправленных жизненных стратегий приходит на смену кризису двойной идентичности, остро пережитому российскими женщинами в первой половине 90-х годов. Характерным для формирующейся жизненной стратегии женщины является противоречие между ценностью успеха и ценностью семьи и разрушение стереотипных представлений о различиях мужского и женского поведения» [3, 32].

Таким образом, в современном обществе происходят постепенные важнейшие изменения в содержании распределения гендерных ролей в части их эгалитаризации. Это серьёзным образом сказывается на изменении гендерных установок и стереотипов, определяя характер соответствующих отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багирова А.П., Шубат О.М. Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 126-131.
2. Базуева Е.В., Радионова М.В. Исследование взаимосвязи степени гендерного неравенства и уровня развития региональных социально-экономических систем // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 120-131.
3. Здравомыслова О.М. Гендерные аспекты современных российских трансформаций: проблемы методологии исследования // Автореферат дисс. на соискание уч. ст. д-ра филос. наук. М., 2008. 50 с.
4. Кубанова А.К. Представления женщин о распределении экономических функций в семье // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 75-80.
5. Малимонов И.В., Синьковская И.Г., Король Л.Г., Рахинский Д.В. Брачный возраст и его роль в трансформации брачного поведения современной молодежи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Познание. 2017. № 9-10. С. 63-66.
6. Малимонов И.В., Синьковская И.Г., Рахинский Д.В., Бакшеев А.И. Трансформация гендерных ролей российской семьи в многообразии социальных отношений и ценностей // Научное мнение (Педагогические, психологические и философские науки). 2016. № 12. С. 29-34.
7. Сорокин П.А. Кризис современной семьи [Электронный ресурс] URL: <https://scicenter.online/pedagogika-scicenter/sorokinkrizis-sovremennoy-semisotsiologicheskij.html> (дата обращения: 27.01.2023).
8. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Альманах «Русская идея», Вып. 3, 2-е исправленное изд. 2000. 448 с.
9. Malimonov I.V., Rakhinsky D.V., Sinkovskaya I.G., Korol L.G., Aisner L.Yu., Bershadskaya S.V., Trashkova S.M. Global changes of family unit in modern Russia // Astra Salvensis. 2018. Vol. 6. № 12. P. 623-633.

© Малимонов Игорь Васильевич (igonet70@mail.com), Синьковская Ирина Георгиевна (iranet.75@mail.ru), Король Людмила Геннадьевна (kinghouse@yandex.ru), Рахинский Дмитрий Владимирович (siridar@mail.ru), Шепелева Юлия Сергеевна (lady-bomg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Babushkin A. – Moscow Innovative University

Banshchikov A. – Assistant, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, Russia, St. Petersburg

Belinsky A. – Graduate student, Lomonosov Moscow State University

Bogush V. – PhD student of the Department of Psychology Russian State Social University

Bolenkova E. – Senior Lecturer, Pacific State Medical University (Vladivostok)

Bolshakova A. – Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Chernorizov A. – Doctor in Psychology, professor, Lomonosov Moscow State University

Devishvili V. – PhD biological sciences, associate professor, Lomonosov Moscow State University

Filatov N. – Student, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Goldobin E. – senior teacher, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

Gudimenko O. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Omsk State University of Railway Engineering (OmGUPS)

Kadochnikova I. – Applicant, Chelyabinsk State University

Kapustina T. – candidate of psychological sciences, Pacific State Medical University (Vladivostok)

Khvoshchevskaya I. – PhD of Pharmacy, Deputy Director of the "Center for Additional Education and Career Development" of Yaroslav the Wise NovSU (Velikiy Novgorod, Russia)

Kireev M. – Doctor of Philosophy, Belgorod State Institute of Arts and Culture

Our authors

Kireeva N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Belgorod State Institute of Arts and Culture

Kocharsky L. – Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; Junior Researcher, Laboratory of Ethnosocial Research, Institute for Development of Regions, Sochi

Komissarenko S. – Doctor of Culturology, professor, Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, honorary worker of higher education of Russia

Konash O. – post-graduate student, «Gomel State University Francysk Skaryna», Gomel

Koreneva E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Belgorod State Institute of Arts and Culture

Korol L. – candidate of biological sciences, assistant professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); assistant professor, V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

Lobin M. – senior developer, PGK DJITAL Ltd.

Makarova M. – PhD in political science, Assistant, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Malimonov I. – senior lecturer, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); assistant professor, Siberian Institute of Business, Management and Psychology (Krasnoyarsk)

Nazarov Yu. – Doctor of Arts, Professor, Russian State University A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art) Moscow

Petrova E. – Dr. Sci. Psychology, Professor, Full Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Full Member and President of the Imageology Academy, Russian State Social University

Pikta V. – Postgraduate student, Leningrad State University A.S. Pushkin

Pokrovskaya E. – PhD, docent, TUSUR

Raitina M. – PhD, docent TUSUR

Rakhinsky D. – doctor of philosophy, professor, V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University; professor, Krasnoyarsk State Agrarian University

Rodnikova E. – Pacific State Medical University (Vladivostok)

Savchenko S. – post-graduate student, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation

Shepeleva Ju. – senior lecturer, V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University

Shestakov I. – master student, Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Sinkovskaya I. – candidate of sociological sciences, assistant professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); assistant professor, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk)

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Viktorova E. – Candidate of pedagogic sciences, associate professor, Penza State University

Yadrishenskaya T. – Ph.D., associate professor, Pacific National University, Khabarovsk

Zheng Xiang – Postgraduate student, Russian State University A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art), Moscow

Zimovets L. – Doctor of Philosophy, Professor, Sochi State University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).